В. Зелинскій.

КРИТИЧЕСКІЕ РАЗБОРЫ

РОМАНА

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО

„БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ“.

ДОПОЛНЕНІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ

„Критическаго комментарія къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго“.

Сюда вошли слѣдующія критическія статьи: Л. Оболенскаго („Мысль“ 1881 г., № 2), Е. Маркова („Русская Рѣчь“ 1879 г., № 12), М. Антоновича („Новое Обозрѣніе“ 1881 г., № 3), Н. Звѣрева („Русь“ 1881 г., № 1), Н. Михайловскаго („Отечественныя Записки“ 1881 г., № 2 и соч. Н. Михайл., т. 6), О. Миллера („Женское Образованіе“ 1882 г., № 2 и 3) и В. Чижа („Достоевскій какъ психопатологъ“, „Русскій Вѣстникъ“ 1884 г., № 5 и 6 и отд. изданіе).

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

МОСКВА.
Типографія А. Г. Кольчугина, Волхонка, домъ Воейковой.
1894.

2358/8.4

Дозволено цензурою. Москва, 29 октября 1893 года.

„БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ“.

(1879 г.) *).

**) Въ небольшомъ городишкѣ живетъ богатый баринъ, пьяница, развратникъ и бывшій приживальщикъ, Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ. У него трое сыновей, которые всѣ еще въ дѣтствѣ своемъ были брошены на произволъ судьбы; воспитывались они сперва въ кухнѣ, благодаря состраданію стараго слуги Григорія, а потомъ были разобраны разными благотворителями. Кромѣ того, есть четвертый сынъ побочный, прижитый сладострастнымъ старикомъ отъ одной юродивой и нѣмой карлицы, на которую соблазнился старикъ, именно, вслѣдствіе необыкновенной оригинальности факта... Это бываетъ у такихъ людей, сдѣлавшихъ сладострастье цѣлью жизни, дошедшихъ до отупѣнія всѣхъ здоровыхъ инстинктовъ и отсюда до противоестественныхъ потребностей.

Этотъ побочный сынъ, Смердяковъ, играетъ важную роль въ романѣ и о немъ надо сказать два слова. Онъ выросъ, зная, что онъ побочный сынъ барина, и тѣмъ для него тяжелѣе и презрѣніе дворни и побои старика Григорія, который смотритъ на него съ величавымъ презрѣніемъ, какъ на дитя грѣха и позора, да еще отъ какой-то юродивой. Выходитъ ребенокъ озлобленный, дикій, ненавидящій всѣхъ, какъ волченокъ, но умный и хитрый. Впослѣдствіи

*) Появился въ свѣтъ въ 1879 году и въ первый разъ печатался въ „Русскомъ Вѣстникѣ“—за 1879 г. въ книгахъ: 1, 2, 4, 5, 8,—11; и за 1880 г., въ книгахъ: 1, 4, 7—11. Отдѣльно изданъ въ двухъ томахъ. Спб. 1881 г. Третье изданіе составляетъ 13 и 14 томы „Полнаго собранія сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго“, 14 томовъ, Спб. 1882—1883 гг. Четвертымъ изданіемъ печатался и составляетъ 6 томъ „Полнаго собранія соч. Ѳ. М. Достоевскаго“, 6 томовъ, Спб. 1885—1886 гг. Послѣ того печатался еще двумя изданіями.

**) Л. О. (Оболенскій). „Мысль“ 1881 г., № 2.

Примѣч. В. Зелинскаго.

отецъ начинаетъ его пускать къ себѣ въ комнаты для забавы, какъ обезьяну, а замѣтивъ, что онъ честенъ и страшно брезгливъ, рѣшаетъ сдѣлать его поваромъ. Смердяковъ отсылается въ Москву, учится тамъ поварскому искусству и, возвратившись, дѣлается поваромъ и лакеемъ. Онъ по прежнему молчаливъ, дикъ, сосредоточенъ и оживляется немного только тогда, когда съѣхались его братья, которые, впрочемъ, на него мало обращаютъ вниманія, но онъ старается имъ показать свой умъ и втайнѣ, кажется, обожаетъ одного изъ братьевъ—Ивана, считая его необыкновенно умнымъ, особенно за его либеральные разговоры о религіи.

Надо сказать, что Смердяковъ втайнѣ мыслитель и даже отрицатель самородный. Авторъ называетъ его „созерцателемъ". Но о немъ пока довольно. Просимъ только еще разъ замѣтить, что, по нашему, онъ обожаетъ брата Ивана; у юноши должна быть неизбѣжно страшная потребность любви, ибо его никто никогда въ жизни не любилъ. Мать умерла во время родовъ. Только запомнивъ это наше мнѣніе, читатели поймутъ дальнѣйшую драму. И это не только наше мнѣніе, это подчеркиваетъ и авторъ, заставляя старика Карамазова замѣтить, что Смердяковъ всегда старается говорить и отличиться при Иванѣ. Но перейдемъ къ разсказу.

Старшій сынъ Дмитрій, офицеръ, кутила и буянъ, русская широкая натура. Онъ сосланъ въ далекій полкъ за какую-то дуэль, и здѣсь прокучиваетъ наслѣдство, оставшееся послѣ матери, которое считаетъ „гораздо большимъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ". Отецъ, зная его натуру, его страсть къ широкимъ кутежамъ, ловитъ его на ловкую удочку, т. е. соглашается сразу выслать ему пять тысячъ, если тотъ выдастъ ему расписку, что сполна получилъ свою часть. Дмитрій соглашается. Итакъ, замѣтьте, онъ знаетъ, что отецъ его ограбилъ, но соглашается потому, что менѣе широко жить не умѣетъ, а тамъ будь, что будетъ, хоть пуля въ лобъ. Хоть часъ, да мой!

Надо замѣтить, что его полковникъ, добрый старикъ, довольно энергично преслѣдуетъ его за кутежи и между ними идутъ ссоры. Въ это время къ полковнику пріѣзжаетъ дочь, красавица, „кончившая курсъ въ аристократическомъ пансіонѣ". Гордая, изящная, сдѣлавшаяся предметомъ обожаній

цѣлаго городка, она презрительно относится къ Карамазову, вѣроятно, зная его, по разсказамъ, за кутилу, буяна и развратника. Это его подымаетъ на дыбы. Къ этому времени съ полковникомъ случилась катастрофа. Онъ не разъ давалъ изъ полковой кассы деньги на ярмарку одному почтенному старому купцу, и тотъ всегда возвращалъ. Далъ и на этотъ разъ, но, какъ нарочно, въ это время назначенъ былъ смотръ, кончившійся неудачно, и полковнику велѣли выйдти въ отставку. Полковникъ—къ купцу. Тотъ зная, что больше старикъ ему не понадобится и что никакихъ расписокъ нѣтъ, очень удивился, что отъ него требуютъ какихъ-то денегъ. Полковникъ вернулся домой и приготовился застрѣлиться, но семья успѣла ворваться въ кабинетъ и обезоружить его. Общество, конечно, отшатнулось отъ полковника. Въ это время Дмитрій Карамазовъ, встрѣтивъ на улицѣ сестру красавицы (съ этой сестрой онъ друженъ даже былъ) шепнулъ ей просто изъ мести и злорадства: „пусть, молъ, ваша сестрица *явится* ко мнѣ сегодня, я ей дамъ четыре съ половиной тысячи“. Та въ ужасѣ могла только выговорить: „подлецъ!“ и побѣжала отъ него. Но утромъ надо было сдавать кассу, и дѣвушка явилась, хотя блѣдная, негодующая, униженная, убитая. Что-то потрясло Дмитрія, и не смотря на то, что онъ жадно созерцалъ ея молодую красоту, что онъ страстно жаждалъ мести, онъ вдругъ въ порывѣ, быть можетъ, офицерскаго гонора, а, быть можетъ, понявъ, что это будетъ наиболѣе эффектной, наиболѣе театральной местью, даетъ ей всѣ свои пять тысячъ и провожаетъ съ низкимъ почтительнымъ поклономъ. Она затряслась вся и по-русски упала ему въ ноги. Когда она ушла, онъ зарыдалъ отъ прилива какого-то высокаго чувства и даже хотѣлъ тотчасъ убить себя шпагой и ужъ вынулъ ее, но подумалъ и только поцѣловалъ шпагу.

Что могла впослѣдствіи почувствовать къ нему эта несчастная дѣвушка? Она не показывается ему на глаза, а только присылаетъ сдачи съ 5,000, да ужъ когда уѣхала въ Москву, прислала записочку, что будетъ ему писать. Въ Москвѣ она неожиданно получаетъ наслѣдство, высылаетъ ему долгъ и сама предлагаетъ ему жениться на ней. Онъ ѣдетъ въ Москву.

Теперь мы должны кратко высказать нашъ взглядъ на чувства этой дѣвушки, которыя съ такой силой обнаруживаются потомъ, когда Дмитрія судятъ за убійство отца. Она думаетъ сама, что она его любитъ, но она съ самаго начала, по нашему мнѣнію, не любитъ его, а ненавидитъ, что иногда очень похоже одно на другое, и не только ненавидитъ, но жаждетъ мести, только мести высокой; гордая душа, да и никакая душа не можетъ простить такого ужаснаго благодѣянія, соединеннаго съ возмутительнѣйшимъ мученіемъ и оскорбленіемъ, какое заставилъ ее пережить Дмитрій. Такое душевное потрясеніе, какое онъ ее заставилъ вынести, ее чистую и невинную, не искупается никакими тысячами. Очень бы дешева была личность человѣка, если бы обиды можно было откупать деньгами. Но она не сознаетъ своей ненависти и жажды мести. Она вѣритъ, что она ему благодарна, что она его любитъ. А зачѣмъ же она-то сама его благодѣтельствуетъ? А вотъ именно затѣмъ, чтобы искупить его благодѣяніе и чтобы въ остаткѣ онъ ей былъ долженъ свое страшное окорбленіе, только онъ. Вотъ въ чемъ ея месть. „Вамъ онъ нуженъ—говоритъ ей однажды Иванъ:—чтобы непрерывно созерцать вашъ подвигъ вѣрности и упрекать его въ невѣрности, и все это отъ вашей гордости“. „Гордая женщина—продолжаетъ онъ:—въ моей дружбѣ не нуждалась. Она держала меня при себѣ для безпрерывнаго *мщенія*. Она мстила мнѣ и на мнѣ за всѣ *оскорбленія*, которыя постоянно и всякую минуту выносила *во весь этотъ срокъ отъ Дмитрія*, оскорбленія съ *первой встрѣчи ихъ*, *потому что и самая* первая встрѣча ихъ осталась у ней въ сердцѣ, *какъ оскорбленіе*“.

Потомъ мы встрѣчаемъ Дмитрія уже въ городкѣ, гдѣ живетъ отецъ; онъ пріѣхалъ за полученіемъ отъ отца остатковъ материнскаго наслѣдства. За нимъ пріѣхала и невѣста. Имѣя такую богачку-невѣсту, онъ по одной только причинѣ могъ явиться къ отцу за какими-нибудь тремя-четырьмя тысячами: причина та, что онъ человѣкъ гордый и тонко чувствующій дѣла чести,—онъ инстинктивно сознаетъ, что Екатеринѣ Ивановнѣ не долженъ обязываться, не долженъ болѣе, чѣмъ кому-либо другому. Иными словами, онъ чувствуетъ инстинктивно, что ихъ отношенія не такъ просты,—что его

преступленіе если и смыто его пятью тысячами, то вѣдь жертвы Екатерины Ивановны смоютъ эти пять тысячъ, и тогда его благороднаго поступка не останется и въ поминѣ, а останется одно уже несмытое преступленіе противъ нея. Отецъ еще болѣе возненавидѣлъ сына, узнавъ, что тотъ пріѣхалъ за деньгами, которыя нужны старому сластолюбцу для наслажденія. Съ свойственнымъ только ему цинизмомъ, Ѳедоръ Павловичъ беретъ три тысячи, просимыя сыномъ, завязываетъ ихъ въ пакетъ и назначаетъ въ уплату за ночной визитъ одной мѣстной красавицѣ, если она захочетъ притти,—увѣдомивъ ее объ этомъ, конечно.

Эта красавица, по имени Грушенька, живетъ на содержаніи у дряхлаго богача-купца, который почти спасъ ее отъ голодной смерти, и она искренно считаетъ его благодѣтелемъ и старается отплатить ему, ухаживая за больнымъ, говоря ему сказки и совершенно ему отдаваясь. Впрочемъ, она свободна, живетъ въ отдѣльномъ флигелѣ. Эта личность очень замѣчательно обрисована. Грушенька дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, глубоко оскорбленная и брошенная однимъ негодяемъ, который увлекъ ее, когда она была дѣвочкой. Родители ее прогнали, и вотъ какъ она попала къ купцу, худенькая, блѣдная, плачущая по цѣлымъ днямъ. Потомъ она поправилась, пополнѣла, развилась физически и расцвѣла въ чисто русскую, роскошную красоту. Она стала практична, быть можетъ, подъ вліяніемъ своего купчины. Цѣлью ея сдѣлалось нажить капиталъ,—о, это цѣль многихъ униженныхъ и оскорбленныхъ, которымъ не откуда узнать иныхъ болѣе высокихъ цѣлей жизни! „Капиталъ все же сила, и авось онъ подыметъ насъ въ глазахъ среды, если въ глазахъ этой среды насъ уронило такъ низко честное, но необдуманное юношеское увлеченіе!“ Но въ глубинѣ души таится и другая цѣль этой наживы капитальца. Она все еще любитъ негодяя, т. е. сама не знаетъ, любитъ ли, ненавидитъ ли. Ей кажется, что деньги ей нужны для мести, чтобы отыскать его когда-нибудь, поразить своей красотой и богатствомъ и потомъ сказать: „Поздно, голубчикъ! Не умѣлъ беречь! Кайся теперь!“ Но это она только мечтаетъ, а когда онъ является, она все забываетъ, все, и рвется къ нему и готова все простить, все отдать. Но мы забѣгаемъ впередъ.

Скажемъ еще, что она добра и въ то же время горда или даже не горда, а именно оскорблена на всю жизнь и потому постоянно полна стремленія охранить себя, постоянно на сторожѣ и отъ того кажется злой, бездушной, мстительной. (Вспомните сцену, когда она не хочетъ поцѣловать руку у Екатерины Ивановны, которая цѣловала ея руки). Лицо, чудно нарисованное въ психологическомъ отношеніи да и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, начиная съ ея простого, нѣсколько мѣщанскаго языка и кончая каждымъ жестомъ, каждымъ порывомъ, каждымъ диссонансомъ ея не мелкой, но несчастной раздвоенной души.

Дмитрій, узнавъ, что отецъ передалъ ей его векселя, идетъ ее бить, но, увидавъ вблизи, до безумія въ нее влюбляется. Такимъ образомъ, отецъ становится соперникомъ сыну, и сынъ знаетъ отъ лакея Смердякова, что его кровныя материнскія три тысячи приготовлены отцомъ для того, чтобы купить, отбить у сына Грушеньку, страсть къ которой все сильнѣе разгорается у обоихъ, потому что она не поддается обоимъ, хотя и тому и другому не даетъ терять надежды. Въ это время пріѣзжаютъ въ городишко два другихъ брата: второй—Иванъ и младшій—Алексѣй. Иванъ пріѣхалъ отчасти по просьбѣ брата, чтобы помочь ему въ дѣлѣ съ отцомъ, отчасти потому, что втайнѣ любитъ невѣсту брата Екатерину Ивановну, съ которой познакомился въ Москвѣ и втайнѣ же любимъ ею. Хотя она въ то же время рѣшила неизмѣнно всю жизнь свою посвятить Дмитрію, хотя бы онъ бросилъ ее и сошелся съ другой: она будетъ ѣздить за нимъ всюду, какъ тѣнь, и являться съ помощію, ни въ чемъ ему не мѣшая. Зная, какъ нужны Дмитрію деньги для его исторіи съ Грушенькой, о которой Екатеринѣ Ивановнѣ извѣстно, она даетъ ему эти три тысячи, но не прямо ему, а прося ихъ отправить въ Москву къ теткѣ. Она нарочно подчеркиваетъ, что теткѣ деньги не очень скоро нужны, и онъ можетъ не торопиться отправлять. Но даетъ она, какъ потомъ сама сознается на судѣ, съ презрѣніемъ, съ злорадствомъ, терзая себя мыслью, что вотъ онъ эти деньги отдастъ любовницѣ, что онъ ихъ украдетъ, что онъ мерзавецъ. „И пусть, думаетъ она, а я посмотрю!“ И она въ то же время не знаетъ, любитъ ли она его или Ивана; ей кажется еще, что она любитъ Дмитрія.

Вышло такъ, какъ она ожидала. Дмитрій, ничего ей не сказавъ, денегъ не отправилъ, а половину ихъ прокутилъ съ Грушенькой въ одну ночь въ селѣ Мокромъ подъ городомъ, ничего отъ той не добившись, а только перепоивъ всю деревню шампанскимъ,—а другую половину зашилъ у себя на груди на тотъ случай, если Грушенька согласится съ нимъ бѣжать, чтобы было на что увезти. Онъ понимаетъ, что сдѣлалъ подлость, но думаетъ, что не укралъ, ибо надѣется еще возвратить деньги, получивъ отъ отца при посредствѣ брата Ивана и Алеши. Но тѣмъ не менѣе съ этой минуты онъ совсѣмъ человѣкъ погибающій: мысль, что онъ сдѣлалъ величайшую подлость противъ дѣвушки, посвятившей ему всю жизнь, и что ежеминутно, нося ея деньги на груди, ежеминутно ихъ воруя у нея, онъ ежеминутно дѣлаетъ эту подлость вновь,—терзаетъ его невыносимо. Онъ еще болѣе кутитъ, пьетъ, а въ то же время, боясь, что Грушенька пойдетъ къ отцу, мучится страшной ревностью, дни и ночи подкарауливаетъ ее въ какомъ-то огородѣ, еще сильнѣе ненавидитъ отца, кричитъ вездѣ, что убьетъ его, что тотъ ему долженъ; разъ даже, вообразивъ, что Грушенька прошла къ старику,—чего вовсе не было, а просто померещилось человѣку, обезумѣвшему отъ ревности и измученному до галлюцинацій,—онъ ворвался къ отцу, ударилъ его объ полъ, разбилъ, обшарилъ комнаты, избивъ старика Григорія, и убѣжалъ. Деньги ему теперь особенно нужны, чтобы отдать ихъ невѣстѣ и снять съ себя муку мысли, что онъ подлецъ. Мы ужъ сказали, что въ городъ пріѣхали два другіе брата—Алексѣй и Иванъ. Алексѣй нервный, кроткій, любящій, пріѣхалъ, бросивъ гимназію для того, чтобы отыскать могилу матери; мать онъ смутно помнилъ въ одной ужасной сценѣ, рыдающую передъ образомъ Божьей матери и прижимающую его къ сердцу. Около города есть монастырь, въ которомъ, между прочимъ, живетъ отрѣшившійся отъ міра старецъ Зосима, считающійся въ народѣ святымъ и чудотворцемъ. „Сила и слава этого старца прежде всего увлекла Алешу“, а познакомившись съ старцемъ ближе, увидѣвъ съ его стороны глубокую, нѣжную, почти материнскую любовь къ себѣ, Алеша совсѣмъ отдается ему душой и сердцемъ. Любовь же старца къ Алешѣ объясняется тѣмъ, что

Алеша былъ очень похожъ на брата этого старца, умершаго въ юности чахоткой и передъ смертью поразившаго всѣхъ окружающихъ вдругъ развившейся необыкновенной кротостью, нѣжностью, любовью къ людямъ, природѣ и даже къ птичкамъ. Чувствительность больного доходила до того, что онъ постоянно, съ восторженными слезами просилъ у всѣхъ прощенья, даже у птицъ; казалось ему, что онъ всѣхъ обидѣлъ... Увлеченный старцемъ и его рѣчами, Алеша, юноша, подобно многимъ юношамъ, представлявшій изъ себя, по выраженію г. Достоевскаго „ранняго человѣколюбца", рѣшился поступить въ монастырь. Достоевскій говоритъ, что если бы онъ не наткнулся на старца и не увѣровалъ, то пошелъ бы также точно въ атеисты или въ соціалисты, ибо принадлежалъ именно къ тому типу людей, которые не могутъ, принявъ какую-нибудь теорію за истину, не осуществить ее вполнѣ. Они не могутъ, говоритъ авторъ, „услышавъ слова: раздай все имѣніе бѣднымъ, или иди за мной,— ограничиться тѣмъ, что будутъ ходить къ обѣднѣ, или подавать нищимъ копейки". Достоевскій не одобряетъ своего Алешу и всѣхъ ему подобныхъ за то только, что они очень торопливы. „Жизнью пожертвовать не такъ трудно, говоритъ онъ, какъ это кажется: наоборотъ, такимъ юношамъ бываетъ гораздо труднѣе принять на себя болѣе долгій и, повидимому, болѣе легкій подвигъ, напримѣръ, лишнихъ четыре-пять лѣтъ поучиться, чтобы потомъ служить той же правдѣ съ удесятеренными силами. Но этотъ даже маленькій подвигъ имъ труднѣе, чѣмъ пожертвованіе жизнью и именно потому, что они ищутъ подвига „скораго".—Вотъ Алеша то и задумалъ помирить брата съ отцомъ, при посредствѣ старца, вѣря въ его чудотворную силу. Однако, не смотря на то, что свиданье въ кельѣ у старца устроилось, и даже въ присутствіи благородныхъ свидѣтелей,—дѣло кончилось весьма не чудотворно и даже страшно скандально. Быть можетъ, присутствіе-то благородныхъ свидѣтелей, въ лицѣ либерала аристократа Міусова, заранѣе раздражившаго самолюбіе старика,—и сдѣлало то, что не могло состояться примиреніе. Дмитрій, разъяренный ругательствами старика, въ свою очередь разъяреннаго Міусовымъ, и его явнымъ презрѣніемъ, намекнулъ при всѣхъ, что онъ убьетъ отца, закричавъ:

„зачѣмъ, зачѣмъ такіе люди живутъ!“ Произошелъ страшный переполохъ. Старецъ всталъ и неожиданно для всѣхъ поклонился въ ноги Дмитрію, потомъ торопливо вышелъ. Тѣмъ и кончилось это свиданіе. Между тѣмъ, старецъ черезъ нѣсколько дней умираетъ, умираетъ тихо и покойно, уча своихъ ближнихъ монаховъ и Алешу. Весь городъ ждетъ чудесъ, ждутъ и его друзья (а у него есть и враги въ монастырѣ, потому что старчество есть новшество, и многіе монахи противъ старчества). Но чудо не происходитъ, а старецъ въ ту же ночь, какъ умеръ, началъ разлагаться, издавая трупный запахъ. Это страшно поразило Алешу, такъ какъ его вѣра въ старца держалась отчасти вѣрой въ чудо, и вотъ въ припадкѣ отчаянія, онъ сперва плачетъ, потомъ бросаетъ тѣло обожаемаго учителя, не дождавшись похоронъ, и бѣжитъ изъ монастыря. На дорогѣ онъ встрѣчаетъ семинариста Ракитина,—типъ безсердечнаго, забитаго бурсой практичнаго дѣльца негодяя, который постоянно вертится около монаховъ и въ глаза имъ льститъ, а за глаза смѣется, проповѣдуя матеріализмъ и Клода Бернара. Ракитинъ зоветъ Алешу кутить къ Грушенькѣ, которая давно заманиваетъ къ себѣ Алешу, чтобы соблазнить: ужъ очень, какъ ей казалось, онъ гордо смотрѣлъ на нее, презирать ее долженъ былъ, по ея мнѣнію. Алеша на все согласенъ. У Грушеньки онъ пьетъ, она сажаетъ его къ себѣ на колѣни; вообще малый оказался Карамазовымъ, едва спали связывавшія его путы увлеченія вѣрой. Но вотъ Ракитинъ упомянулъ, что старецъ умеръ. Въ душѣ Грушеньки мелькнуло сожалѣніе, что въ такую минуту она соблазняетъ Алешу. А, быть можетъ, и не такъ была бы она чувствительна къ этому, если бы въ этотъ день не получила извѣстія, что ея „измѣнщикъ“ къ ней ѣдетъ и скоро будетъ. Ея сострадательный порывъ пробуждаетъ и Алешу точно отъ сна. Онъ самъ сейчасъ испыталъ, какъ легко пасть, а потому начинаетъ и ее понимать лучше, видѣть въ ней несчастнаго человѣка, живое, чувствующее сердце. Къ этому прибавилось то, что Грушенька, раздраженная насмѣшками Ракитина, открываетъ Алешѣ секретъ: Ракитинъ за его приводъ получилъ съ нея двадцать пять рублей. Въ это время получается извѣстіе, что „измѣнщикъ“ пріѣхалъ и ждетъ ее въ Мокромъ. Она, какъ помѣшанная,

мечется, терзается, борется между желаніемъ мести и любовью и, наконецъ, уѣзжаетъ, прося сказать Дмитрію, что она его „часочекъ одинъ любила“. А въ то-же время, Дмитрій, какъ безумный, сжигаемый подозрѣніями, ревностью, муками совѣсти, рыщетъ всюду, чтобы найти три тысячи для расплаты съ невѣстой. У него, какъ у всѣхъ людей, привыкшихъ имѣть деньги безъ труда, безпрестанно являются блестящія идеи: то занять у купца, благодѣтеля Грушеньки, объявивъ ему, что онъ на ней женится,—то у одной мѣстной барыни-вдовы, г-жи Хохлаковой, — то у богатаго лѣсопромышленника. Купецъ, конечно, чуть не ругается и явно надъ нимъ смѣется. Г-жа Хохлакова — типъ Кукшиной, но только шире и яснѣе разработанный,—все время свиданія, увлекаясь собственнымъ фразерствомъ, трещитъ ему, что дастъ ему больше трехъ тысячъ, и когда обезумѣвшій отъ отчаянья человѣкъ ожидаетъ, ждетъ, она даетъ ему, дѣйствительно, но не деньги, а образокъ на шею и совѣтъ отправиться на золотые пріиски и тамъ разбогатѣть... Онъ чуть ее не ударилъ.

Далѣе обрисованъ Достоевскимъ сельскій священникъ, сдѣлавшійся невольнымъ проводникомъ Дмитрія къ одному лѣсопромышленнику. Видя человѣка въ страшномъ, отчаянномъ волненіи, онъ ни разу не задумывается о своихъ обязанностяхъ, какъ пастыря духовнаго, ему и дѣла нѣтъ до души этого человѣка, который нынче же совершитъ, быть можетъ, преступленіе. Да и нельзя въ этомъ винить батюшку: онъ, запуганный, еще въ семинаріи, не меньшій матеріалистъ (не въ философскомъ, а въ житейскомъ смыслѣ слова), чѣмъ самъ Ракитинъ, именно, быть можетъ, благодаря нуждѣ да семинарской розгѣ, — все время думаетъ только объ одномъ и трепещетъ отъ страха: „не разсердится ли Ѳедоръ Павловичъ, что онъ провожалъ его нелюбимаго сына, да еще для чего? Для продажи отцовскаго лѣса! А если разсердится? Не донести ли Ѳедору Павловичу? и т. д..“

Вернувшись въ городъ отъ лѣсопромышленника и не получивъ денегъ, Дмитрій бросается, конечно, къ Грушенькѣ, но она исчезла. Горничная въ испугѣ мелетъ чепуху. Карамазовъ хватаетъ изъ ступки пестикъ и бѣжитъ, себя не помня, конечно, въ садъ къ отцу, перелѣзая черезъ заборъ.

Гдѣ-жъ и быть Грушенькѣ, какъ не тамъ? Надо замѣтить, что Смердяковъ, который передаетъ Дмитрію все, что дѣлается у отца, передалъ ему и то, что для Грушеньки, если она придетъ, старикъ изобрѣлъ особый сигналъ: три удара въ окно. Карамазовъ подкрадывается изъ сада къ окну, видитъ отца въ халатѣ, сидящаго довольно покойно. Но и это ему не доказало, что Грушеньки нѣтъ. Онъ дѣлаетъ условленный сигналъ. Старикъ бросается къ окну, отворяетъ его, сладострастно зоветъ Грушеньку. Сынъ стоитъ въ двухъ шагахъ. Страшная ненависть вспыхнула въ немъ...

Онъ бѣжитъ отъ окна. Но вотъ старикъ Григорій, услышавъ лай собакъ, вышелъ въ садъ и видитъ бѣгущаго человѣка. Старикъ бросается на перерѣзъ. Дмитрій уже на заборѣ, но Григорій хватаетъ его за полу и кричитъ: „отцеубивецъ!“ Дмитрій невольно ударилъ его пестикомъ по головѣ: тотъ падаетъ, обливаясь кровью. Дмитрію жалко старика, онъ соскакиваетъ съ забора, прикладываетъ свой платокъ къ разбитой головѣ и тутъ же бросаетъ и окровавленный платокъ и пестикъ. Убѣжавъ изъ сада, онъ узнаетъ, что Груша уѣхала въ Мокрое. Онъ срываетъ съ груди зашитыя деньги, и окровавленный, съ пачкой сотенныхъ бумажекъ въ рукахъ, бѣжитъ къ одному чиновнику — выкупить у него заложенные пистолеты. Ему мелькнулъ планъ: поѣхать въ Мокрое, еще разъ увидать Грушеньку и убить себя. Жить ему не зачѣмъ. Одно его мучитъ, это—страхъ, что онъ убилъ старика Григорія. Въ этомъ состояніи, его,—окровавленнаго, съ деньгами, неизвѣстно откуда взятыми,—видятъ въ городѣ, и это потомъ служитъ противъ него уликами. Но онъ не виноватъ: убійство совершилъ лакей Смердяковъ, притворившійся, будто у него сдѣлался припадокъ падучей, и обставившій все преступленіе самымъ утонченнымъ образомъ, почему на него и не падаетъ никакого подозрѣнія. Изъ-за чего же онъ убилъ? Повидимому, ради денегъ, но это не вѣрно. Онъ могъ бы ихъ украсть, но онъ ранѣе всегда отличался честностью. Кромѣ того, онъ вскорѣ возвратилъ всѣ деньги Ивану и повѣсился, хотя до того все время собирался уѣхать въ Парижъ и даже началъ изучать французскія вокабулы. Онъ убилъ изъ любви къ Ивану, или, по крайней мѣрѣ, изъ страстнаго желанія обратить на

себя его вниманіе, сдѣлалъ ему услугу. А услуга, дѣйствительно, этимъ сдѣлана: старикъ могъ жениться на Грушенькѣ, и дѣтямъ не осталось бы наслѣдства. Чтобы узнать, одобряетъ ли Иванъ убійство, Смердяковъ наканунѣ дѣлаетъ ему очень ясные намеки, и тотъ не отражаетъ его, а, напротивъ, въ тотъ же день уѣзжаетъ въ Москву и даже соглашается заѣхать, по просьбѣ отца, въ одну ближайшую деревню, Чермашню, чего прежде не хотѣлъ сдѣлать. Въ эту же деревню совѣтуетъ ему заѣхать и Смердяковъ, чтобы быть ближе къ городу на случай катастрофы, о которой онъ намекаетъ. Изъ этого то сочетанія обстоятельствъ и выходитъ потомъ, что Иванъ считаетъ себя самымъ главнымъ виновникомъ въ убійствѣ отца, хотя онъ только, что называется, „умылъ руки" въ этомъ дѣлѣ и даже дорогой раздумалъ заѣхать въ Чермашню, а прямо проѣхалъ въ Москву. Въ это время Дмитрій пріѣзжаетъ въ Мокрое, гдѣ на постояломъ дворѣ Грушенька нашла своего „измѣнщика" въ компаніи съ однимъ его пріятелемъ-полякомъ и двумя мѣстными помѣщиками. Но она глубоко разочарована: она мечтала, что онъ все тотъ же молодой, прекрасный юноша, а онъ оказался старымъ, облысѣвшимъ и вдобавокъ шулеромъ. Пріѣздъ Дмитрія наполняетъ ее восторгомъ. Она теперь свободна отъ прежняго чувства, и въ первый разъ поняла, что безпредѣльная страсть Дмитрія стала и ея страстью. Она это явно обнаруживаетъ. Начинается оргія съ шампанскимъ, хоромъ крестьянскихъ дѣвокъ и пр. Когда Грушенька опьянѣла, она остается вдвоемъ съ Дмитріемъ и тутъ говоритъ ему о своей любви, но требуетъ, чтобы онъ ее теперь въ этой обстановкѣ и пьяную не трогалъ: „надо, чтобъ это честно... впредь будетъ честно... и чтобъ и мы были честные, чтобъ и мы были добрые, не звѣри, а добрые... Увези меня, увези далеко, слышишь... Я здѣсь не хочу, а чтобы далеко, далеко..." Дмитрій повинуется ей, да онъ и не можетъ вполнѣ отдаться своей страсти,—онъ все думаетъ, что убилъ Григорія. Въ это время нагрянула полиція, слѣдователь и прокуроръ. Происходитъ недоразумѣніе. Дмитрій называетъ себя убійцей, ничего не подозрѣвая о смерти отца, и все думая о Григоріи. Потомъ, узнавъ, что Григорій живъ, онъ страстно благодаритъ Бога и счастливый, начинаетъ

наивно доказывать, что „въ крови отца не повиненъ“. Однако, улики всѣ противъ него. Мы не читали ни въ одной литературѣ ничего болѣе художественно написаннаго въ психологическомъ отношеніи, какъ его допросъ, осмотръ съ раздѣваньемъ до-нага и пр. Когда вы читаете эти страницы, вы видите насквозь всю душу этого человѣка, сперва его совершенно наивную увѣренность, что эти люди—„его знакомые“, „честные люди“, сейчасъ же повѣрятъ его правдѣ, потомъ постепенное сознаніе, что они не только не вѣрятъ ему, но ловятъ его окончательно своими любезностями въ ловушку,—когда потомъ онъ, полный негодованія и презрѣнія къ нимъ, полный отчаянія за свою любовь къ Грушенькѣ, за свое счастье, уже бывшее въ рукахъ, доходитъ до бѣшенства, рвется къ ней, когда, наконецъ, они, чувствуя, что онъ въ ловушкѣ, отбрасываютъ съ нимъ церемоніи, грубо требуютъ, чтобы онъ обнажился до-нага, говорятъ о немъ вслухъ, какъ о вещи, не видя уже въ немъ человѣка, по отношенію къ которому сохраняются извѣстныя формы,—когда затѣмъ, садясь уже въ телѣгу съ становымъ, онъ обращается къ нему по прежнему съ какимъ-то вопросомъ, и тотъ грубо дѣлаетъ ему за это выговоръ... О, все это—одна живая потрясающая правда, и сколько тысячъ людей пережили эту правду!.. Авторъ жестоко бьетъ въ этихъ главахъ, а также въ главѣ, обрисовывающей самый судъ надъ Дмитріемъ,—слѣпое человѣческое правосудіе, хотя бы оно было даже поставлено на самыхъ широкихъ началахъ. Вы видите страшнѣйшія усилія, какъ тутъ, такъ и во время суда, выяснить истину. Прокуроръ, слѣдователь, защитникъ нарочно взяты самые усовершенствованные, все время они живы и типичны до того, что вы, кажется, ихъ сотню разъ видали. Всѣ ихъ собственные душевные процессы вамъ видны во все время какъ на ладони и нарисованы невыразимо правдиво, точно авторъ самъ пережилъ и состояніе прокурора, и состояніе защитника. И вы ясно видите, что, не смотря на всѣ тонкости науки, на всѣ извороты психологическаго анализа и со стороны даровитаго прокурора и со стороны талантливѣйшаго защитника, эти люди ровно ничего не понимаютъ въ душѣ подсудимаго, ибо та же самая психологія вертится у нихъ въ рукахъ по произволу то въ ту, то въ

другую сторону, смотря по точкѣ зрѣнія. Не безцѣльно рисуетъ такъ подробно свой судъ г. Достоевскій. Мы поймемъ его цѣль сейчасъ, когда будемъ говорить о судѣ иного рода, о судѣ человѣка, страстно любящаго людей, о судѣ старца Зосимы надъ одной женщиной, пришедшей къ нему покаяться въ убійствѣ мужа. Тотъ думаетъ только объ одномъ, чтобы вернуть миръ, любовь и просвѣтлѣніе въ ея душу. Онъ увѣряетъ ее только въ одномъ, что Богъ ее простилъ, что „если я, *простой человѣкъ*, надъ тобой умилился, неужели ты думаешь, что не умилился надъ тобой Богъ?" и отпускаетъ ее съ миромъ, какъ Христосъ грѣшницу, умоляя только объ одномъ, чтобы старалась любить людей, прощать имъ, дѣлать имъ добро и этимъ путемъ „нести покаяніе", т. е. искупленіе своего грѣха. Но человѣческій судъ становится еще понятнѣе, когда старецъ Зосима передъ смертью сказалъ своимъ ученикамъ, что „ни одинъ человѣкъ не можетъ судить человѣка".

На судѣ происходитъ катастрофа. Но вернемся за нѣсколько дней назадъ. Иванъ Карамазовъ, измученный мыслью, что онъ причина убійства, если убилъ отца Смердяковъ, а не Дмитрій, сперва старается, просто ради нравственнаго самосохраненія убѣдить себя, что убилъ Дмитрій. Это и не трудно. Всѣ улики противъ Дмитрія. Не вѣрятъ его винѣ только Алексѣй да Грушенька, и то потому, что они *любятъ* его. Замѣтьте и это. Любовь въ романѣ Достоевскаго даетъ вездѣ самую тонкую способность пониманія человѣкомъ человѣка.

Ея то и нѣтъ въ формальной справедливости, какъ бы она глубоко ни была обставлена. Любовь же заставляетъ, наоборотъ, старца Зосиму понимать убійцу, и плакать передъ ней, и простить ее. Она же даетъ способность Алешѣ иногда видѣть насквозь чувства людей и угадывать ихъ отношенія. Авторъ, ниже, не придаетъ этому ясновидѣнію (по крайней мѣрѣ въ романѣ) никакого мистическаго значенія, а обрисовываетъ чисто психологически. Такъ, эту проницательность у старца онъ объясняетъ тѣмъ, что онъ „до того много принялъ въ душу свою откровеній, сокрушеній, сознаній, что подъ конецъ пріобрѣлъ ужъ прозорливость столь тонкую, что съ перваго взгляда на лицо незнакомаго,

приходившаго къ нему, могъ угадывать, съ чѣмъ тотъ пришелъ, чего тому нужно, и даже какого рода мученіе терзаетъ его совѣсть, и удивлялъ, смущалъ и почти пугалъ иногда пришедшаго такимъ знаніемъ тайны его, прежде чѣмъ тотъ молвилъ слово“. Но одного опыта мало въ этомъ проницаніи. Алеша не имѣлъ опыта, но обладалъ этимъ даромъ. Опытъ былъ только подспорьемъ для другой причины, которую признаютъ самые реальнѣйшіе изъ реалистовъ, какъ напримѣръ, Золя. Вспомните ту сцену изъ его романа „Страница любви“, гдѣ неопытная дѣвочка, *силой* своей страстной *любви* къ матери, дошла до такой чуткости къ ея внѣшности, къ малѣйшимъ измѣненіямъ въ ней, что узнаетъ безошибочно, этою почти безсознательной чуткостью, что мать была на свиданіи у любовника. Эти факты поразительны, но эти факты объясняются совершенно естественно и очевидно присущи всѣмъ народамъ, даже, вѣроятно, и животнымъ. Но эти факты, какъ увидимъ, играютъ громадную роль въ цѣломъ міросозерцаніи людей, и потому ихъ просимъ особенно замѣтить. Старецъ Зосима особенно любилъ людей. Про него говорили монахи: „онъ привязывается душой къ тому, кто грѣшнѣе, и кто всѣхъ болѣе грѣшенъ, того онъ всѣхъ болѣе и возлюбитъ.“ Этотъ психологическій фактъ—проницательности чувства—является фактомъ почти обыкновеннымъ всѣхъ художниковъ, и особенно у великихъ художниковъ. Это-то и позволяетъ имъ видѣть, какъ выражаются, напр., про Достоевскаго,—насквозь людскую душу. Эта же способность давала возможность и Шекспиру открывать такія психическія тайны въ области чувствъ и идей, которыя теперь только осмысливаются положительной наукой.

Итакъ, мы начали съ того, что Иванъ старается думать, будто убійца—Дмитрій, но Алексѣй своимъ постояннымъ увѣреніемъ: „Дмитрій не виноватъ,—убилъ Смердяковъ“, заставляетъ его ходить къ Смердякову и почти пытать (нравственно) этого несчастнаго человѣка. Разъ даже Иванъ его побилъ, и тотъ заплакалъ. Презрѣнія, проклятій, даже побоевъ Смердяковъ менѣе всего ожидалъ. Вѣдь онъ и дѣлалъ то все изъ любви къ Ивану! Вѣдь онъ Ивана считалъ богомъ ума, и этотъ богъ ума самъ проповѣдывалъ не разъ теорію, что „все возможно, все позволительно;“ онъ самъ

выразилъ одобреніе убійству тѣмъ, что согласился ѣхать въ Чермашню, и онъ теперь проклинаетъ и бьетъ Смердякова! Что же дѣлаетъ этотъ несчастный? Онъ тихо, безстрастно, почти презрительно и ненавистно смотритъ на обманувшаго его Ивана и также презрительно, безстрастно разсказываетъ ему, какъ онъ убилъ отца, а въ заключеніе и деньги тому отдаетъ. Иванъ, конечно, ничего не понимаетъ въ душѣ Смердякова: Иванъ теоретикъ, человѣкъ отвлеченной мысли и злобнаго чувства. Иванъ не понимаетъ, почему Смердяковъ боленъ: онъ думаетъ, что это отъ страха, такъ какъ самъ страшно боится и суда и своей совѣсти. Но Смердяковъ не чета ему: разъ онъ въ чемъ убѣдился, онъ не трусить, да и жизнь для него ровно ничего не стоитъ. Онъ и совѣсти своей не боится, ибо знаетъ, что дѣлалъ „не для себя." Иванъ, взявъ деньги, грозитъ, что предастъ Смердякова суду, а тотъ съ сожалѣніемъ грустно смотритъ на него. Но эта сцена поразительна, и мы возьмемъ изъ нея двѣ строки. Уходя съ деньгами, Иванъ говоритъ:

— Повторяю тебѣ, если не убилъ тебя, то единственно потому, что ты мнѣ на завтра нуженъ, помни это, не забывай!

— А что-жъ, убейте-съ! Убейте теперь, вдругъ странно проговорилъ Смердяковъ, странно смотря на Ивана. Не посмѣете и этого-съ, прибавилъ онъ, горько усмѣхнувшись,— ничего не посмѣете, *прежній, смѣлый человѣкъ-съ*!

— До завтра! крикнулъ Иванъ и двинулся идти.

— Постойте... покажите мнѣ ихъ (деньги) еще разъ.

Иванъ вынулъ кредитки и показалъ ему. Смердяковъ поглядѣлъ на нихъ секундъ десять.

— Ну, ступайте, проговорилъ онъ, махнувъ рукой.— Иванъ Ѳедоровичъ! крикнулъ онъ вдругъ ему опять.

— Что тебѣ? обернулся Иванъ уже на ходу.

— *Прощайте-съ.*

— До завтра! крикнулъ Иванъ и ушелъ.

А Смердяковъ повѣсилъ на гвоздь веревку и удавился.

Съ Иваномъ, подъ вліяніемъ мученій совѣсти, ужъ нѣсколько дней началась бѣлая горячка и галлюцинація. Въ эту ночь онъ видитъ также свою постоянную галлюцинацію, своего двойника, являющагося въ видѣ довольно приличнаго

благороднаго приживальщика. Эта галлюцинація написана поразительно: Иванъ въ ней абстрагируетъ, отвлекаетъ отъ себя и видитъ въ образѣ отдѣльнаго предмета себя самого, т. е. не всего себя, не все свое психическое „я“, а лишь одну сторону, съ которой постоянно въ немъ (и въ здоровомъ состояніи) борется другая его сторона. И тутъ собственно ясно вамъ видно, что будь Иванъ здоровъ, онъ просто философствовалъ бы и возражалъ самъ себѣ, т. е. одни свойства его натуры, одни влеченія возражали бы другимъ свойствамъ, другимъ влеченіямъ; но такъ какъ онъ боленъ, то одна изъ сторонъ его, наиболѣе ему антипатичная, объективируется для него въ видѣ гостя, говоритъ его же всегдашними мыслями, споритъ съ нимъ, и доводитъ до такого бѣшенства, что онъ пускаетъ въ своего гостя (т. е. въ себя самого) стаканъ съ чаемъ, какъ когда-то Лютеръ въ являвшагося къ нему чорта (Это замѣчаетъ авторъ). Гость иногда, впрочемъ, понимается Иваномъ, какъ часть его самого, и онъ отбивается отъ галлюцинаціи, но вдругъ умъ его начинаетъ помрачаться, и онъ почти вѣритъ, что это — реальный гость, что это — его демонъ, его двойникъ. Всего ужаснѣе и всего глубже въ психологическомъ отношеніи здѣсь именно то, что для Ивана объективировалась въ лицѣ гостя именно та сторона собственнаго „я“, которая своими идеями, своими взглядами и теоріями замѣшала его нравственно въ убійство отца. Это-то копанье въ послѣдніе дни въ своей душѣ, съ мукой и раскаяньемъ, эта то пошатнувшаяся вѣра въ свои прежнія убѣжденія,—на что намекаетъ и Смердяковъ,—и раздвоила въ представленіи Ивана двѣ борющіяся стороны его натуры. Кто пережилъ пытки раскаянія въ какой-нибудь ошибкѣ, тотъ пойметъ, какъ можно возненавидѣть мало-по-малу извѣстную сторону самого себя, какъ, далѣе, эта сторона, подъ вліяніемъ совѣсти, можетъ постоянно являться и напоминать о себѣ, какъ ненависть къ ней можетъ дойти до изступленія, до самопроклятій. Въ данномъ случаѣ особенная тонкость: пока человѣкъ видитъ эту ненавистную ему свою сторону еще въ себѣ, т. е. пока онъ еще не галлюцинируютъ ею, онъ еще можетъ ей прощать, оправдывать ее, ибо она—все же часть его, а кто же себя не любитъ? Но вотъ галлюцинація вы-

дѣлила эту сторону вдаль, поставила ее объектомъ, облекла въ соотвѣтственную плоть и кровь. Передъ вами ужъ не вы, а другой, посторонній человѣкъ, и вотъ тутъ то начинается пытка. Какъ замѣчаетъ совершенно справедливо Достоевскій, каждый человѣкъ во снѣ можетъ быть великимъ художникомъ, и современная психологія это прекрасно объясняетъ, ибо самые тонкіе и геніальные процессы нашего мозга совершаются именно въ безсознательной области (см. ст. Маудсли). Точно также и здѣсь, Иванъ, галлюцинируя безсознательно, становится великимъ художникомъ: онъ безсознательно облекаетъ эту ненавистную сторону своего „я" въ ту внѣшнюю оболочку, которая всего болѣе соотвѣтствуетъ этому нравственному типу, и оболочка эта оказывается дрянной, ненавистной гордому Ивану. То, что прежде онъ прощалъ себѣ, когда это совершалось въ немъ и говорилось имъ, того онъ не можетъ простить другому, когда видитъ то же въ другомъ и съ безпредѣльной ясностью понимаетъ всю низость, грязь и пошлость этого другого, и не можетъ ужъ ему симпатизировать, какъ себѣ,—хотя и чувствуетъ, что это онъ самъ.

И вотъ въ такомъ то состояніи Иванъ утромъ является на судъ. Онъ вручаетъ суду деньги, данныя ему Смердяковымъ, онъ разсказываетъ, что убилъ Смердяковъ, но въ его словахъ путаются факты съ собственными безумными представленіями, съ этимъ являвшимся къ нему чортомъ. Читатель все время его понимаетъ, но, конечно, судъ ничего понять не можетъ, и его принимаютъ за сумасшедшаго, велятъ вывести, несутъ, а онъ издаетъ страшные безумные крики, ругается и проклинаетъ. Эта-то сцена и производитъ катастрофу. Катерина Ивановна, которая только передъ тѣмъ показала въ пользу Дмитрія—которая не постыдилась даже, переломивъ въ себѣ всю свою гордость, разсказать о своемъ первомъ визитѣ къ Дмитрію за четырьмя тысячами, теперь вдругъ перерождается, боясь, что Ивану грозитъ опасность, что его, а не Дмитрія могутъ обвинить въ убійствѣ. И тутъ, какъ вездѣ, сказывается въ Достоевскомъ художникъ-геній. Минуту тому назадъ, она позорила себя страшно, ужасно, для спасенія Дмитрія, но не любовь говорила ея устами: мы черезъ нѣсколько минутъ узнаемъ, какъ она его ненавидитъ

и презираетъ: ея устами говоритъ ненависть, какъ мы уже показали раньше; ея устами говоритъ незажившая мука перваго оскорбленія, потребность задавить Дмитрія своимъ великодушіемъ, убить въ его душѣ возможность и право гордиться своимъ *тогдашнимъ* благодѣяніемъ. И она этого достигаетъ, и одинъ Дмитрій только понимаетъ это. Поэтому то, когда она разсказала его геройскій подвигъ, онъ восклицаетъ, какъ раненый звѣрь: „Катя! ты меня погубила!" и начинаетъ рыдать. Онъ понимаетъ, что его единственное въ жизни святое, хорошее дѣло, которое только и позволяетъ еще ему, падшему, нравственно-погибшему, гордо держать голову, что этотъ единственный лучъ его свѣта и нравственной надежды на себя самого она вычеркнула изъ его жизни своей жертвой, вычеркнула, по крайней мѣрѣ, для себя самой: она ужъ ему больше ничѣмъ не обязана. Но вотъ, когда Ивану грозитъ опасность, та же женщина дѣйствуетъ подъ другимъ инстинктомъ, инстинктомъ любви. Она забываетъ все, бросается какъ безумная къ суду и срываетъ съ своей груди одинъ документъ, письмо Дмитрія, писанное имъ, пьянымъ, къ ней: въ этомъ письмѣ онъ говоритъ, что убьетъ отца, и даже описываетъ весь планъ убійства, совершенно совпадающій съ совершившимся фактомъ. Этого мало: въ письмѣ цѣлью убійства ставятся деньги, и Дмитрій, чуть было не возвеличенный въ глазахъ суда и публики, теперь падаетъ для нихъ въ самую мерзкую грязь. И этого мало: она начинаетъ позорить его самымъ ужаснымъ образомъ, припоминать самыя отвратительныя, низкія черты его жизни,—разсказываетъ, какъ онъ утаилъ ея деньги, и т. д. Однимъ словомъ, тутъ только обрисовывается передъ публикой вся ея любовь въ Ивану и вся ея безпредѣльная ненависть къ Дмитрію, для котораго до послѣдней минуты она пошла бы въ огонь и въ воду, пошла-бъ за нимъ въ каторгу, ради котораго она еще накапунѣ выгоняетъ отъ себя Ивана, больного, полупомѣшаннаго. Художникъ нарисовалъ намъ съ ясностью, свойственной только такимъ геніямъ, какъ Шекспиръ, тотъ фактъ, давно замѣчавшійся людьми, что во внѣшнихъ проявленіяхъ и даже въ „самочувствіи" иногда трудно указать границу между сильной любовью и сильной ненавистью.

Дмитрія осудили, и нашъ анализъ романа могъ бы кончиться, если бы въ романѣ не было вводнаго эпизода, который необходимо изложить, ради дальнѣйшихъ цѣлей, т. е. уясненія идеи автора.

Мы говоримъ объ эпизодѣ съ мальчикомъ школьникомъ Илюшей. Илюша сынъ бѣднаго отставного офицера, кое-какъ существующаго въ дрянной лачугѣ, на краю города, съ громадной семьей, въ которой двѣ калѣки, и одна притомъ идіотка (мать Илюши). Существуетъ этотъ несчастный мелкими дѣлишками, маклерствомъ, но у него въ душѣ живетъ одно прекрасное чувство, это—безпредѣльная любовь къ сынишкѣ Илюшѣ, ходящему учиться въ школу. Мальчикъ этотъ тоже его страстно любитъ. И вотъ разъ, возвращаясь изъ школы вмѣстѣ съ товарищами, Илюша увидѣлъ, что его отца, бѣднаго, жалкаго, но безумно любимаго ребенкомъ, тащитъ черезъ улицу за бороду Дмитрій Карамазовъ. Ребенокъ, какъ безумный, бросается къ Дмитрію, цѣлуетъ его руки, умоляетъ „простить папочки", рыдаетъ.

Дѣти это видѣли, и Илюша погибъ въ ихъ глазахъ. Бороденка его отца, рыжая и рѣденькая, показалась имъ похожей на мочалку, и пошло это прозвище хлестать Илюшу по его любящему, оскорбленному сердцу. Изъ кроткаго нѣжнаго ребенка онъ перерождается въ озлобленнаго мстителя за своего отца. Онъ бьетъ камнями школьниковъ, одному всаживаетъ ножикъ въ ногу, а встрѣтивъ разъ Алешу, который хотѣлъ заступиться за него-же и отбить отъ десятка дѣтей, швырявшихъ въ Илюшу каменьями, мальчикъ, вмѣсто благодарности, прокусываетъ Алешѣ палецъ до кости, именно за то, что онъ братъ Дмитрія. Много говорили въ газетахъ о сценѣ Алеши съ капитаномъ, когда Алеша приноситъ тому большія деньги отъ Катерины Ивановны, какъ плату за оскорбленіе, или „какъ помощь отъ друзей": такъ увѣряетъ капитана Алеша. Капитанъ сперва обезумѣлъ отъ восторга. Онъ давно не видалъ такихъ огромныхъ денегъ: онъ вылѣчитъ на нихъ своего Илюшечку, который заболѣлъ отъ нервнаго потрясенія и отъ камней товарищей, разбившихъ ему грудь; онъ станетъ лѣчить „маменьку" (жену свою) и больную дочь, онъ отправитъ другую дочь на курсы въ Питеръ, гдѣ ужъ она и училась, но, пріѣхавъ на каникулы,

застряла въ городишкѣ, отдавъ семьѣ послѣднія деньжонки, добытыя уроками въ Питерѣ. Да и это ли только сдѣлаетъ: Илюша давно его проситъ, когда они вдвоемъ ходятъ гулять—къ далекому камню по дорогѣ,—чтобы онъ переѣхалъ въ другой городъ, гдѣ ихъ никто не знаетъ, гдѣ ихъ будутъ любить, гдѣ имъ будетъ хорошо,—далеко отъ этого города, гдѣ всѣ кажутся Илюшѣ такими злыми. И вотъ онъ исполнитъ его желаніе. Они купятъ телѣжку, лошадку, посадятъ на телѣжку „маменьку" и безногую сестренку, и Илюша будетъ править, и уѣдутъ они далеко, далеко отъ этого злого города, туда, гдѣ не знаютъ ихъ позора. Тамъ и Илюшечка поправится. Но вдругъ капитанъ что-то вспомнилъ! А вспомнилъ онъ: „Что подумаетъ Илюшечка, узнавъ, что онъ взялъ деньги за оскорбленіе?" И скомкалъ онъ сторублевыя бумажки, бросилъ ихъ въ песокъ, растопталъ съ дикимъ хохотомъ, да и бросился бѣжать отъ Алеши, безъ оглядки, боясь обернуться, боясь *вернуться*. Только разъ обернулся и съ лицомъ, залитымъ слезами, крикнулъ хриплымъ, надорваннымъ голосомъ:

„А что скажетъ Илюшечка!"

Потомъ, черезъ нѣсколько дней, онъ взялъ тѣ же деньги; но тогда уже было не стыдно: онъ показалъ, кто онъ такой, и что его съ Илюшечкой не купишь. И опять вы тутъ видите, что обида не искупается благодѣяніемъ, но вы видите и то, что во имя этого отказать въ частной помощи людей другъ другу иногда преступленіе, не меньшее убійства.

И вотъ этотъ Илюшечка такъ ужъ боленъ, что близокъ къ смерти. Алеша ходитъ, сидитъ надъ нимъ и, мало-по-малу, познакомившись съ его бывшими товарищами, убѣждаетъ ихъ примириться съ умирающимъ и ходить къ нему. Они, какъ дѣти, всегда способныя отдаться также искренно всякому порыву, какъ дурному, такъ и прекрасному, дежурятъ около Илюши, забавляютъ его. Кажется, нравственное состояніе Илюши должно бы быть хорошо и помогать его выздоровленію, но есть одинъ товарищъ у Илюши, самый любимый имъ товарищъ, и самый авторитетный между всѣми, уже довольно большой, четвертаго класса, Красоткинъ, который не идетъ къ Илюшѣ. Илюшу

это страшно мучить, ибо Красоткинъ прежде любилъ его и даже всегда защищалъ его отъ другихъ товарищей и ихъ побоевъ, но вдругъ отшатнулся за то, что Илюша, по совѣту Смердякова, далъ одной дворняшкѣ-собакѣ хлѣбъ съ булавкой, чтобы посмотрѣть, какъ это часто бываетъ съ дѣтьми,—сразу и нѣжными и жестокими,—какъ собака будетъ околѣвать. Но когда собака съ страшнымъ визгомъ бросилась бѣжать, это ужасно потрясло нервнаго Илюшу, онъ побѣжалъ къ Красоткину и рыдая, покаялся ему въ своемъ преступленіи. „Бѣжитъ и визжитъ,“ разсказывалъ онъ, „бѣжитъ и визжитъ“,—только это и повторяетъ. Красоткинъ, однако, счелъ нужнымъ *осудить* Илюшу и объявилъ, что съ нимъ теперь не имѣетъ ничего общаго: исправить, видите ли, хотѣлъ, но довелъ ребенка до такого озлобленія, что тотъ велѣлъ сказать ему слѣдующее: „передай, закричалъ Илюша, отъ меня Красоткину, что я всѣмъ собакамъ буду теперь куски съ булавками кидать, всѣмъ, всѣмъ!“

„А! подумалъ Красоткинъ: вольный душокъ завелся, я его выкурю!“ и сталъ выказывать Илюшѣ полное презрѣніе, за что тотъ и хватилъ его однажды ножомъ, вообразивъ, что Красоткинъ улыбается, слыша, какъ мальчики дразнили Илюшу роковой „мочалкой.“ Не напоминаетъ ли вамъ, мой читатель, этотъ судъ Красоткина надъ Илюшей, эта боязнь его, чтобы не завелся душокъ въ нравственно подчинившейся ему средѣ, — иныхъ областей жизни? Но тутъ—дѣти! А тамъ — взрослые, большіе, но... тоже дѣти? И вотъ Илюшу мучаетъ эта отравленная собака Жучка, да еще то, что не идетъ къ нему Красоткинъ. „Если бы нашли Жучку! Если бы я зналъ, что она не издохла! Если бы пришелъ Красоткинъ!“ Но Красоткинъ не идетъ. И почему бы вы думали? Не потому ли, что онъ злопамятенъ, сердитъ на Илюшу? О, нѣтъ! онъ любитъ его, онъ добръ безгранично, вѣдь онъ только хотѣлъ его поучить нравственности и порядку, хотя самъ на дняхъ еще научилъ одного глупаго парня отдавить колесомъ голову гусю и попалъ за это къ мировому! Нѣтъ, не потому не идетъ Красоткинъ. Онъ не любитъ дѣлать счастья или добра въ половину. Онъ, какъ многіе юноши, хочетъ дать или все или ничего, а

изъ-за пустяковъ мараться не стоитъ. Какъ это опять напоминаетъ вамъ многое и многое изъ жизни нашей доброй, милой юности! И Красоткинъ для этого совершаетъ цѣлые подвиги, потому-что любовь то его безгранична, да, пожалуй, въ томъ то и бѣда, что она ужъ черезчуръ безгранична. Онъ отыскалъ Жучку,—она жива. Но привести ее просто,—вѣдь это только будетъ простая радость, а вотъ я выдрессирую и тогда приведу и подарю! Вотъ это будетъ радость! Да еще приведу-то неожиданно, не скажу, что это Жучка, а скажу, что это моя собственная собака — Перезвонъ! Да кстати ужъ и пушку свою мѣдную захвачу и ее подарю, да еще заряженую, и тутъ же изъ нея выстрѣлю! Однимъ словомъ: сразу все, или ужъ ничего! А Илюша ждетъ! ждетъ, мучится о Жучкѣ, о Красоткинѣ и таетъ отъ этого, какъ свѣча! Красоткину и въ голову не приходитъ, что иногда ожиданіе можетъ быть убійственно, а сильная радость и совсѣмъ убить можетъ. Красоткинъ такъ занятъ своей „огромной“ любовью, что ему и въ голову не приходитъ, что, когда онъ приготовитъ, наконецъ, свое огромное счастье для Илюши, то будетъ уже поздно, болѣзнь и волненіе сдѣлаютъ свое дѣло и счастье достанется трупу. Некогда думать объ этомъ Красоткину: „огромное счастье“ онъ готовитъ и приготовилъ, и пришелъ и далъ это счастье, и не ожидалъ, что еще за недѣлю онъ могъ бы спасти Илюшу тихой радостью, постепенной, а теперь убилъ его своей „огромной“ радостью, своей „огромной“ любовью. Мальчикъ, дѣйствительно, былъ очень счастливъ, но черезъ два, три дня умеръ.

* * *

*) Въ психологической хроникѣ Достоевскаго мы не выходимъ изъ тѣсной кельи схимника, изъ узкой рамки одной, ничѣмъ незамѣчательной дюжинной семьи, съ ея ближайшею житейскою обстановкою. Тутъ нѣтъ героевъ исключительнаго положенія исключительныхъ способностей, нѣтъ грандіозныхъ происшествій, запутанныхъ интригъ или тому подобнаго. Все дѣло въ глубокомъ сосредоточенномъ анализѣ нѣсколько сходныхъ между собою психій, психій самыхъ

*) Е. Марковъ. „Критическія бесѣды“. „Русская Рѣчь“ 1879 г., № 12.

немудрыхъ, вездѣ встрѣчающихся, хотя все не нашего времени, а времени нашихъ отцовъ. Авторъ „Братьевъ Карамазовыхъ" имѣлъ, повидимому, нѣсколько серьезныхъ задачъ, принимаясь за свой романъ. Можетъ быть, эти задачи вытекли и сами собою при ближайшей разработкѣ заинтересовавшихъ его типовъ, но вѣроятно, что романистъ потому и взялся за свои типы, что видѣлъ въ нихъ живое олицетвореніе своей идеи. Одна изъ этихъ задачъ уже была разрѣшаема Достоевскимъ въ его „Бѣсахъ". И тамъ онъ, въ образѣ своихъ главныхъ героевъ, Ставрогиныхъ—матери и сына, и Верховенскихъ — сына и отца, пытался обрисовать различныя видоизмѣненія одного и того-же родового типа подъ вліяніемъ различія условій; для психолога дѣйствительно глубоко интересно это прослѣживаніе основного кровнаго единства типовъ въ разнообразіи и даже кажущемся противорѣчіи ихъ; сложная плетеница вкусовъ, способностей, привычекъ человѣка, взглядовъ и стремленій, при проницательномъ наблюденіи можетъ оказаться гораздо менѣе сложною, гораздо болѣе близкою къ чуждымъ ей, повидимому, психическимъ вліяніямъ.....

Въ своемъ романѣ Достоевскій представляетъ намъ цѣлую маленькую галерею семейныхъ портретовъ: Карамазова отца, помѣщика послѣдней крѣпостной эпохи, великаго циника и сладострастника, впавшаго почти въ дикость черезъ привычки одиночества и самодурства, въ которыхъ никто никогда не дѣлаетъ ему препятствій, и трехъ сыновей его, самыхъ, повидимому, разнородныхъ направленій.

Одинъ, Иванъ,—это нѣчто въ родѣ ученаго, разсчетливаго и холоднаго дѣльца; другой, Дмитрій, — это русская широкая натура, душа на распашку, отчаянный кутила и волокита, ставящій ребромъ и свою жизнь и послѣднюю копѣйку, весь страсть и вмѣстѣ великодушіе; наконецъ, третій, излюбленный герой романа, самый младшій изъ братьевъ, Алеша, — человѣкъ Божій, монахъ, смиренникъ, идеалистъ. Посмотрѣть со стороны на каждаго изъ нихъ—всякій самъ по себѣ, на свой образецъ, словно между ними нѣтъ общаго ни одной капли крови. А вникнешь глубже—все та же Карамазовщина на разныя манеры. Въ старомъ грѣховодникѣ отцѣ сидитъ та же коренная фамильная страст-

ность, что и въ иночествующемъ Алешѣ; и краснорѣчивый дипломатъ Иванъ оказывается въ сущности такимъ же грубымъ рабомъ своей плоти, какъ и отпѣтый братецъ его, Дмитрій. Эта семейственность чертъ проведена въ романѣ очень просто, безъ всякихъ натяжекъ, и сильно содѣйствуетъ правдивости, а стало быть и жизненности типовъ. Она не пристегнута извнѣ, разсчетомъ автора, а дѣйствительно выступаетъ, какъ органическое свойство типовъ, сквозь каждую ихъ черту, въ каждомъ ихъ дѣйствіи. Но важнѣе этой идеи въ романѣ Достоевскаго выступаетъ еще другая, не столько относящаяся къ области художественной техники, сколько къ общественному значенію романа. Мы не говоримъ, чтобы романъ Достоевскаго нравился намъ по своему сюжету, по выбору типовъ и среды, по своему исполненію. Нѣтъ, все это скорѣе совершенно противно нашимъ обычнымъ вкусамъ и требованіямъ. Новый романъ Достоевскаго полонъ тѣхъ же серьезныхъ, трудно извиняемыхъ недостатковъ, какими отличаются его прежніе романы, и о которыхъ мы уже достаточно говорили въ своихъ статьяхъ, посвященныхъ спеціально роману Достоевскаго...

„Братья Карамазовы“, пожалуй, еще гораздо менѣе романъ, чѣмъ „Бѣсы“ или „Преступленіе и наказаніе“. Сказка романа такъ бѣдна и однообразна, что можетъ навести скуку; вмѣстѣ съ тѣмъ, событія часто натянуты и выдуманы до-нельзя. Вмѣсто оживленнаго, легко текущаго дѣйствія, которое рисовало бы вамъ само собою людей и жизнь, которое должно составлять основное содержаніе, неизбѣжное условіе и главную красоту романа, читатель погружается съ головою въ безъисходные разговоры, размышленія, даже въ цѣлые спеціальные трактаты, съ помощью которыхъ дѣйствующія лица стараются вывернуть на изнанку передъ читателемъ свою душу, которую романистъ не умѣетъ поймать и обрисовать въ ея объективныхъ появленіяхъ. Въ романѣ Достоевскаго бесѣдуетъ и философствуетъ всякій безъ исключенія, какъ бы мало кто ни подходилъ по своему положенію и умственнымъ силамъ къ философу. Философствуетъ у него и монахъ, и лакей, и забубенный кутила — скандалистъ, и старый оскотинившійся развратникъ, и уѣздная барыня, и полуграмотный гимназистъ, и публичная женщина... И не только философству-

ютъ, но забираются въ такія дебри остроумія и глубокоумія, такъ тонко и мѣтко умѣютъ освѣщать самые потаенные уголки своего духа, такъ находчиво умѣютъ объяснять каждое движеніе сердца и мысли, причемъ чувствуютъ въ этихъ объясненіяхъ и размышленіяхъ такую постоянную потребность, и усвоиваютъ въ нихъ такую привычку, что читаешь—читаешь, и наконецъ начинаешь мало-по-малу забывать, кто же это, собственно, демонстрируетъ такъ „отмѣнно тонко и умно“ передъ публикой свои психическія внутренности. И невольно, вмѣсто всѣхъ этихъ Грушенекъ, Ивановъ, Дмитріевъ, Өедоровъ Павловичей, и проч. и проч., представляешь себѣ Достоевскаго, всецѣло погруженнаго въ анатомированіе ихъ мозга и ихъ сердца, искусно вытаскивающаго оттуда одну за одной разныя психическія оригинальности и рѣдкости, и до такой степени увлеченнаго своей работой вивисекціи, что онъ забываетъ, наконецъ, всякій тактъ и мѣру, забываетъ даже о томъ, что все это отыскиваетъ и можетъ отыскивать въ нѣдрахъ Смердяковыхъ, Митей и Грушенекъ, только онъ самъ, романистъ-наблюдатель, что только его аналитическій разумъ, а вовсе не сами предметы его анатомированія, можетъ давать психическое объясненіе всѣмъ этимъ находкамъ. Я не прибавляю уже того, что ясно само собою: Достоевскій забываетъ о томъ, что онъ пишетъ романъ, художественную картину живой, дѣйствующей жизни, а не психическій дневникъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, не протоколъ своихъ собственныхъ психическихъ студій.

Это забвеніе своей художественной задачи и чрезмѣрное увлеченіе задачами психолога простирается у Достоевскаго до такой степени, что онъ даетъ взаймы своимъ героямъ даже свой языкъ, свои мысли, свои знанія. Соотвѣтствія между рѣчью и образованіемъ или вкусами героя — нѣтъ никакого. Если автору, напримѣръ, необходима цитата изъ Шиллера, то онъ вкладываетъ ее безъ малѣйшаго колебанія даже въ уста семидесятилѣтняго распутника, потерявшаго образъ человѣческій, которому, при его образѣ жизни и его міровоззрѣніи, пора бы было давно забыть даже русскую грамоту, а не только Шиллера; къ тому же, судя по всему своему прошлому, онъ никогда не могъ и не долженъ былъ знать даже самаго имени Шиллера, такъ какъ всегда былъ за ты-

сячу верстъ отъ всякихъ литературныхъ интересовъ. Этого-же Шиллера авторъ при случаѣ всучиваетъ и пьяному кавказскому офицеру, положительно уже полуграмотному, не знающему ни слова по-нѣмецки, а между тѣмъ, цитирующему „an die Freude“. Хотя бы авторъ уже заставилъ своихъ героевъ вспоминать Шиллера въ русскомъ переводѣ, благо еще Жуковскій переводилъ его.

Точно та же исторія съ богословіемъ и церковными вопросами. Понадобилось автору высказать различные взгляды на этотъ предметъ, и вотъ у него въ одну минуту готова трибуна и ораторъ. Кто ни попался случайно въ комнату, всякій непремѣнно имѣетъ какой-нибудь оригинальный взглядъ на призваніе церкви, на ея отношеніе къ современнымъ партіямъ, современной наукѣ, современному образу мыслей. И поднимается сейчасъ диспутъ, словно въ торжественномъ засѣданіи духовной академіи, гдѣ одинъ играетъ роль „адвоката дьявола“, другой—строгій церковникъ, третій—холодный атеистъ, четвертый—„гражданственникъ“, пятый—сантиментальный моралистъ и т. д., нужды нѣтъ, что читателя такой диспутъ вдругъ огорошиваетъ словно дубиной по лбу, что онъ никакъ не могъ ожидать изъ тщательныхъ же описаній самого автора такой ораторской прыти, такихъ спеціальныхъ свѣдѣній и интересовъ отъ тѣхъ ничтожныхъ людишекъ, съ которыми свелъ его романистъ. Зачѣмъ имъ вдругъ понадобилось, откуда на нихъ снизошло это вдохновеніе богословіемъ, или Шиллеромъ, или психическимъ анализомъ самого себя,—читатель даже и придумать не можетъ, и только ощущаетъ какую-то психическую дисгармонію, какую-то художественную ложь.

Какимъ языкомъ, напр., на какія темы, съ какою метафизическою тонкостью мысли, съ какими поэтическими метафорами бесѣдуетъ съ Алешей, скромнымъ монастырскимъ послушникомъ, не окончившимъ курсъ гимназіи,—братецъ его Дмитрій Ѳедорычъ, о дѣтствѣ котораго авторъ передаетъ, что онъ былъ съ малолѣтства брошенъ на руки стараго лакея, жилъ у него въ дворовой избѣ, такъ что на немъ некому было перемѣнить рубашки, потомъ пересылался съ рукъ на руки въ видѣ проживальщика къ разнымъ роднымъ и, не доучившись нигдѣ, по-

палъ на Кавказъ, былъ разжалованъ въ солдаты и сталъ отчаяннымъ кутилой*).

Мы не говоримъ, чтобы человѣкъ, подобный Дмитрію Ѳедоровичу, не могъ придти къ такимъ взглядамъ на жизнь, по ихъ существу. Мы не говоримъ также, чтобы то, что онъ высказалъ Алешѣ, не было во многихъ отношеніяхъ и глубоко и справедливо. Мы только изумляемся, какъ такой серьезный талантъ, какъ Достоевскій, безсиленъ постигнуть, что рѣчь и мысль это такія же нераздѣльныя черты художественнаго образа, какъ и физическія черты человѣка, его поступки, его характеръ, что люди извѣстнаго положенія, извѣстнаго характера, не могутъ говорить такъ и мыслить о томъ, о чемъ говорятъ такъ, какъ объ этомъ мыслятъ, люди другого образованія, другихъ привычекъ и вкусовъ.

Рѣчи Дмитрія Карамазова были бы вполнѣ у мѣста въ дневникѣ какого-нибудь Тургеневскаго „лишняго человѣка", въ устахъ какого-нибудь напитаннаго гегелевщиной Гамлета Щигровскаго уѣзда на свой образецъ, для котораго раскапываніе своихъ внутренностей, философская квалификація всякаго своего помысла и дѣйствія составляютъ болѣзнь своего рода, роковую принадлежность воспитанія, типическій признакъ людей извѣстнаго времени и извѣстнаго направленія.

Что самъ Достоевскій, человѣкъ сороковыхъ годовъ, чувствуетъ потребность въ такихъ самопризнаніяхъ и такомъ самообъясненіи, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но зачѣмъ онъ такъ неловко подсовываетъ себя, съ своими внутренними запросами многодумающаго и многонедоумѣвающаго житейскаго философа, вмѣсто какого-нибудь страстнаго кавказскаго офицера, имѣющаго свой собственный языкъ и свои собственныя точки зрѣнія,—это остается для насъ печальною загадкою.

Если читатель подумаетъ, что Дмитрій Карамазовъ есть какая-нибудь необыкновенная, исключительная натура, на

*) Критикъ приводитъ разговоръ Дмитрія съ Алешей, составляющій окончаніе третьей главы въ третьей книгѣ „Братьевъ Карамазовыхъ". Начинается этотъ разговоръ словами: „Страшно много человѣку на землѣ терпѣть, страшно много ему бѣдъ!..... („Братья Карамазовы", издан. 1882 г., стр. 122).

Примѣч. В. Зелинскаго.

подобіе итальянскихъ импровизаторовъ, которымъ даръ стиха и страстной рѣчи ниспосылается помимо всякихъ трудовъ изученія, какъ огненные языки были ниспосланы апостоламъ прямо въ ихъ простыя сердца рыбаковъ,—то онъ совершенно ошибается.

Мы уже сказали, что ни одинъ Дмитрій Карамазовъ, а рѣшительно всѣ герои Достоевскаго, при случаѣ, говорятъ съ тѣмъ же краснорѣчіемъ, тѣми же поэтическими оборотами, съ тою же софистическою діалектикою и съ тѣми же установившимися привычками философской Grübelei надъ собственною душою, съ какою говоритъ и старшій изъ братьевъ Карамазовыхъ... *)

Въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ Достоевскій отчасти остается прежнимъ Достоевскимъ, мрачнымъ авторомъ „Преступленія и Наказанія“, „Идіота“, „Бѣсовъ“, отчасти является въ новомъ свѣтѣ, гораздо болѣе напоминающемъ теплое, гуманное настроеніе его юности. Новый романъ Достоевскаго напоминаетъ его предыдущіе романы еще и въ другомъ отношеніи. Автора продолжаютъ здѣсь преслѣдовать въ сущности тѣ же типы, тѣ же глубокія психологическія задачи, надъ которыми еще прежде мучительно бился онъ въ своихъ главныхъ произведеніяхъ. Такъ, напримѣръ, тутъ является на первомъ планѣ типъ женщины, погубленной людскимъ развратомъ и людскою несправедливостью, но сохранившей среди своего внѣшняго позора глубокій огонь любви и правды, незнающей куда направить себя, безплодно тратящейся въ безсильныхъ порывахъ, но тѣмъ не менѣе насквозь освѣщающій душу ея теплымъ свѣтомъ человѣчности.

Въ прежнихъ романахъ Достоевскаго, въ этой роли выступала Настасья Филиповна въ „Идіотѣ“, хроменькая въ „Бѣсахъ“, Соня въ „Преступленіи и Наказаніи“. Въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ ихъ замѣняетъ собою Грушенька, осо-

---

*) Въ подтвержденіе своихъ словъ критикъ приводитъ для примѣра: бесѣду Смердякова съ Ѳедоромъ Павловичемъ на тему мученія за вѣру, разсказъ Грушеньки Алешѣ и Ракитину о своей внутренней борьбѣ, нѣкоторыя скептическія выраженія Ѳедора Павлыча и проч.

Примѣч. В. Зелинскаго.

бенно смѣло напоминающая, по основному замыслу характера, Настасью Филиповну, съ ея властительностью духа, ея практическимъ смысломъ, всепобѣждающею роскошью ея тѣла и, наконецъ, роковою непреодолимостью ея увлеченья. Этотъ образъ Магдалины, которая много любила и которой многое должно проститься, способной рѣзко перейти отъ разврата къ подвигу самобичеванія и всяческой жертвы,—положительно преслѣдуетъ фантазія романиста. Другой типъ, не менѣе навязчиво преслѣдующій автора, прорывающійся во множествѣ его художественныхъ попытокъ и очерковъ,—это типъ человѣка-циника, развратника, безбожника, который доходитъ до предѣловъ всяческаго распутства и животной разнузданности, но, въ сущности, въ тайныхъ нѣдрахъ духа своего, глубоко терзается и скорбитъ о всѣхъ этихъ сквернахъ, нисколько ими не удовлетворяется и ни во что ихъ не цѣнитъ. Отчаянный скептицизмъ его невыносимъ для него самого, и все внутри его назрѣло къ тому, жадно проситъ того, чтобы во что-нибудь увѣровать, къ чему нибудь привязаться въ мірѣ, схватиться, какъ погибающему, за какую-нибудь соломинку. Этотъ типъ, особенно полно и мрачно нарисованный въ образѣ Свидригайлова—въ „Преступленіи и Наказаніи", въ образѣ молодого Ставрогина—въ „Бѣсахъ", сквозитъ всѣми своими характерными красками и въ Дмитріѣ Карамазовѣ и, минутами, даже въ отцѣ его, Ѳедорѣ Павловичѣ. Но мы сказали, что въ „Братьяхъ Карамазовыхъ" замѣтна и другая, болѣе свѣжая струя, особенно нужная, особенно сочувственная намъ въ настоящій моментъ нашей общественной жизни. Эта струя любви къ человѣчеству, теплаго и даже страстнаго отношенія къ нравственнымъ святынямъ его, является, среди вѣка ожесточенной борьбы за существованіе, среди ощетинившагося эгоизма всѣхъ и каждаго, громко провозглашающаго девизъ: „homo homini lupus",—какимъ-то отраднымъ оазисомъ въ пустынѣ. Конечно, идеи любви, наполняющія автора, олицетворены имъ на этотъ разъ въ формахъ, не всякому сочувственныхъ, для многихъ даже подозрительныхъ. Въ нашихъ образованныхъ слояхъ укоренились отчасти основательныя предубѣжденія противъ уже слишкомъ догматическихъ, слишкомъ мало соотвѣтствующихъ общему движенію человѣчества фор-

мулъ нравственности на почвѣ строгой ортодоксальной церковности. Къ тому же авторъ, какъ нарочно, даетъ этому спеціальному міру такое центральное значеніе въ своемъ романѣ, къ какому наше литературное общество вовсе не привыкло. Романъ Достоевскаго даже можетъ дать поводы наиболѣе нетерпящимъ противникамъ его взглядовъ заподозрить автора въ проповѣди „замиранія", уже не въ сатирическомъ смыслѣ, какъ это дѣлаетъ Щедринъ, а въ самомъ положительномъ и искреннемъ. Они могутъ сказать, что авторъ не находитъ болѣе среди „мірянъ", т. е. въ живомъ дѣйствующемъ обществѣ людей, носителей нравственной идеи; что онъ громко признаетъ духовное банкротство общества, руководимаго своими земными, соціальными идеалами и своею мірскою наукою; что только отрицая общество, отряхая отъ него прахъ ногъ своихъ, удаляясь въ стѣны скита, человѣкъ проникается сознаніемъ своихъ высокихъ нравственныхъ цѣлей и становится способнымъ стать выше инстинктовъ корысти и себялюбія, стать человѣкомъ добра. Не знаемъ, можетъ быть, самъ авторъ и причастенъ сколько-нибудь этимъ идеямъ духовнаго утомленія. Если судить по разроставшемуся тону мрачности и безнадежности его прежнихъ романовъ, то, пожалуй, не трудно вывести заключеніе, что этотъ путь логически привелъ его къ скиту и монашеской рясѣ. Но какое бы значеніе не имѣлъ этотъ поворотъ въ исторіи личнаго міросозерцанія автора, критика не имѣетъ права признать, что новый романъ Достоевскаго есть послѣдняя нота его разочарованія въ человѣкѣ, его отчаянныхъ взглядовъ на міръ. Произведеніе Достоевскаго, не смотря на свою монастырскую обстановку, дышитъ такою бодростью и свѣжестью жизни, такою вѣрою въ духовную красоту человѣка, что оно никакъ не можетъ быть воплемъ безнадежности. Кромѣ того, мы вообще очень возстаемъ противъ несправедливой, къ несчастью, слишкомъ распространенной привычки нашихъ критиковъ и читателей—обвинять самого автора въ свойствахъ, идеяхъ и цѣляхъ, принадлежащихъ героямъ его произведеній. Словно каждое дѣйствующее лицо, выставляемое романистомъ, непремѣнно имѣетъ претензію олицетворять собственныя убѣжденія или вкусы автора, служить ему знаменемъ, его программою, его публичною про-

повѣдью. Это бѣдное, тупое пониманіе цѣли и значенія художественныхъ произведеній развилось, какъ неминуемое послѣдствіе и какъ несомнѣнный признакъ тенденціозной, партійной литературы, къ которой оно дѣйствительно вполнѣ приложимо, и уже отъ нея, совершенно незаслуженно перенесено на все литературное творчество вообще.

Но если бы это было такъ, то какъ бы выпутались наши жалкіе критиканы изъ широкаго и разнообразнаго, какъ міръ, творчества Шекспира, Диккенса, или даже хотя бы нашего Пушкина, графа Л. Толстаго и др.? Интересно было бы въ самомъ дѣлѣ послушать господъ Писаревыхъ, ихъ измельчавшее современное поколѣніе, въ чемъ собственно виноватъ Шекспиръ: въ томъ ли, что проповѣдуетъ людямъ дѣлаться безумцами, какъ Лиръ, или убійцами, какъ Макбетъ, или ревнивцами, какъ Отелло, или злодѣями, какъ Ричардъ III, или мечтателемъ, какъ Гамлетъ, или жаднымъ, какъ Шейлокъ? Вѣдь былъ же Пушкинъ привязанъ къ позорному столбу за то, что *проповѣдовалъ* такіе презрѣнные идеалы крѣпостного помѣщиства, какъ Татьяна!... Вѣдь распинаютъ же и теперь графа Л. Толстаго за то, что онъ *проповѣдуетъ* своею „Анною Карениной“ идеи свѣтскихъ фатовъ и свѣтскихъ развратницъ. Критиканы эти, кажется, не хотятъ знать, что художникъ не проповѣдуетъ и не пропагандируетъ идей, а рисуетъ яркіе типическіе образы человѣчества, изъ которыхъ всякій можетъ извлекать ту проповѣдь, какую онъ въ состояніи въ нихъ вычитать. Съ этой точки зрѣнія мы радуемся смѣлости и откровенности Достоевскаго, который настолько уважаетъ достоинство писателя, настолько дорожитъ его нравственною самостоятельностію, что безъ всякаго стѣсненія рѣшается выступить въ скептическую и матеріалистическую среду нашего литературнаго міра съ своимъ старцемъ Зосимой, съ своимъ юношей-инокомъ Алешей, со всѣми этими іеромонахами Паисіями, юродивыми и богомолками. Деспотическая требовательность нашей недавней критической школы до такой степени сузила горизонтъ литературнаго творчества, что въ литературѣ надолго наступила всѣмъ намъ памятная эпоха тошнотнаго однообразія и поддѣльности, какъ въ общихъ темахъ, такъ и въ отдѣльныхъ типахъ и сценахъ. Модная печать еще на дняхъ

не смѣла касаться многихъ сферъ жизни, многихъ формъ жизни, подъ страхомъ осмѣянія и преслѣдованія. Сочувствіе и свѣтлыя краски обязательно должны были быть только къ услугамъ заранѣе опредѣленныхъ образовъ, на которыхъ стоялъ штемпель привилегированности. Какъ спасительная реакція противъ этого плѣна литературной мысли, какъ рѣшительное заявленіе права литературной свободы, — темы и типы послѣдняго романа Достоевскаго заслуживаютъ горячаго привѣта. Каковы бы ни были наши собственныя сочувствія и взгляды, мы никогда не должны забывать, что человѣчество не въ насъ однихъ, что его мысль течетъ не въ одномъ узенькомъ фарватерѣ нашихъ личныхъ убѣжденій. Литература должна быть свободнымъ, широкимъ, всеобъемлющимъ зеркаломъ, въ которомъ отражаются всѣ характерныя проявленія жизни цѣлаго человѣчества, какъ въ океанѣ отражается небо. Задумывать втиснуть океанъ въ искусственное русло канала, выкопаннаго и направленнаго нашими руками—чистое безумство, которое должно всегда окончиться позорною неудачею. Самъ критикъ можетъ быть свободнымъ мыслителемъ, котораго не тревожатъ вопросы религіи. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что религія исчезла съ лица земли, что нѣтъ кругомъ его милліоновъ, для которыхъ въ ней заключаются весь смыслъ и центръ тяжести существованія. Какое же право имѣетъ литература наказывать проскрипціей художественное изображеніе такихъ могучихъ стихій человѣческой жизни? Литература сама себѣ подрѣзаетъ ноги и вырѣзаетъ свое собственное сердце, если искусственно выбрасываетъ изъ себя основные элементы того міра, вѣрное изображеніе котораго составляетъ ея основанія. Если она хочетъ знать и показать читателю только самое себя, только тотъ тѣсный кружокъ одностороннихъ мыслителей, которые заправляютъ ею, тогда, конечно, ея деспотическая ферула была бы у мѣста. Но, чтобы дать цѣлому обществу возможность, путемъ художественнаго изученія, познать человѣка во всемъ богатствѣ его силъ,—литературѣ необходимо съ одинаковымъ благоговѣніемъ подступать ко всѣмъ яркимъ проявленіямъ человѣческой психіи, какова бы ни была ихъ спеціальная окраска. Это понялъ и это осуществилъ Достоевскій въ своемъ послѣднемъ романѣ.

Въ этомъ романѣ однако есть и другая заслуга. Зарывшись совсѣмъ съ головою въ психію полузвѣрскихъ людей обнажая безъ жалости и колебанія: когти коршуна, зубь волка, развратное чрево обезьяны, подъ наружнымъ обликомъ человѣка, — романистъ сообщаетъ намъ изъ своихъ глубокихъ изысканій драгоцѣнные „документы человѣчества". Онъ не преувеличиваетъ, не прикрашиваетъ, онъ только неумолимъ въ своемъ безпристрастіи, и съ суровымъ стоицизмомъ философа обличаетъ четвероногаго скота въ разумномъ существѣ, гдѣ бы и подъ какою маскою ни скрывался онъ. Художественное изображеніе души человѣческой часто бываетъ у него ошибочно и слабо, какъ мы видѣли выше, но психологическое пониманіе имъ этой души всегда глубоко, свѣжо и могуче. Если бы это пониманіе выливалось еще въ стройную и живую художественную форму, мы имѣли бы въ Достоевскомъ писателя, стоящаго, быть можетъ, выше всѣхъ нашихъ современныхъ романистовъ. Но при бѣдности его пластическихъ силъ, онъ, къ сожалѣнію, остается только въ высшей степени интереснымъ и поучительнымъ изслѣдователемъ, не достигая высоты первостепеннаго художника. Въ новомъ романѣ своемъ, Достоевскій не является исключительнымъ психіатромъ. Онъ уже не довольствуется одною стороною изслѣдованія. Если его анатомическій ножъ безпощадно вскрываетъ сердце человѣка, то онъ не старается видѣть въ этомъ сердцѣ одни его темные углы. Обличая скота въ человѣкѣ, онъ отыскиваетъ въ немъ и искры божества, подслушиваетъ тѣ примиряющіе звуки любви и добра, которые дѣлаютъ даже этого полузвѣря нашимъ близкимъ, нашимъ братомъ.

* * *

*) Намъ идея романа представляется въ такомъ видѣ: Человѣчество страдаетъ и требуетъ скорой непосредственной помощи, какъ духовной, такъ и матеріальной. Отказъ въ такой помощи чаще всего есть величайшее изъ преступленій, тягчайшее изъ убійствъ (вспомните положеніе Екатерины Ивановны, Дмитрія, когда онъ проситъ денегъ

*) Л. О. (Оболенскій). „Мысль" 1881 г. № 2.

у купца, наконецъ, Илюши). Готовить для человѣчества очень „огромное“ счастье, а не помогать немедленно, по мѣрѣ силъ, и чѣмъ можно, опасно потому, что пока мы придемъ съ своей огромной помощью, Илюши надорвутся отъ страданій и озлобятся; крестьянка, убившая мужа, и крестьянка, потерявшая ребенка, которыхъ успокоиваетъ старецъ Зосима,—или съ ума сойдутъ или наложатъ на себя руки; Дмитрій Карамазовъ дойдетъ до сумасшествія и станетъ избивать невинныхъ Григорьевъ, охраняющихъ свято своего барина; Смердяковъ, не видящій ни откуда братски протянутой руки, убьетъ своего отца; невиннаго человѣка пошлютъ въ каторгу ищущіе истины и справедливости (но не любви) судьи, адвокаты и прокуроры и проч., и проч. Такъ что, когда придетъ наконецъ, „огромное“ счастье, приготовляемое Колей Красоткинымъ и его „огромной“ любовью, останутся только одни трупы, могилы да калѣки. Этого мало: какъ мы увидимъ при разборѣ теорій Ивана Карамазова, такіе люди, какъ онъ, да и многіе не такіе, какъ онъ, не могутъ примириться съ тѣмъ, что когда-то придетъ еще гармонія. Ну, она придетъ, говорятъ они, а изъ насъ ужъ лопухъ будетъ рости; какая же тутъ справедливость? За что же мы то жили, страдая! Неужели только для того, чтобы нашими страданіями удобрить поле для будущей гармоніи, въ которой мы не примемъ участія.

Но что же можетъ дать людямъ счастіе?

Недостаточно ни европейской философіи, ни бюрократической надежды—сдѣлать людей счастливыми, помимо ихъ воли и сознанія—силой лишь авторитета и умственнаго порабощенія — отвѣчаетъ намъ романъ лицомъ Ивана Карамазова; недостаточно западнаго либерализма, отвѣчаетъ онъ типомъ либеральнаго барина 40-хъ годовъ Міусова; недостаточно соціализма Красоткиныхъ, отвѣчаетъ онъ типомъ Красоткина; недостаточно отвлеченной и холодной справедливости и закона, часто ошибающихся, еще чаще озлобляющихъ и никого не исцѣляющихъ; недостаточно даже филантропіи и благодѣяній: благодѣянія, если они дѣлаются не изъ чистой любви, могутъ быть источникомъ страшныхъ мукъ, какъ у Екатерины Ивановны; недостаточно Клодовъ Бернаровъ съ естественными науками и нервными, клѣтками

хотя все это, быть можетъ, и хорошо, и прекрасно само по себѣ, но это не спасетъ еще человѣчество отъ мукъ и страданій; нужно еще нѣчто другое: нужна любовь, такая глубокая любовь, которая бы насквозь видѣла и понимала чужія страданія и тотчасъ бросалась на помощь, все прощая, ни за что не осуждая, ибо человѣкъ человѣку судьей быть не можетъ.

Такая любовь можетъ быть на землѣ, это показываютъ такія младенческія души, какъ душа Алеши, такія отрѣшившіеся отъ личной жизни поэты-мистики, страстно любящіе людей и ихъ жизнь, какъ старецъ Зосима. Это не идеалы, а только показатели того, что можетъ дать любовь, и того, что она можетъ существовать на землѣ.

Намъ кажется, кромѣ того, но этого мы уже не утверждаемъ навѣрное, что лучшимъ способомъ для развитія этой любви г. Достоевскій считаетъ вѣру къ то, что въ насъ есть, въ насъ живетъ безсмертное *начало* любви, начало таинственное, часть или эманація одного общаго начала, разлитаго во всей природѣ, начала любви и всепрощенія. Вѣра въ это начало общее намъ, и природѣ, и всѣмъ людямъ, заставитъ насъ сразу полюбить природу и людей, какъ полюбилъ старецъ Зосима, увидѣть въ нихъ братьевъ, увидѣть въ нихъ цѣль своей жизни.

Въ романѣ есть намеки, что отрицаніе *такой* души и такого Бога можетъ отзываться вредно, особенно на людяхъ неразвитыхъ, наталкивая ихъ на мысль, что слѣдовательно „все можно, если нѣтъ Бога и души (Смердяковъ, Дмитрій). Но мы ниже увидимъ, что не такова мысль Достоевскаго: то есть, онъ не признаетъ, во всякомъ случаѣ, никакого насильственнаго, навязаннаго только силой авторитета, вѣрованія въ Бога или душу. Эта теорія имъ явно отвергается въ лицѣ тайнаго инквизитора, очевидно, враждебнаго Достоевскому. Вездѣ сквозитъ иная мысль, а именно, что самое вѣрованіе въ душу и Бога можетъ водвориться среди людей только устраненіемъ изъ ихъ жизней насилія, гнета, безсердечной и формальной справедливости, водвореніемъ дѣятельной любви, дѣятельныхъ подвиговъ живого блага, которые одни способны пробуждать въ людяхъ вѣру въ великое благородство человѣческой души, а отсюда и въ ея

связь съ общеміровой душой, такой-же высокой, любящей, прекрасной, т. е. съ Богомъ. Все противоположное, откуда бы оно ни происходило, порождаетъ злобу, а отсюда и невѣріе въ высокія свойства души, а стало быть и въ Бога. Иногда же, какъ у юноши Красоткина, несправедливое страданіе человѣка вызываетъ жажду—пострадать самому, просто пострадать и только. Это — рефлексъ любящей, впечатлительной души.

Только такую чистую религію, какъ у Зосимы, безъ суевѣрныхъ подмѣсей, но даже не такую, какъ у Алексѣя или нѣкоторыхъ другихъ монаховъ, считаетъ Достоевскій спасительной. Наоборотъ, ожиданіе чудесъ, какъ у Алеши, такъ и у Хохлаковой ведетъ къ печальнымъ послѣдствіямъ; вѣра въ матеріальный адъ съ его огнемъ и кочергами вызываетъ даже въ старикѣ Карамазовѣ вопросы: „Откуда же кочерги на небѣ?“ и даже въ немъ порождаетъ невѣріе. Богословскія тонкости также вредятъ: они доводятъ Смердякова до отрицанія самой идеи грѣха, тогда какъ тотъ, кто вѣритъ въ любовь, понимаетъ чувствомъ, что грѣхъ есть именно мученія любящаго сердца о причиненномъ страданіи, или—совѣсть. *).

* * *

**) Достоевскій принадлежитъ къ числу тѣхъ нашихъ, такъ сказать, дореформенныхъ художниковъ, на которыхъ не имѣла никакого вліянія критика Добролюбовской школы. Талантъ Достоевскаго развился, окрѣпъ и установился еще до Добролюбова, и къ критикѣ послѣдняго Достоевскій всегда относился отрицательно. Да, по своему огромному самомнѣнію, онъ и неспособенъ былъ принимать къ свѣдѣнію замѣчанія критики и пользоваться ея указаніями. Значитъ, критика шестидесятыхъ годовъ ни мало не повинна въ тѣхъ фазахъ развитія, черезъ которыя проходилъ талантъ Достоевскаго и характеръ его литературнаго творчества.

---

*) Далѣе г. Оболенскій продолжаетъ выяснять идею романа „Братья Карамазовы“ въ разборѣ отдѣльныхъ лицъ романа. (См. подъ рубрикой: „Дѣйствующія лица романа каждое въ отдѣльности“).

**) М. Антоповичъ. „Мистико-аскетическій романъ.“ „Новое Обозрѣніе 1881 г., № 3.

Примѣч. В. Зелинскаго.

Съ самаго начала Достоевскій былъ истымъ художникомъ, представителемъ искусства для искусства. Въ первыхъ его произведеніяхъ до шестидесятыхъ годовъ не было замѣтной тенденціозности. Правда, Добролюбовъ въ большинствѣ типовъ, изображенныхъ въ этихъ произведеніяхъ, нашелъ общую мысль, общую всѣмъ черту и всѣхъ ихъ отнесъ къ категоріи „забитыхъ людей,“ у которыхъ пострадало человѣческое достоинство. Но эта мысль принадлежитъ самому Добролюбову, а не Достоевскому, который вовсе не задавался этою мыслію, и бралъ для изображенія типы, руководясь не какими-нибудь соображеніями и цѣлями, а художественнымъ инстинктомъ или тактомъ, и онъ, вѣроятно, самъ удивился, когда ему сказали, — что его типы въ большинствѣ принадлежатъ къ категоріи забитыхъ людей въ смыслѣ Добролюбова.—Но чѣмъ дальше, тѣмъ произведенія его становились все тенденціознѣе, и тенденція ихъ направлялась въ сторону „Русскаго Вѣстника“ до такой степени замѣтно и явственно, что другіе журналы, печатая его произведенія, конфузились, извинялись, дѣлали оговорки. *) Наконецъ, послѣднее произведеніе его („Братья Карамазовы“) есть верхъ тенденціозности; его какъ-то странно и называть романомъ. Это трактатъ въ лицахъ; дѣйствующія лица не разговариваютъ, а произносятъ разсужденія и притомъ большею частью на одну и ту-же, очевидно излюбленную авторомъ тему теологическаго или лучше мистико-аскетическаго свойства. Эту тему единодушно развиваютъ дѣйствующія лица: монахи и міряне, старцы и юноши, мужчины и женщины, господа и лакеи, добродѣтельные люди и закоренѣлые грѣшники. Но не довольствуясь этимъ, авторъ приложилъ къ своему роману въ сурьезъ, въ-заправду нѣсколько важныхъ и глубокомысленныхъ трактатовъ мистико-аскетическаго содержанія, подъ псевдонимомъ старца Зосимы. Романъ съ приложеніемъ аскетическихъ поученій—да, вѣдь, это несообразность, нелѣпость! Но съ точки зрѣнія тенденціозности эта несо-

---

*) Г. Антоновичъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду нѣкотораго рода разъясненіе, появившееся въ свое время въ „Отеч. Зап“. по поводу романа „Подростокъ“. „Это разъясненіе, исходившее какъ бы отъ всей редакціи журнала, принадлежало г. Н. Михайловскому, который подвергся за него порицанію многихъ органовъ печати.

Примѣч. В. Зелинскаго.

образность, эта нелѣпость естественна и понятна. Для автора самое главное мысль, тенденція, а романъ второстепенная вещь, оболочка, façon de parler; онъ старается провести свою мысль всѣми мѣрами, всѣми правдами и неправдами и боясь, что читатель самъ не увидитъ и не пойметъ этой мысли въ аллегоріи романа, онъ пересыпаетъ аллегорію трактатами, которые уже прямо должны наводить читателя на тенденцію романа. Авторъ, вѣроятно, вовсе не прибѣгъ бы къ аллегоріи романа и изложилъ свою мысль только въ трактатѣ, если бы былъ увѣренъ, что трактатъ также сильно подѣйствуетъ на читателей и съ такимъ же увлеченіемъ и азартомъ будетъ читаться и въ томъ случаѣ, если онъ не будетъ подправленъ и сдобренъ разными романическими снадобьями и художественнымъ перцемъ.

Словомъ, тенденціозность романа не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. А чтобы лучше уразумѣть тенденцію, составляющую сущность романа, намъ слѣдуетъ припомнить направленіе или—такъ какъ это слово почему-то многимъ теперь не нравится—міровоззрѣніе автора его.—Достоевскій, возвратившись къ литературной дѣятельности послѣ невольнаго ужаснаго литературнаго бездѣйствія, описаннаго имъ подъ видомъ пребыванія въ „Мертвомъ домѣ“, присталъ къ той литературной партіи или школѣ, которую можно назвать лѣвымъ славянофильствомъ. Это было особаго рода славянофильство, не столь крайнее, какъ московское, но гораздо менѣе ясное и опредѣленное, чѣмъ послѣднее; оно было похоже на тотъ видъ славянофильства, который исповѣдывали Шевыревъ, Погодинъ, вообще „*Москвитянинъ.*“ На самомъ лѣвомъ концѣ этого направленія стоялъ А. Григорьевъ, неопредѣленный мечтатель и художественный мистикъ, одною своею стороною даже соприкасавшійся съ западничествомъ. Вотъ въ этомъ славянофильствующемъ направленіи Достоевскій и велъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Михаиломъ послѣдовательно два журнала „Время“ и „Эпоху.“ На знамени этихъ журналовъ было написано и девизомъ ихъ было: „мы оторвались отъ почвы, т. е. отъ простого народа, и улетѣли въ облака; поэтому мы должны спуститься на землю, возвратиться къ почвѣ.“ Въ чемъ должно состоять такое возвращеніе къ почвѣ, этого журналы совсѣмъ не разъ-

ясняли. Но въ то время многимъ, а въ томъ числѣ и намъ лично, это возвращеніе казалось очень подозрительнымъ. Впослѣдствіи эти подозрѣнія оправдались, когда Достоевскій своею беллетристическою и публицистическою дѣятельностію обнаружилъ и разъяснилъ, въ чемъ должно состоять возвращеніе къ почвѣ. Въ политическомъ и общественномъ отношеніи путемъ для этого возвращенія должны служить принципы князя Мещерскаго, развивавшіеся въ „*Гражданинѣ*," дѣятельнымъ сотрудникомъ котораго былъ Достоевскій.— А затѣмъ возвращеніе къ почвѣ приняло другую форму. Достоевскій бросилъ всякую политику и общественность, отложилъ въ сторону всякіе житейскіе вопросы, а ударился въ субъективность, зарылся въ самую глубину души, въ ту таинственную область, гдѣ гнѣздятся: восторженная вѣра, всерѣшающая мистика и созерцательный самозаключенный аскетизмъ. Вотъ въ эту-то область и увлекаетъ Достоевскій всякаго интеллигентнаго человѣка, витающаго въ облакахъ и желающаго возвратиться къ почвѣ.

Подробности этого кульминаціоннаго пункта въ развитіи міровоззрѣнія Достоевскаго таковы въ ихъ общихъ чертахъ. Русскій простой, необразованный народъ есть самый религіозный народъ въ мірѣ; онъ стоитъ на самой высшей степени религіознаго совершенства и духовнаго просвѣщенія, такъ что для него не нужно никакое мірское просвѣщеніе. Русскій народъ естъ „народъ богоносецъ," какъ выражается старецъ Зосима, псевдонимъ Достоевскаго. Просвѣщеніе есть свѣтъ духовный, озаряющій душу, просвѣщающій сердце; и Достоевскій уже прямо отъ себя утверждаетъ, что „нашъ народъ просвѣтился уже давно, принявъ въ свою суть (?) Христа и ученіе Его," что хотя наша земля и нищая, но се всю „исходилъ благословляя Христосъ." Кромѣ общей религіозности, русскій простой народъ отличается еще особенною любовью и уваженіемъ къ мистицизму и аскетизму, къ усиленнымъ подвигамъ поста, послушанія, цѣломудрія и всякихъ другихъ родовъ умерщвленія грѣховной плоти, словомъ, къ тѣмъ подвигамъ, которые практикуются въ монастыряхъ и скитахъ. „Отъ народа спасеніе Руси," говоритъ псевдонимъ Достоевскаго; „русскій-же монастырь искони былъ съ народомъ." Изъ этихъ двухъ посылокъ силлогизма

всякій, даже не учившійся въ семинаріи ни Barbara-мъ ни Celarent-амъ, сразу выведетъ заключеніе: слѣдовательно спасеніе отъ монастыря. Европейское же просвѣщеніе и образованіе въ этомъ отношеніи діаметрально противоположно духу простого русскаго народа; оно неизбѣжно ведетъ къ невѣрію, къ самомнѣнію, къ умственной кичливости, къ превозношенію и гордынѣ; оно порождаетъ равнодушіе, холодность и даже презрѣніе къ аскетизму, къ посту, цѣломудрію и умерщвленію плоти, а тѣмъ самымъ отчуждаетъ отъ спасительнаго монастыря. Поэтому, если русскій человѣкъ захочетъ умственно развиться и получить европейское образованіе, то онъ вмѣстѣ съ образованіемъ незамѣтно всасываетъ ядъ невѣрія, умственной гордыни и отчужденія отъ монастыря, словомъ, отрывается отъ почвы. Вслѣдствіе этого то русская интеллигенція такъ безсильна и безплодна. Всѣ ея построенія не имѣютъ фундамента и стоятъ на пескѣ; всѣ ея заботы, всѣ ея планы объ устройствѣ или улучшеніи общественныхъ отношеній и объ облегченіи участи простого народа оказываются напрасными и не достигаютъ цѣли. И это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока интеллигенція не возвратится къ почвѣ, къ простому народу. И путь этого возвращенія послѣ вышесказаннаго ясенъ самъ собою.

Интеллигенція должна отказаться отъ своего просвѣщенія, должна отвергнуть зловредное европейское образованіе, отречься отъ него, смирить свою гордость и свой умъ, овладѣть собою, „подчинить себя себѣ“; а самое лучшее средство для этого отправиться въ монастырь и выбрать себѣ въ руководители какого-нибудь старца, отдаться въ его полное распоряженіе, быть у него на послушаніи, отречься отъ своей воли и предаться его волѣ во всемъ, какъ это и сдѣлалъ одинъ изъ героевъ романа, Алеша Карамазовъ—самое любимое дѣтище автора. Тогда только интеллигенція, смиривъ самолюбивую и гордую волю, найдетъ правду въ себѣ, достигнетъ истинной свободы духа и осуществленія всѣхъ тѣхъ своихъ стремленій, которымъ она безуспѣшно старалась удовлетворить безпочвенными гражданскими идеалами и заботою о злобѣ дня. Приблизительно черезъ такой же циклъ развитія прошелъ лично самъ Достоевскій. „Не говорите же мнѣ,“ восклицаетъ онъ въ своемъ „*Дневникѣ*“ за

прошлый годъ, „что я не знаю народа! Я его знаю: отъ него я принялъ вновь въ мою душу Христа, котораго узналъ въ родительскомъ домѣ еще ребенкомъ и котораго утратилъ было, когда преобразился въ свою очередь въ европейскаго либерала“. Убѣдить и другихъ послѣдовать тѣмъ же путемъ, т. е. бросить всякіе гражданскіе идеалы, всякія мірскія злобы дня, и искать свободы и правды только внутри себя и притомъ по указаніямъ и подъ руководствомъ монастыря и скитскихъ старцевъ,—такова мысль, такова цѣль, такова тенденція какъ романа *„Братья Карамазовы“*, такъ и рѣчи Достоевскаго о Пушкинѣ и его полемики по поводу этой рѣчи.

Да вѣдь это все та же старая пѣсня, скажетъ читатель, которую мы слышимъ и слышали столько разъ! Совершенно вѣрно. Это даже не новая варіація на старую тему, а просто та же старая тема, которую всегда развивали и развиваютъ всѣ обскуранты и ретрограды, противящіеся всякимъ улучшеніямъ во внѣшнемъ бытѣ и общественномъ положеніи и состояніи людей, та же старая пѣсня, которую тянули старые и тянутъ теперь новые славянофилы, та же пѣсня, которую лазаремъ распѣвали Бурачекъ въ *„Маякѣ“* и въ своихъ отдѣльныхъ брошюркахъ, выходившихъ въ 60-хъ годахъ, которую лицемѣрно и фальшиво пѣлъ Аскоченскій, которую элегантно исполняютъ разные великосвѣтскіе Редстоки и Пашковы и, наконецъ, та же старая пѣсня, которую по волѣ какой-то злой судьбы запѣлъ подъ конецъ своей жизни и нашъ безсмертный Гоголь въ своей злосчастной „Перепискѣ съ друзьями“... Во многихъ пунктахъ Гоголь и Достоевскій буквально сходятся между собою; напр., оба они возстаютъ противъ гордыни ума и превозношенія науки и рекомендуютъ смиреніе и покорную вѣру; оба они прославляютъ простой русскій народъ, какъ самый религіозный въ мірѣ и т. п. Къ счастію для русской литературы, Гоголь не омрачилъ ни одного изъ своихъ художественныхъ произведеній этой тенденціей; онъ не произвелъ ничего послѣ того, какъ въ немъ совершился поворотъ къ мистическому аскетизму. Духомъ своихъ произведеній онъ былъ недоволенъ; но уже ничего не могъ подѣлать съ ними и съ сожалѣніемъ вспоминалъ русскую пословицу:

„слово какъ воробей, выпустивши его, не схватишь“. За то онъ съ удовольствіемъ сжигалъ все, что еще не было *выпущено* и оставалось только въ рукописи. Достоевскій поступилъ иначе; онъ внесъ свою тенденцію въ свои художественныя произведенія; онъ продолжалъ свою художественную дѣятельность и послѣ того, какъ въ его мысляхъ совершился окончательный поворотъ къ мистическому аскетизму. Не довольствуясь публицистической пропагандой своего міровоззрѣнія, онъ сталъ пропагандировать его и своими романами. Сочиненія Гоголя, если отъ нихъ отнять „Переписку“ и „Исповѣдь“, останутся цѣльнымъ перломъ безъ пятенъ и трещинъ, стройнымъ организмомъ, который оживленъ однимъ общимъ духомъ, одною господствующею идеей. Сочиненія же Достоевскаго, если даже исключить изъ нихъ публицистическія статьи и рѣчи и „Дневникъ“, будутъ представлять разнохарактерную смѣсь, крайніе члены которой проникнуты различнымъ духомъ и одушевлены неодинаковыми тенденціями.

Уже давно, со времени критики Добролюбова, сдѣлалась избитымъ общимъ мѣстомъ та мысль, что Достоевскій есть художникъ униженныхъ и оскорбленныхъ, или забитыхъ людей, въ которыхъ, однако, сохранилась искра сознанія человѣческаго достоинства, по временамъ вспыхивающая слабымъ протестомъ, что въ его художественныхъ произведеніяхъ звучитъ постоянно струна гуманности, любви къ страждущимъ, даже къ преступникамъ, въ которыхъ художникъ признавалъ людей, своихъ ближнихъ. Такая характеристика совершенно непримѣнима къ его послѣднему произведенію. Въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, вмѣсто гуманитарнаго элемента, выступаетъ элементъ теологическій или мистико-аскетическій. Здѣсь нѣтъ всепрощающей любви ко всѣмъ и ко всему, а есть строгій, неумолимый аскетическій ригоризмъ, сурово анаѳематствующій всѣхъ отверженцевъ, отмѣченныхъ печатью высшаго проклятія. Подобно всѣмъ теологическимъ зелотамъ, художникъ обнаружилъ здѣсь крайнюю нетерпимость ко всякому иновѣрію, ко всякому разногласящему мнѣнію. Къ внѣшнимъ практическимъ дѣйствіямъ онъ снисходителенъ и гуманно терпимъ; но онъ безжалостенъ къ иновѣрію, а тѣмъ паче къ безвѣрію. Онъ проститъ самое

страшное внѣшнее преступленіе, но въ немъ не найдется и капли жалости къ самому безобидному теологическому сомнѣнію, а тѣмъ болѣе отрицанію. Достоевскій въ своемъ послѣднемъ романѣ поступаетъ совершенно такъ же, какъ въ баснѣ Крылова тѣ адскія Мегеры, которыя снисходительно отнеслись къ грабителю по большимъ дорогамъ и разбойнику и, напротивъ, безжалостно осудили на неугасаемый огонь и вѣчныя усиленныя муки писателя, который „вселялъ безвѣріе" и даже „величалъ безвѣріе просвѣщеніемъ". Въ этомъ романѣ мы уже не видимъ оскорбленныхъ и униженныхъ или забитыхъ, за исключеніемъ развѣ штабсъ-капитана Снегирева, который нѣсколько напоминаетъ прежніе излюбленные типы Достоевскаго. Здѣсь люди разсматриваются и классифицируются съ другой, совершенно особой точки зрѣнія: одесную избранныя овцы, а ошую отверженныя козлища. Настоящихъ людей съ плотью и духомъ, со смѣсью добра и зла здѣсь нѣтъ, а есть только съ одной стороны святые, праведники, стоящіе выше всякихъ человѣческихъ слабостей, словомъ ангелы во плоти, обязанные всѣмъ своимъ величіемъ и своею праведностью своей твердой, ясной, несомнѣвающейся и неколеблющейся вѣрѣ, а съ другой стороны нераскаянные и непробудные грѣшники, сомнѣвающіеся и невѣрующіе и вмѣстѣ съ вѣрой потерявшіе всякую духовную любовь, стыдъ и совѣсть, всякую нравственность, всякое человѣческое подобіе, словомъ дьяволы, съ наслажденіемъ предающіеся злу и сѣющіе его повсюду...

Это какое-то средневѣковое душеспасительное чтеніе, и при чтеніи его никакъ не хочется вѣрить, что это современное произведеніе и притомъ такого автора, который, повидимому, не имѣетъ ничего общаго съ средними вѣками... Романъ разсматриваетъ всѣхъ людей, всѣ отношенія и всю жизнь съ спеціальной, исключительной точки зрѣнія грѣховности и благочестія и условій, имъ благопріятствующихъ. Изъ этихъ условій „міръ", пребываніе въ мірѣ благопріятствуетъ грѣховности, а удаленіе отъ міра въ пустыню благопріятствуетъ благочестію. Міръ и пустыня или обитель—это два полюса, двѣ противоположности, это тьма и свѣтъ. Посмотрите, какую трогательную, симпатичную и умиротворяющую картину представ-

ляетъ обитель въ сравненіи съ міромъ: тамъ цѣломудріе, дѣвственность, нестяжательность, духовные высшіе интересы, вѣра; здѣсь же, сладострастіе, блудъ, своекорыстіе и сребролюбіе, грубые матеріальные интересы и безвѣріе. Иноки проводятъ свою жизнь въ молитвѣ, въ душеспасительныхъ бесѣдахъ, божественномъ любомудрствованіи или теософіи и въ духовныхъ невещественныхъ благотвореніяхъ. Мы видѣли, какая масса людей притекала къ старцу Зосимѣ, и какъ онъ всѣхъ ихъ ублаготворялъ. Вотъ юный умъ, недовольный окружающимъ мракомъ и рвущійся къ свѣту, къ идеалу и готовый для достиженія ихъ жертвовать даже жизнью, это Алеша. Гдѣ онъ находитъ свой свѣтъ, свой идеалъ? Опять-таки въ обители и опять-таки у старца Зосимы.

Совершенно иную мрачную картину представляетъ міръ. Вспомните, съ какими предостереженіями и напутствіями отпускали старцы Алешу въ міръ, какъ пугали его всевозможными мірскими опасностями и страданіями, точно онъ отправлялся не въ цивилизованное общество, просвѣщенное христіанствомъ, а къ какимъ-нибудь грубымъ и кровожаднымъ дикарямъ, или лучше въ какое-нибудь сатанинское царство, къ самому діаволу и аггеламъ его. Самъ Алеша ужаснулся, когда старецъ послалъ его въ міръ, сердце у него дрожало и онъ думалъ: „здѣсь тишина, здѣсь святыня, а тамъ смущенье, тамъ мракъ, въ которомъ сразу потеряешься и заблудишься"... Весь міръ во злѣ лежитъ; въ немъ только гордость, превозношеніе и грѣхъ. И все то, что есть лучшаго въ мірѣ, чѣмъ онъ гордится, что составляетъ его украшеніе, въ сущности есть мерзость запустѣнія. Припомните, какъ о. Паисій аттестовалъ науку, эту гордость человѣчества, это великое созданіе коллекливнаго ума всего человѣчества; она слѣпа, разрушила все небесное и святое, изъ-за частей прозѣвала цѣлое. Не болѣе лестно отозвался о наукѣ и великій инквизиторъ, увѣрявшій, что свбодный умъ и наука приведетъ только къ антропофагіи. Но атеисты, не смотря на все желаніе и противодѣйствіе, никакъ не могутъ заглушить въ себѣ мысли о цѣломъ, которое ихъ неотступно преслѣдуетъ, хотя они постоянно отгоняютъ ее. И это положеніе, о. Паисія вполнѣ подтверждается романомъ: мы видимъ, что и старикъ Карамазовъ, и сынъ его Иванъ вольнодумствующій, и

Смердяковъ маловѣрный, и Ракитинъ невѣрующій никакъ не могутъ освободиться отъ мысли о Богѣ и безсмертіи, постоянно заняты ею и только стараются заглушить ее: одинъ виномъ и развратомъ, другой разными вольнодумствованіями о неискупленныхъ страданіяхъ дѣтей, третій лакейской діалектикой и четвертый химіей и Клодъ Бернаромъ.

Міръ воображаетъ, что онъ можетъ отдѣлиться отъ церкви и устроиться удовлетворительно безъ ея помощи. Въ частности онъ думаетъ, что устроивши при помощи науки и европейской практики судъ присяжныхъ съ прокурорами, адвокатами и слѣдователями, онъ достигъ праваго суда, твердо ограждающаго справедливость. Между тѣмъ, на дѣлѣ это чистая иллюзія; мірской судъ есть просто посмѣшище надъ правдою и останется такимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ переданъ въ руки церкви и вообще пока государство не сольется съ церковью. Припомните разсужденія монастырскихъ старцевъ съ Зосимою во главѣ объ основахъ церковно-общественнаго суда. Эти разсужденія внесены въ романъ не спроста и не случайно. Мы увидѣли одинъ примѣръ того, что разсужденія старцевъ подтверждаются событіями, излагаемыми въ романѣ. Также точно и эти ихъ разсужденія о судѣ вполнѣ подтверждаются утомительно подробнымъ изложеніемъ суда надъ Митей. Митя—душа высокая и благородная, полная вѣры, энтузіазма, любви къ Алешѣ и уваженія къ Зосимѣ. Мірскіе же обвинители и судьи съ мелкими душонками и узкими рамками своего мірскаго правосудія, вмѣсто того, чтобы проникнуть въ эту душу и проникнуться благоговѣніемъ къ ней стали придираться къ ней съ своими мелкими вопросами и мелочными уликами, гдѣ былъ въ такой-то день и часъ, гдѣ взялъ то и другое, что говорилъ тому или другому. Эти пошлыя мелкія придирки пигмеевъ вызвали негодованіе и презрѣніе въ исполинѣ Митѣ, и онъ закричалъ имъ: „и вы хотите, чтобы я такимъ насмѣшникамъ, какъ вы, ничего не видящимъ и ничему не вѣрящимъ, слѣпымъ кротамъ и насмѣшникамъ, сталъ открывать и разсказывать еще новую подлость мою, еще новый позоръ, хотя бы это спасло меня отъ вашего обвиненія? Да лучше въ каторгу!“ Но онъ все-таки сжалился надъ ними

и протянулъ имъ руку; и представьте себѣ, они не приняли этой руки. Вотъ эти-то судейскіе слѣпые кроты при помощи темныхъ „мужичковъ“, тоже не способныхъ понимать величіе и энтузіазмъ души, своимъ правымъ судомъ и осудили Митю, совершенно неповиннаго въ убійствѣ отца.—Но то ли дѣло было бы, если бы въ судѣ участвовала церковь! Старцы правду говорили, что „передъ одною только церковью современный преступникъ и способенъ сознать свою вину, а не то что предъ государствомъ; вотъ если бы судъ принадлежалъ обществу, какъ церкви, тогда бы оно знало, кого воротить изъ отлученія и опять пріобщить къ себѣ“. Да, если бы судьею былъ старецъ Зосима, слѣдователемъ о. Іосифъ, прокуроромъ о. Паисій, а секретаремъ послушникъ Алексій, вродѣ того какъ это есть теперь въ консисторіяхъ, тогда, конечно, невинный Митя не былъ бы осужденъ. Они не стали бы заниматься мелочами, а прямо проникли бы въ самую суть его души, увидали бы всю ея вѣру, величіе, любовь къ монастырскимъ старцамъ и прославили бы Митю. Зосима, только взглянувши на Митю, сразу увидѣлъ, что это за птица, и поклонился ему въ ноги. Итакъ великій праведникъ поклонился Митѣ, а мірскіе судьи даже не удостоили пожать его руку и упекли его въ каторгу. Вотъ какая разница между судомъ мірскимъ и духовнымъ!

И вездѣ, и во всемъ міръ такъ же мелоченъ, поверхностенъ, бездушенъ и несправедливъ; если судъ, гордость его, столь неудовлетворителенъ, то другія его учрежденія еще хуже. И міръ не поправитъ своихъ дѣлъ и будетъ оставаться въ жалкомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока онъ не сольется съ церковью, не превратится въ монастырь или, по крайней мѣрѣ, не подчинится авторитету монастыря и монастырскому принципу. Этотъ принципъ есть аскетизмъ и самоотреченіе.

Всѣ мірскіе друзья и благодѣтели человѣчества, политики и государственные люди, всѣ философы, ученые, публицисты и художники ставили для себя единственной задачей устроить только земную жизнь человѣка, и вся ихъ цѣль состояла и состоитъ въ томъ, чтобы по возможности уменьшить сумму земныхъ страданій человѣчества и по возможности увеличить сумму его земныхъ удовольствій, доставляя

удовлетвореніе по возможности всѣмъ потребностямъ человѣческаго существа и въ томъ числѣ его стремленію къ самостоятельности, къ самобытности, къ самоопредѣленію. Для достиженія своей цѣли они употребляли исключительно земныя средства и пользовались только силами своего ограниченнаго ума, не прибѣгая ни къ какому высшему авторитету. Средства ихъ состояли въ томъ, что они регулировали и всячески видоизмѣняли внѣшнія, просто наружныя отношенія между людьми, не касаясь глубины человѣческой души и ея стремленій къ высшему авторитету. Всѣ ихъ законы и мѣры, реформы и преобразованія имѣли въ виду внѣшнюю дѣятельность людей, какъ членовъ внѣшняго гражданскаго общества, и не касались ихъ сокровенной глубины души, ихъ совѣсти, ихъ убѣжденій и вѣрованій. Вотъ въ этомъ-то и состояла ихъ роковая ошибка; вотъ потому-то всѣ ихъ стремленія и потерпѣли такое страшное фіаско. Прочитайте горячія рѣчи Великаго Инквизитора, вникните въ нихъ; онѣ не спроста внесены въ романъ и крайне поучительны. Въ нихъ поразительными и яркими чертами изображена тщетность всѣхъ усилій облагодѣтельствовать человѣчество при помощи одного только гордаго человѣческаго ума и необузданной человѣческой свободы; эти усилія увѣнчались только антропофагіей. Поэтому Инквизиторъ увѣренъ, что человѣчество, жестоко разочаровавшись въ своихъ силахъ, своихъ надеждахъ и мечтахъ, придетъ *къ нимъ*, т. е. къ представителямъ высшаго авторитета на землѣ, и сложитъ къ ногамъ ихъ свой гордый умъ и свою буйную волю. Это такъ и должно быть, это и есть единственный исходъ, и по мнѣнію нашихъ старцевъ въ романѣ, и самого автора его. Нужно круто повернуть ходъ современной исторіи и направленіе дѣятельности современныхъ историческихъ дѣятелей и направить ихъ въ другую сторону, по направленію къ монастырю. Современное общество должно перестроиться по образцу монастыря и положить въ основу своего зданія монастырскій принципъ самоотреченія и аскетизма. Всѣ земныя мѣры, всякія внѣшнія реформы и регулированія нужно бросить какъ негодныя. Этотъ крутой поворотъ представляетъ нѣкоторое затрудненіе только для оторвавшейся отъ народа нашей интеллигенціи; самъ же народъ еще со времени Вла-

диміра Равноапостольнаго сталъ и теперь стоитъ на надлежащей дорогѣ, ведущей къ монастырю. Интеллигенціи остается только примкнуть къ народу.

При помощи аскетизма, самоотреченія и послушанія, составляющихъ монастырскій принципъ, легко разрѣшаются вопросы и о земномъ благосостояніи людей, надъ которыми безплодно ломаютъ головы друзья человѣчества. Цѣль этихъ друзей, какъ мы видѣли, состоитъ въ томъ, чтобы облегчать земныя людскія страданія, уменьшать ихъ сумму. Съ точки зрѣнія аскетизма это совершенно ложная цѣль: зачѣмъ стремиться къ уменьшенію или ослабленію земныхъ страданій? Развѣ эти страданія составляютъ грѣхъ или вообще что-нибудь дурное? Вовсе нѣтъ; эти страданія полезны для людей, они укрѣпляютъ и очищаютъ душу, какъ золото очищается огнемъ въ горнилѣ, и вообще содѣйствуетъ нравственному совершенствованію людей. Поэтому не только должно переносить страданія съ удовольствіемъ, не только не нужно избѣгать и устранять ихъ, но еще должно искать ихъ. Такъ и поступаютъ истинные аскеты. Зосима далъ Алешѣ такой завѣтъ, какъ вы помните: „въ горѣ счастья ищи.“ И въ другомъ мѣстѣ онъ пророчилъ ему: „много несчастій принесетъ тебѣ жизнь, но ими-то ты и счастливъ будешь и жизнь благословишь, и другихъ благословить заставишь,—что важнѣе всего.“ „Ищи себѣ мукъ, пріими муки и вытерпи,“ такъ постоянно твердилъ святой старецъ. Но вѣдь аскеты, иноки не какіе-нибудь необыкновенныя существа, не ангелы, а обыкновенные смертные, такіе же люди, „какими и всѣмъ на землѣ людямъ быть надлежало бы,“ какъ говорилъ о. Зосима.

И такъ не нужно никакихъ законовъ, преобразованій и мѣръ для устраненія страданій; нужно только разрушить ту иллюзію и ошибку людей, по которой они считаютъ страданія чѣмъ-то дурнымъ, непріятнымъ, и увѣрить ихъ, что страданія составляютъ благодѣяніе и счастье; нужно не устранять страданія, а только утѣшать страдающихъ и убѣждать ихъ въ прелести и пользѣ страданій. А этого легко можно достигнуть одними словами безъ дѣлъ, одними поученіями и проповѣдями, особенно еще если произносить ихъ отъ имени высшаго авторитета. Возьмемъ, напр., такой случай изъ дѣйствительной жизни. Деревенская баба, ѣдущая въ желѣзно-

дорожномъ поѣздѣ, потеряла свой билетъ и реветъ изъ-за этого благимъ матомъ. Ея сосѣдъ, полу-мужикъ, полу-купецъ, начинаетъ утѣшать ее въ страданіи и говоритъ: „Э, тетка, полно убиваться изъ-за билета, купишь другой, вотъ какъ придетъ кондукторъ; чать у него еще не всѣ вышли.“ На это страдалица съ ожесточеніемъ отвѣчала: „тебѣ хорошо покупать, что у тя мошна-то набита, а я съ чѣмъ вернусь назадъ, коли послѣднія истрачу на билетъ; вѣдь мнѣ и отъ машины-то до деревни въ силу пѣшкомъ пройти.“ Но, очевидно, это былъ неискусный утѣшитель. Если бы въ поѣздѣ былъ о. Зосима, онъ непремѣнно утѣшилъ бы бабу и убѣдилъ бы ее, что потеря билета есть благодѣяніе для нея. Помните, какъ онъ утѣшалъ бабу, лишившуюся сына и ужасно страдавшую, и съ какимъ веселіемъ она ушла отъ него, приговаривая: „сердце мое ты разобралъ.“ Нужно, впрочемъ, сказать, что подобнаго рода утѣшенія не всегда удаются. Былъ, напр., такой случай. Въ деревнѣ лѣтомъ, среди дня, случился пожаръ. Одна старушка-вдова, жавшая въ полѣ съ дѣтьми рожь, прибѣжавши въ деревню, нашла на мѣстѣ своей избы только дымящуюся груду пепла да остовъ печки и разразилась горькими, раздирающими душу рыданіями. Бывшій на пожарѣ духовный отецъ ея съ жалостью и „проникновенно“ сказалъ ей: „ахъ, раба Божія, какія ты горькія слезы проливаешь изъ-за благъ тлѣнныхъ и земныхъ, а, небось, о благахъ нетлѣнныхъ и небесныхъ и думать позабыла, а тебѣ бы въ твоихъ лѣтахъ наипаче слѣдовало бы думать объ нихъ.“ Но нераскаянная старуха игнорировала эти утѣшенія, прикинулась, точно какъ будто не слыхала ихъ, и продолжала рыдать. Впрочемъ, можетъ быть, и здѣсь былъ неискусный утѣшитель, не такой какъ Зосима.

Когда такимъ образомъ люди убѣдятся, что страданія— это иллюзія, мірской предразсудокъ, что въ сущности они благотворны и въ нихъ заключается наше благосостояніе, тогда половина дѣла будетъ сдѣлана, человѣчество станетъ на половину счастливымъ. Не будетъ страдальцевъ и страданій; можно будетъ похерить одну половину задачи друзей человѣчества и всѣ ихъ законы и мѣры, разсчитанные на уменьшеніе суммы страданій. Остается другая половина задачи—удовлетвореніе потребностей. И здѣсь аскетизмъ рѣ-

шаетъ вопросъ проще и скорѣе. Нужно заботиться не объ удовлетвореніи потребностей, а объ ограниченіи и подавленіи ихъ, вообще объ обузданіи своихъ пожеланій... Очевидно, что удовлетвореніе или насыщеніе потребностей, къ которому стремятся мірскіе друзья человѣчества, есть принципъ ложный въ своемъ основаніи, и въ результатѣ приведетъ только къ антропофагіи. Гораздо надежнѣе противоположный принципъ аскетизма. Человѣкъ долженъ стремиться къ ограниченію своихъ потребностей; лишнія и ненужныя потребности нужно „отсѣкать отъ себя,“ учитъ Зосима, и нужно освобождаться „отъ тиранства вещей и привычекъ.“ Попросту говоря, протягивай ножки по одеждѣ, и какимъ потребностямъ ты не можешь удовлетворить, тѣхъ и не имѣй, тѣ и подавляй; съ этимъ правиломъ будешь вѣчно доволенъ и счастливъ.

Возьмемъ такой случай. Вздорожало мясо, до котораго такіе большіе охотники всѣ мірскіе. Это обстоятельство вызываетъ всеобщее неудовольствіе и ропотъ; всѣ кряхтятъ, охаютъ, жалуются, требуютъ мѣръ. Вотъ за дѣло берется дума, назначаетъ, какъ водится, коммиссію для удешевленія мяса; коммиссія выписываетъ издалека нѣсколько кусковъ свѣжаго мяса въ особо приспособленныхъ вагонахъ и продаетъ ихъ жителямъ. Куски съѣдены; но цѣна на мясо не только не падаетъ, а еще повышается. Люди недостаточные попрежнему бѣдствуютъ, страдаютъ, не имѣя возможности удовлетворять своей потребности; въ нихъ растетъ неудовольствіе и ропотъ. Міръ со всѣми своими мѣрами оказывается безсильнымъ успокоить людей и сдѣлать ихъ довольными. Аскетизмъ-же можетъ это сдѣлать легко. Всѣми любимый и уважаемый старецъ Зосима созываетъ къ себѣ недовольныхъ и держитъ къ нимъ такую глубоко прочувствованную рѣчь. „Братіе мои, вы напоминаете мнѣ тѣхъ евреевъ, которые изъ-за недостатка египетскихъ мясъ въ пустынѣ возмутились противъ Пророка Божія и Вождя. Не подражайте имъ, не ропщите, а лучше отсѣките потребность въ мясѣ. Повѣрьте, будете живы и безъ мяса; взгляните на иноковъ Россіи и всего міра. Они не вкушаютъ мяса, а живутъ не хуже васъ. Да даже ваша мірская наука отрицаетъ мясо. Ученѣйшій правитель столичнаго университета, Бекетовъ, доказалъ, что

мясо введено въ употребленіе буржуазной физіологіей, которая, вѣроятно, процвѣтала въ Древнемъ Египтѣ, гдѣ ею заразились и евреи, и что вообще безъ мяса можно жить. Обдумайте-ка мой смиренный совѣтъ, откажитесь отъ египетскихъ мясъ.“ Послѣ этой рѣчи, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, недовольные превратились въ довольныхъ, мясныя лавки опустѣли, цѣна на мясо упала вчетверо, думская коммиссія закрылась; радость всеобщая.

Примѣните этотъ принципъ аскетизма и отсѣченія ко всѣмъ потребностямъ человѣческой природы, какъ къ физическимъ, такъ и къ психическимъ, превратите гражданское общество въ монастырь, добровольно, по совѣсти и по религіозному чувству вполнѣ подчиняющійся не только велѣніямъ, но и простымъ наставленіямъ своего духовнаго старца, и совершенно отрекшійся отъ своей воли, и вы въ одинъ мигъ осчастливите человѣчество, которое теперь такъ далеко отъ счастья, потому что всѣ свои усилія, всѣ средства своего ума и всѣ орудія общественности направляетъ къ тому, чтобы удовлетворять своимъ не только естественнымъ, но и искуственно привитымъ цивилизаціей потребностямъ, чтобы достигнуть не послушанія и отреченія отъ своей воли, а свободы, свободнаго самоопредѣленія и нестѣсненной самодѣятельности. Какъ въ древнемъ цивилизованномъ мірѣ, такъ и теперь, свобода считается одною изъ самыхъ жгучихъ психическихъ потребностей, и удовлетвореніе ея доставляетъ наивысшее психическое удовольствіе и наслажденіе. Но человѣчество до сихъ поръ не добилось возможности удовлетворять этой потребности. Припомните въ рѣчи великаго инквизитора мрачную картину человѣчества, получившаго мірскую свободу и этимъ путемъ дошедшаго до взаимнаго истребленія, до антропофагіи. Авторъ разсматриваемаго романа исповѣдуетъ и доказываетъ въ романѣ этотъ же взглядъ и съ своей стороны предлагаетъ для достиженія свободы другое средство, монастырское, тоже давнымъ давно извѣстное и оказавшееся на практикѣ еще менѣе удовлетворительнымъ.

Средство это состоитъ въ томъ, чтобы стремиться къ свободѣ посредствомъ добровольнаго рабства, путемъ безусловной покорности, отреченія отъ своей воли и того, что по-латыни называется resignatio. Отецъ Зосима говоритъ:

„самолюбивую и гордую волю мою смиряю и бичую послушаніемъ, и достигаю тѣмъ, съ помощью Божьей, свободы духа.“ Въ другомъ мѣстѣ авторъ, давая опредѣленіе того, что такое старецъ, говоритъ уже отъ себя слѣдующее.

„Старецъ это—берущій вашу душу, вашу волю въ свою душу и свою волю. Изобравъ старца, вы отъ своей воли отрѣшаетесь, и отдаете ее ему въ полное послушаніе, съ полнымъ самоотреченіемъ. Этотъ искусъ, эту страшную школу жизни обрекающій себя принимаетъ добровольно, въ надеждѣ послѣ долгаго искуса побѣдить себя, овладѣть собою до того, чтобы могъ, наконецъ, *достичь чрезъ послушаніе* всей жизни, уже *совершенной свободы*, то есть свободы отъ самого себя, избѣгнуть участи тѣхъ, которые всю жизнь прожили, а себя въ себѣ не нашли. Изобрѣтеніе это, то есть старчество,—не теоретическое, а выведено на Востокѣ изъ практики, въ наше время уже тысячелѣтней.“

Авторъ забылъ или, вѣроятно, умышленно не захотѣлъ прибавить къ этому, что такого рода послушаніе было доведено до высшей степени совершенства въ извѣстномъ орденѣ, который былъ учрежденъ Игнатіемъ Лойоллою и въ которомъ послушаніе доходило до того, что низшій членъ становился просто бездушнымъ „трупомъ“ и безжизненной палкой въ рукахъ высшаго члена. Дѣйствительно, послушаніе можетъ привести къ свободѣ, но къ свободѣ своего рода, состоящей въ самоотреченіи, въ обезличеніи. Съ субъективной точки зрѣнія дѣйствительно можно не считать рабомъ того, кто рабствуетъ не по принужденію, не по страху, не по необходимости или по разсчету, а по внутреннему согласію, по свободному произволенію, изъ любви къ раболѣпству, изъ-за удовольствія, доставляемаго имъ. Мы терпимъ принужденія, насилія, стѣсненія, оскорбленія личности и униженія человѣческаго достоинства единственно только потому, что мы горды, что мы слишкомъ высоко ставимъ свою личность, придаемъ первенствующее значеніе своимъ мнѣніямъ и своимъ желаніямъ. Но если мы смиримся, признаемъ, что мы—послѣдній червь въ мірѣ, откажемся отъ своей личности, словомъ „умремъ“ нравственно въ смыслѣ эпиграфа романа, то этимъ облечемъ свою личность въ такую крѣпкую броню, одѣнемъ ее такимъ мѣднымъ лбомъ, котораго не пробьютъ

никакія насилія, сквозь который не дойдутъ до насъ никакія оскорбленія и униженія нашего личнаго достоинства.

И въ самомъ дѣлѣ, можно-ли сдѣлать насиліе волѣ того человѣка, который отказался отъ своей воли, можно-ли оскорбить человѣческое достоинство у того человѣка, который не признаетъ въ себѣ этого достоинства, а, напротивъ, весь проникнутъ сознаніемъ собственнаго недостоинства? Эти вопросы равносильны такому вопросу: можно ли конфисковать имущество у человѣка, который самъ добровольно отдаетъ, съ удовольствіемъ жертвуетъ его? Вы держитесь извѣстныхъ убѣжденій, но васъ заставляютъ измѣнить ихъ или принять другія. Если вы человѣкъ гордый, то протестуете, сопротивляетесь, спорите, безпокоитесь, выходите изъ себя, подвергаете себя непріятностямъ, словомъ—вы несчастный человѣкъ. Если вы смиренны и послушны, то вы сейчасъ сознаете, что вашъ слабый умъ способенъ заблуждаться и дѣйствительно заблуждается и потому не колеблясь отрекаетесь отъ своихъ убѣжденій и принимаете чужія безъ всякихъ неудовольствій и непріятностей. Или вы желаете и любите читать „Голосъ“, а вамъ суютъ и заставляютъ читать „Новое Время“. Если вы человѣкъ гордый и непокорный, то ваша непокорность не принесетъ вамъ ничего, кромѣ непріятностей; своего вы не добьетесь, а только будете мучить себя неудовольствіемъ. Если же вы человѣкъ смирный, то сразу отказываетесь отъ своихъ личныхъ вкусовъ, съ удовольствіемъ измѣняете вашему любимцу „Голосу“ и читаете прежде ненавистное вамъ „Новое Время“ съ такимъ же наслажденіемъ, съ какимъ нѣкогда упивались „Голосомъ“,—и вы счастливы вслѣдствіе вашей покорности. Эту же мысль выражаютъ русскія пословицы: „ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ“, „у кого спина гнется, тотъ всего добьется“, и другія, а также извѣстная басня: „Дубъ и трость“.

Проведите этотъ принципъ по всѣмъ сферамъ жизни, по всѣмъ видамъ и отраслямъ человѣческихъ отношеній и вы станете счастливымъ человѣкомъ, неуязвимымъ ни для какихъ несправедливостей, обидъ и притѣсненій. Вообразите, что кто-нибудь хватилъ васъ кулакомъ. Если вы человѣкъ гордый и безъ самоотреченія, то вы или дадите сдачи и затѣете цѣлую драку, или же начнете искъ за оскорбленіе

дѣйствіемъ и тѣмъ подвергнете себя всѣмъ непріятнымъ судебнымъ мытарствамъ, которыя скорѣе и сильнѣе измучатъ васъ, чѣмъ вашего обидчика, котораго судъ можетъ оправдать, а если и присудитъ, то къ какому-нибудь незначительному штрафу, такъ что оскорбленіе ваше еще болѣе усугубляется. Человѣкъ же смиренный, когда его хватятъ кулакомъ, поступитъ совершенно иначе: онъ схватитъ руку обидчика, съ жаромъ облобызаетъ ее и скажетъ ему: „другъ, что ты такъ снисходителенъ ко мнѣ, ударилъ меня такъ слабо и то только одинъ разъ; ударь меня еще разъ и притомъ посильнѣй; если я и не виноватъ передъ тобою, то навѣрное виноватъ передъ кѣмъ-нибудь другимъ, можетъ быть, я самъ кого-нибудь обидѣлъ; а если я не виноватъ, то виноватъ кто-нибудь изъ моихъ родныхъ; поэтому бей меня, сколько хочешь, и я всякіе побои перенесу охотно, потому что я помню заповѣдь моего старца, что каждый единый изъ насъ виновенъ за всѣхъ и за вся, за всѣхъ людей и за всякаго человѣка на сей землѣ“. Вотъ это самое и есть то, что на реторическомъ языкѣ называется „лобызать карающую десницу“. Если васъ заключили въ темницу, хотя бы даже безвинно, то вы должны воспѣть гимнъ темницѣ; если васъ заковали въ кандалы, то вы должны любовно лобызать эти кандалы и т. д. По этому пути самоотреченія и терпѣнія можно дойти до того, что все дурное и непріятное будетъ казаться райскою прелестью, подобно тому, какъ титулярный совѣтникъ Поприщинъ, когда сторожа сумасшедшаго дома лупили его по спинѣ палками, воображалъ, что это рыцарскій обычай при возведеніи его въ высокое званіе испанскаго короля.

Для насъ, русскихъ, такое самоотреченіе и умерщвленіе своей личности тѣмъ удобнѣе и легче, что оно составляетъ, по ученію славянофиловъ, характеристическую черту нашего національнаго духа, которая непонятна иностранцамъ, глупо и въ недоумѣніи разѣвающимъ ротъ всякій разъ, когда имъ случается видѣть, какъ любовно и долготерпѣливо мы переносимъ всякія невзгоды и удары судьбы и съ какимъ усердіемъ лобызаемъ руки, дающія намъ затрещины, и кары, которыя мы съ удовольствіемъ переносимъ за всѣхъ и за вся (см. у г. Аксакова анекдотъ о Достоевскомъ и

стихи самого г. Аксакова). Эта національная черта стерлась только немного у нашей интеллигенціи. Вслѣдствіе этого сама интеллигенція и очутилась въ настоящемъ горькомъ и безвыходномъ положеніи, изъ котораго, впрочемъ, есть для нея только одинъ выходъ, возвращеніе къ почвѣ, къ народу и усвоеніе нашей національной добродѣтели.

Для того, чтобы соблазнить насъ къ этому возвращенію, Достоевскій не ограничился одними только отвлеченными поученіями старца Зосимы, но еще воплотилъ нашу національную добродѣтель безропотнаго терпѣнія и покорности въ увлекательномъ образѣ Мити Карамазова. Бездушные, слѣпые крючкотворы мірского суда, при помощи ничего несмыслящихъ мужичковъ-присяжныхъ, осудили ни въ чемъ неповиннаго, добродѣтельнаго Митю и подвергли его ужасному незаслуженному наказанію. Другой на его мѣстѣ надрывался бы отъ негодованія, злобы и досады, накопилъ бы въ себѣ столько горькихъ чувствъ ненависти, мести и озлобленія, что они отравили бы все его существованіе и мучили бы его всю жизнь. Митя же покорно и спокойно принялъ несправедливое осужденіе и наказаніе; онъ счелъ его даже урокомъ и благодѣяніемъ для себя; онъ увѣрилъ себя, что онъ долженъ невинно пострадать для искупленія еще болѣе невинныхъ страданій „дите", и потому въ наказаніе онъ воспѣлъ гимнъ, и чувствовалъ себя столь счастливымъ, какъ никогда въ жизни. Вотъ идеалъ и высокій образецъ для подражанія! И не даромъ отецъ Зосима поклонился ему въ ноги...*).

* * *

**) Величайшее произведеніе Достоевскаго на мой взглядъ, — это „Братья Карамазовы". Думаю, что настоящая оцѣнка и полное пониманіе этого романа невозможны для критика, незнакомаго съ психіатріей. Исчерпать весь психіатрическій матеріалъ, заключенный въ этомъ произведеніи, можетъ только

*) Разборъ настоящей критики см. въ „Мысли" 1881 г., № 4: „Г. Антоновичъ о *Братьяхъ Карамазовыхъ*" Л. О. (Оболенскаго).

Примѣч. В. Зелинскаго.

**) В. Чижъ. „Достоевскій какъ психопатологъ". „Русскій Вѣстникъ 1884 г. и отдѣльное изданіе М. 1885 г.

весьма талантливый психіатръ; пока же нужно только удивляться глубокой проницательности творца этого романа. „Братья Карамазовы“, это эпопея психически-больной семьи, семьи съ чертами психическаго вырожденія. За такую широкую задачу не брался еще ни одинъ художникъ. Донъ-Кихотъ, это эпопея только одного душевно-больного; въ *Братьяхъ Карамазовыхъ* фигурируетъ цѣлая патологическая семья. На глазахъ читателя рождаются, растутъ, живутъ, мыслятъ, чувствуютъ какъ психопаты, и наконецъ, подчиняясь неизбѣжнымъ законамъ природы, или сходятъ съ ума окончательно или кончаютъ преступленіями (воровство, покушеніе на убійство, самоубійство, убійство). Такой полной и правдивой картины происхожденія, развитія и дѣятельности цѣлой семьи, органически связанной общимъ расположеніемъ къ помѣшательству, положительно нѣтъ ни въ одной литературѣ. Прекрасно обрисовано отношеніе общества къ такой семьѣ, какъ вліяла эта семья на окружающихъ и наоборотъ.

Въ романѣ невольно обращаетъ на себя вниманіе масса необыкновенно точно нарисованныхъ картинъ. Укажу для примѣра на описаніе экспертизы психическаго состоянія Дмитрія Карамазова. Хотя Достоевскій здѣсь выставилъ врачей въ преувеличенно-глупомъ видѣ, но въ сущности все изображено весьма вѣрно, и стоитъ вникнуть въ эти страницы, чтобы понять, почему психіатрическая экспертиза на судѣ такъ часто оказывается нелѣпою.

Преступленіе, въ которомъ обвинялся Дмитрій Карамазовъ, поражаетъ своею странностью, является подозрѣніе въ нормальности его умственныхъ способностей; и вотъ близкіе къ нему люди и судъ хотятъ его освидѣтельствовать. Являются три эксперта: Герценштубе, московскій докторъ и Варвинскій; это типы нашихъ экспертовъ, по крайней мѣрѣ въ провинціи. Первый изъ нихъ — почтенный заслуженный врачъ, но, къ сожалѣнію, не имѣющій никакихъ свѣдѣній по психіатріи; то, что спрашивать мнѣніе человѣка въ данномъ вопросѣ совсѣмъ не компетентнаго — нелѣпо, не пришло никому въ голову: вѣдь онъ врачъ, такъ разсуждаетъ публика въ такихъ случаяхъ, слѣдовательно долженъ знать все. Однако, какъ умный человѣкъ и опытный врачъ, онъ чув-

ствовалъ, что Дмитрій Карамазовъ психопатъ, но, конечно, не могъ доказать своего мнѣнія; естественно, что его доводы не могли убѣдить присяжныхъ. Другой экспертъ, Варвинскій, это только-что окончившій блистательно курсъ, съ чистымъ сердцемъ ограниченнаго человѣка, не допускающаго ничего для себя неизвѣстнаго: вѣдь онъ только-что получилъ хорошія отмѣтки на экзаменахъ, значитъ — онъ знаетъ все; то, что не подходитъ почему-либо подъ тѣ шаблоны, которые онъ составилъ себѣ на школьной скамьѣ, для него или не болѣзнь (притворство, глупость и т. п.), или достояніе науки, то-есть никому еще неизвѣстное, потому что (такова обычная логика ограниченныхъ людей) неизвѣстно ему. Такъ онъ разсуждалъ и, наблюдая припадки Смердякова, проглядѣлъ, что тотъ притворяется. Такихъ ограниченныхъ людей, слѣпо вѣрящихъ въ плохо понятые, но хорошо заученные ими учебники, не знающихъ, что нужно учиться у природы, нашего лучшаго и единственнаго учителя,—очень много; но едва-ли не опаснѣе всего такіе люди, въ качествѣ врача, а тѣмъ болѣе психіатра. Хуже всего, что такіе люди никогда ни въ чемъ не сомнѣваются: все для нихъ очень ясно и просто; а гдѣ же больше всего нужно критическаго отношенія, способности разсматривать предметъ со всѣхъ сторонъ, осторожности въ сужденіяхъ, какъ въ дѣятельности врача, имѣющаго дѣло съ безконечно измѣнчивою, такъ мало изученною природой человѣка, причемъ всякая ошибка можетъ имѣть роковыя послѣдствія. Такому-ли, ничего не смыслящему въ психопатологіи, неспособному къ самостоятельному мышленію врачу быть экспертомъ въ такомъ сложномъ дѣлѣ! Московская знаменитость, это, какъ видно, съ ограниченными познаніями ловкій аферистъ, извлекающій изъ своей знаменитости, вѣроятно добытой больше нахальствомъ (за недостаткомъ образованныхъ психіатровъ, знаменитость пріобрѣсть, какъ извѣстно, весьма не трудно), возможно большое количество рублей. Такъ онъ не ограничился приличнымъ кушемъ, полученнымъ за экспертизу Дмитрія Карамазова, а захотѣлъ еще собрать дань своей знаменитости въ этомъ городѣ, для чего не постыдился дурно отзываться о мѣстныхъ эскулапахъ. Послѣдствіемъ его жадности къ деньгамъ было то, что онъ не успѣлъ изучить дѣла, ограничился

лишь нѣсколькими короткими свиданіями съ Дмитріемъ, но за то собралъ побольше денегъ.

Естественно, что такіе эксперты не могли дать разумнаго заключенія, тѣмъ болѣе, что предметъ, предложенный на ихъ разсмотрѣніе, былъ крайне труденъ. Ни одинъ изъ экспертовъ не изучилъ объекта экспертизы, и кромѣ того между экспертами появились личные счеты и желаніе подкузьмить другъ друга; обычное явленіе! И вотъ эксперты даютъ рѣшительно ни на чемъ не основанныя заключенія, выхватываютъ единичный фактъ (какъ вошелъ въ залу суда засѣданія и куда смотрѣлъ Дмитрій), объясняютъ его каждый по своему, нарушая такимъ образомъ основное правило психіатріи, что нужно разсматривать всѣ явленія въ связи ихъ между собой и только анализомъ цѣлой суммы, сопоставленіемъ ихъ между собой, можно приходить къ какому-нибудь заключенію. Профаны обыкновенно выхватываютъ какое-нибудь отдѣльное явленіе, почему-либо болѣе всего ихъ поразившее, и на немъ основываютъ свое сужденіе, такъ какъ такой путь и легче и покойнѣе. Но какъ же можно, пользуясь этимъ методомъ, судить о душевной дѣятельности, гдѣ все между собой неразрывно связано! Вѣдь и больной можетъ поступать, какъ здоровый, также какъ при нѣкоторыхъ условіяхъ и наоборотъ. Впрочемъ, разъяснять дальше это положеніе было бы излишне; довольно сказать, что разумный психіатръ долженъ найти общую подкладку для группы наблюдаемыхъ явленій, какъ и всякій мыслящій человѣкъ. Нечего удивляться, что присяжные и не обратили вниманія на экспертизу, какъ часто они это и дѣлаютъ. Больше виноваты тѣ, что не умѣютъ убѣдить и внушить уваженіе къ своимъ познаніямъ. Въ данномъ примѣрѣ мы имѣемъ хорошее объясненіе, почему экспертиза такъ нерѣдко бываетъ нелѣпа. Причины эти: во-первыхъ, трудность самаго предмета; во-вторыхъ, некомпетентность экспертовъ; въ-третьихъ, незнакомство экспертовъ съ испытуемымъ; въ-четвертыхъ, личные счеты между экспертами. Вотъ причины, мѣшающія вообще судебно-психіатрической экспертизѣ стоять на высотѣ положенія. Какъ устранить вредныя послѣдствія трехъ послѣднихъ причинъ, понятно всякому, и уже въ практику входитъ, мало-по-малу, приглашать экспертами дѣйствительно спеціалистовъ, такъ же какъ

и подвергать обвиняемыхъ, заподозрѣнныхъ въ разстройствѣ умственныхъ способностей, испытанію въ больницахъ, гдѣ возможно изученіе ихъ состоянія. Камнемъ преткновенія остается трудность предмета экспертизы. Всегда будутъ случаи, въ которыхъ крайне трудно, почти невозможно составить правильное сужденіе. Какъ бы ни расширялись наши знанія, природа всегда будетъ давать загадки человѣческому уму; всегда будутъ случаи, гдѣ врачъ не будетъ въ силахъ оріентироваться, не найдетъ рѣзкихъ, опредѣленныхъ признаковъ для подведенія явленія подъ ту или другую категорію. Въ природѣ нѣтъ рѣзкихъ границъ, всюду разлита постепенность, и вотъ эти-то переходныя формы и ставятъ въ тупикъ изслѣдователя. Но экспертъ въ такихъ случаяхъ не долженъ давать категорическихъ заключеній: если нѣтъ на лицо вѣрныхъ признаковъ, то онъ долженъ сказать, что онъ подмѣтилъ только вѣроятные; если нѣтъ даже и такихъ, то пусть отвѣтитъ, что признаки сомнительные. Не его вина, что умъ не всегда можетъ разъяснить тайны природы. Только наивные люди могутъ ставить въ вину врачамъ, что они необходимо должны ошибаться, и поэтому говорятъ, что врачей нужно избѣгать. Такое разсужденіе, столь же разумно, какъ и то, что нужно уничтожить суды потому, что они ошибаются; а ошибаются они такъ часто, что существуетъ цѣлое учрежденіе для корректированія ихъ ошибокъ. Чѣмъ виноваты врачи, что часто ихъ ошибки бываютъ непоправимы? И если для судей нуженъ кассаціонный институтъ, несмотря на то, что они должны руководиться маленькимъ томикомъ законовъ, сколько же должно быть ошибокъ у врачей, если громадные томы медицинскихъ сочиненій заключаютъ въ себѣ только ничтожную часть того, что подлежитъ ихъ изученію? Не говорю уже о томъ, что судьѣ труднѣе ошибиться, даже благодаря внѣшнимъ условіямъ его дѣятельности (возможности заранѣе подготовиться и т. п.). И такъ, Достоевскій указалъ, что нужно для правильной постановки экспертизы. Само собой разумѣется, прежде всего нужно, чтобъ юристы и публика понимали, чего можно и чего нельзя требовать отъ экспертовъ, ибо въ концѣ концовъ чѣмъ же виноваты врачи, если ихъ заставляютъ говорить о томъ, чего они не знаютъ, или не даютъ имъ даже возможности хоть сколько-нибудь изучить объектъ экспертизы.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА РОМАНА КАЖДОЕ ВЪ ОТДѢЛЬНОСТИ.

Ѳеодоръ Павловичъ Карамазовъ.

*) У Карамазова-отца нѣтъ никакого элемента въ душевной жизни, который бы его сдерживалъ отъ его позорной жизни и преступленій. Онъ никого не любилъ, забитый, униженный жизнію приживальщика и шута, и видѣвшій счастіе только въ томъ, чтобы, наживъ капиталъ, дѣлать шутами другихъ. Мы уже упоминали объ этой чертѣ людей униженныхъ—видѣть въ капиталѣ спасеніе отъ былыхъ униженій.

Одно существо, которое онъ полюбилъ, былъ Алексѣй: только онъ понимаетъ его, прощаетъ и только съ нимъ онъ чувствуетъ себя хотя немного человѣкомъ и становится лучше на мгновенье. Но онъ ужъ черезчуръ старъ, чтобы исправиться, а раньше ему никто не указалъ на то спасительное средство,—любовь, которое есть у Алеши. И онъ погибъ и много другихъ погубилъ. Окружающая среда и самые представители религіи, насколько они ему были извѣстны, возбуждали только его невѣріе да раздраженіе. Такова сцена въ кельѣ у настоятеля, который хотѣлъ накормить гостей дорогимъ обѣдомъ. Ѳеодоръ Карамазовъ чувствуетъ, что эти люди проводятъ въ жизни тотъ-же принципъ „сладкаго", и онъ торжествуетъ, онъ видитъ въ нихъ себя самого, только въ меньшемъ размѣрѣ, но онъ себѣ даже кажется лучше, потому что онъ, вѣдь, не монахъ.

* * *

**) Ѳеодоръ Павловичъ былъ не только безбожникомъ и сребролюбцемъ, какъ Ракитинъ, но еще ужаснымъ сладо-

---

*) Л. О. (Оболенскій) „Мысль" 1881 г., № 2.

**) М. Антоновичъ. „Мистико-аскетическій романъ". „Новое Обозрѣніе" 1881 года, № 3.

страстникомъ и блудодѣемъ. Единственною цѣлью, идеаломъ и задачей его жизни было блудодѣйство; онъ мечталъ и жаждалъ какъ можно дольше прожить и все это для того, чтобы какъ можно дольше блудодѣйствовать. И кромѣ того, онъ былъ циниченъ до пошлости, до отвратительности. Вообразите такую сцену: этотъ отецъ, старый блудодѣй, даетъ своимъ дѣтямъ и въ томъ числѣ Алешѣ, идеалу цѣломудрія и дѣвственной стыдливости, такое нравоученіе: „я, говоритъ онъ сыну Ивану, покажу тебѣ въ деревнѣ одну дѣвчонку, которую давно насмотрѣлъ; хотя она босоножка, но не пугайся босоножекъ, не презирай—перлы...“

Обращаясь къ Алешѣ, онъ съ такимъ же безстыднымъ цинизмомъ начинаетъ вспоминать о его покойной матери и разсказывать, какъ онъ побѣждалъ и увлекалъ ее своими блудодѣйственными приставаніями. Бѣдный юноша, благоговѣйно любившій свою мать и хранившій о ней святое воспоминаніе, не выдержалъ: съ нимъ сдѣлался истерическій припадокъ. Эта картина, хоть, можетъ быть, она и очень реалистична, но производитъ гадкое впечатлѣніе.

Вотъ до какой гадости и скотоподобія можетъ унизиться человѣкъ, потерявшій въ сердцѣ своемъ искру Божію и утратившій вѣру, и унизиться именно вслѣдствіе этой утраты! Карамазовъ-отецъ — безбожникъ и раздѣляетъ убѣжденія діаметрально противоположныя міровоззрѣнію своего автора, который поэтому такъ и безпощаденъ къ нему. Отецъ спрашиваетъ у сыновей, есть ли Богъ и безсмертіе; Алеша утверждаетъ, что есть, а Иванъ полушутя, полусерьезно говоритъ, что нѣтъ. Отецъ рѣшаетъ, что Иванъ правъ, и пускается въ вольнодумную философію, начинаетъ либеральничать на счетъ монастырей и монаховъ. Онъ въ монастырѣ сдѣлалъ сцену, обидѣлъ игумена и братію и, намекая на это, говоритъ Алешѣ: „Вѣдь, коли Богъ есть, существуетъ, — ну, конечно, я тогда виноватъ и отвѣчу, а коли нѣтъ Его вовсе — то такъ ли ихъ еще надо, твоихъ отцовъ-то? Вѣдь съ нихъ мало тогда головы срѣзать, потому что они развитіе задерживаютъ.“ У него даже явилась мысль, свойственная многимъ либераламъ, — вовсе упразднить монастыри. „Взять бы, говоритъ онъ, всю эту мистику да разомъ по всей русской землѣ и упразднить, чтобы окончательно всѣхъ дура-

ковъ обрезонить. А серебра-то, золота сколько бы на монетный дворъ поступило.“ Впрочемъ, когда Иванъ пугнулъ отца, что при ограбленіи и упраздненіи монастырей также ограбятъ и упразднятъ его самого, то онъ струсилъ и примирился съ существованіемъ монастырей. Но Богъ и безсмертіе все-таки очень его смущали. „Господи, философствуетъ онъ, подумаешь только о томъ, сколько отдалъ человѣкъ вѣры, сколько всякихъ силъ даромъ на эту мечту, и это столько ужъ тысячъ лѣтъ! Кто же это такъ смѣется надъ человѣкомъ?“

Существовала на свѣтѣ дѣвка, Лизавета Смердящая, безобразная, грубая, грязная, совершенная идіотка, почти безъ дара слова; она скиталась безъ всякаго пристанища, зимою и лѣтомъ ходила босая и въ одной посконной рубашкѣ, и все существо ея было пропитано грязью и зловоніемъ; словомъ, это было животное, да даже, пожалуй, хуже животнаго. Однако же, Карамазовъ-отецъ, вѣрный своей теоріи, что во всякой женщинѣ непремѣнно есть нѣчто женское, не погнушался даже Лизаветой Смердящей, находилъ, что „тутъ даже нѣчто особаго рода пикантное“, и сотворилъ блудъ съ нею; она зачала и родила сына, котораго поэтому назвали Смердяковымъ. Карамазовъ-отецъ взялъ его на воспитаніе, выростилъ и сдѣлалъ его своимъ слугою.

Дмитрій Карамазовъ.

*) Дмитрій, по словамъ г. Оболенскаго, увѣровалъ въ то-же начало, что и Алеша, отчасти благодаря послѣднему, „отчасти благодаря удивленію передъ собственной душой и чувствами. Болѣе всего, конечно, его заставляетъ увѣровать фактъ съ Катериной Ивановной, т. е. отдача ей пяти тысячъ. Ничто такъ не поразило его во всю его жизнь. Вѣдь онъ хорошо зналъ, какъ онъ сладострастенъ,—онъ, быть можетъ, не пропускалъ ни одного урода въ юбкѣ, какъ его отецъ, и вотъ красавица-дѣвушка, аристократка, приходитъ къ нему, и онъ, потрясенный чѣмъ-то, совершилъ такой, по его мнѣнію, необыкновенный подвигъ, который на всю жизнь по-

*) „Мысль“ 1881 г., № 2.

трясъ его воображеніе. Онъ его бережетъ, какъ святыню и какъ о святынѣ разказываетъ о немъ Алешѣ въ уединенномъ садикѣ, таинственно, въ страшномъ волненіи. „Кто могъ меня толкнуть на такой подвигъ? долженъ былъ разсуждать онъ: кто, какъ не таинственная могучая сила, живущая во мнѣ и совершенно не имѣющая ничего общаго съ моими остальными привычками, желаніями, страстями, подлостями?“

Но у него ужъ это таинственное начало осложнилось весьма различно отъ алешинаго. Алеша все прощаетъ, — и его „начало“ кажется ему всепрощающимъ. Дмитрій, наоборотъ, натура воинственная, боевая, — и его мистицизмъ принимаетъ тотчасъ не только воинственную форму, но и форму, жаждущую самоистязаній, пытокъ. Кромѣ характера тутъ играли роль и обстоятельства его жизни: присужденный невинно къ каторгѣ, онъ пораженъ цѣпью событій, приведшихъ его къ роковому концу. Онъ видитъ въ этомъ кару за другіе свои грѣхи. Быть можетъ, даже совпаденіе цифръ, а именно 4,500 р., данныхъ имъ Катеринѣ Ивановнѣ, и другихъ 4,500 р., которые его теперь привели къ каторгѣ, въ соединеніи съ поразительной связностью явленій, носящей на языкѣ науки названіе закона, приводятъ его даже къ идеѣ, что въ мірѣ люди тѣсно связаны и каждый виноватъ въ грѣхахъ всего міра; надо искупить этотъ грѣхъ - мученіемъ, подъ землей, въ каторгѣ. И вотъ онъ даже задумывается: слѣдуетъ ли ему бѣжать? Не лучше ли пострадать? Но воинствующее начало его мистицизма сказывается и въ раздраженіи противъ Ракитина, который въ тюрьмѣ ему сказалъ, что души нѣтъ, а есть только нервныя клѣтки съ хвостиками, о чемъ будто бы учитъ Клодъ-Бернаръ. Онъ начинаетъ хохотать, какъ сумасшедшій, а въ тоже время ненавидѣть Ракитина. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же ему не ненавидѣть? Все, чѣмъ Дмитрій гордится, въ чемъ видитъ доказательство своей нравственной высоты, все, что заставляетъ его еще не пасть окончательно отъ полнаго самопрезрѣнія, все, что заставляетъ его еще вѣрить въ себя, въ свое нравственное воскресеніе,—это все заключается въ фактѣ съ Катериной Ивановной—и вотъ вдругъ ему говорятъ, что онъ, Дмитрій, напрасно придаетъ этому факту значеніе,

напрасно приписываетъ это себѣ: это все сдѣлали нервныя клѣтки съ хвостиками! Пока Дмитрій думаетъ, что это сдѣлала его душа, какая-то особенная душа, хорошая, а главное его собственная и неизвѣстная, до тѣхъ поръ этотъ фактъ составляетъ его гордость, его надежду, нѣкоторый источникъ собственнаго, тайнаго обоготворенія, ибо онъ видитъ въ себѣ частицу божества, сказавшагося въ этомъ фактѣ. И вдругъ: нервныя клѣтки съ хвостиками! Клѣтки, которыя могутъ быть не только у него, Дмитрія, но и у любой собаки! Онъ именно на это и напираетъ, сообщая объ этомъ фактѣ Алешѣ съ хохотомъ, съ проклятіями на Клодовъ Бернаровъ, и вообще на „Бернаровъ". Бернары — это для него семинаристы Ракитины, люди, замѣнившіе его божественную душу клѣточками, изверги и негодяи безсердечные, отнимающіе у него не только душу, но вмѣстѣ съ нею и вѣру въ себя, и гордость собой и своимъ подвигомъ, единственнымъ свѣтлымъ моментомъ въ его жизни. Среди тяжелаго ожиданія приговора на каторгу, сидя въ тюрьмѣ, онъ только и жилъ этой вѣрой въ свою душу: „Пусть я пострадаю, думаетъ онъ, но тамъ, подъ землей, я очищу страданіемъ мою душу; съ нея спадетъ кора пороковъ и душа моя будетъ всегда, постоянно та самая, какая была въ тотъ высокій единственный моментъ въ моей жизни! Всегда!" Но онъ помнитъ, какъ онъ былъ высоко счастливъ въ тотъ моментъ, какъ онъ цѣловалъ шпагу и рыдалъ отъ счастья. И если его душа будетъ всегда такой, всегда, ежеминутно полна такимъ счастьемъ, какъ въ тотъ моментъ, то вотъ и есть рай на землѣ, вѣчное, постоянное блаженство, хотя бы и въ рудникахъ, подъ землей, со скованными руками. Эти-то ожиданія райскаго состоянія даже тамъ подъ землей, если только душа его очистится, и заставляютъ Дмитрія даже пострадать невинно, отказываться отъ побѣга, устраиваемаго братомъ Иваномъ. И всѣ эти мечты, эту надежду на существованіе рая на землѣ и даже подъ землею въ рудникахъ, разбиваетъ какой-то Ракитинъ, какіе-то „Бернары", какъ грозно вопитъ Дмитрій...

Мы видѣли, что Дмитрій, невѣжественный и озлобленный, началъ свою карьеру мистика именно съ совсѣмъ обратнаго тому, что проповѣдывалъ Зосима: онъ началъ войну, хотя и словесную съ Ракитинымъ и естественными науками,

которыя для него слились въ одно, подъ именемъ „Бернаровъ“. Дайте теперь этому человѣку силу и власть, и онъ начнетъ съ того, что запретитъ въ школахъ естественныя науки, а естествоиспытателей и ученыхъ пошлетъ очищать свою душу въ рудники. Извольте растолковать такому воинствующему фанатику, что Ракитиныхъ создаютъ не Клоды Бернары, что тотъ-же самый купецъ, который ограбилъ старика-полковника, отца Катерины Ивановны, тотъ-же самый кулакъ содержатель постоялаго двора, который грабитъ Дмитрія и на него показываетъ, все это тѣ-же Ракитины, и той же забитостью чувствъ порожденные, ибо купца забили еще въ лавкѣ мальчишкой, а кулака, когда былъ крѣпостнымъ. При чемъ тутъ „Бернары?“ Тутъ розги, а не Бернары, тутъ омозоленные нервы, притупленная чувствительность. Но Дмитрій этого не въ силахъ понять и едва ли было бы не лучше для общества, еслибы онъ кромѣ мистицизма еще поучился и наукамъ. Но намъ ясно одно, что мораль этого типа слѣдующая: мистицизмъ въ добрыхъ и любящихъ натурахъ хорошъ и безъ знаній, и безъ особеннаго развитія, но въ натурахъ грубыхъ и воинствующихъ онъ можетъ привести къ фанатическому преслѣдованію противорѣчій, къ ученію о необходимости самоистязаній, пожалуй, костровъ, сперва для себя, и потомъ отчего же и не для другихъ, чтобы дать имъ блаженство?

Итакъ, вотъ новое измѣненіе мистическаго начала, сообразное характеру лица: Дмитрій, какъ и дикари антропофаги, считаетъ свое мистическое начало требующимъ жертвъ, цѣпей, пожалуй, крови. Спенсеръ приписалъ бы это „переживанію“ архаическаго „бога-людоѣда“, но нашъ великій романистъ намъ показываетъ, какъ понятіе о богѣ-людоѣдѣ можетъ развиться чисто психически подъ вліяніемъ характера и обстоятельствъ жизни.

Кстати, одинъ критикъ вообразилъ, что Достоевскій всѣмъ совѣтуетъ такія самоистязанія и видитъ въ нихъ идеалъ. Онъ пропустилъ мимо ушей всѣ поученія Зосимы (явнаго идеала Достоевскаго), который проповѣдывалъ, что жизнь есть радость, что Богъ есть счастье и что тотъ самый угодный Богу праведникъ, кто достигъ счастья.

*
* *

*) Это былъ человѣкъ нрава буйнаго и неукротимаго, кутила, безобразникъ и дебоширъ, отличался вѣроятно унаслѣдованнымъ отъ отца сладострастіемъ и склонностью къ блуду. Но при всемъ томъ это былъ человѣкъ вѣрующій, имѣвшій въ сердцѣ Бога и совѣсть, и потому любившій и уважавшій Алешу, откровенно каявшійся передъ нимъ во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ и сгоравшій желаніемъ исправиться и начать новую, вполнѣ богобоязненную и благочестивую жизнь. Онъ былъ страстно влюбленъ въ Грушеньку, которая имѣла поразительное сходство съ нимъ въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ несмотря на свое блудное сожительство съ купцомъ Самсоновымъ, она все-таки была женщина вѣрующая, имѣла въ сердцѣ Бога и совѣсть, любила и почитала Алешу и старца Зосиму, каялась въ своихъ согрѣшеніяхъ и желала исправленія. Первоначально она была влюблена—странно сказать—въ поляка, пана Муссяловича, который въ изображеніи его авторомъ очень напоминаетъ пана Копычинскаго въ „*Юріи Милославскомъ*"; и этотъ представленъ такимъ же глупымъ, пошлымъ и трусливымъ, какимъ изображенъ у Загоскина тотъ. Сопоставивъ пана Муссяловича съ Митей Карамазовымъ, Грушенька сразу почувствовала презрѣніе къ негодному полячку, отдала предпочтеніе Митѣ и любила его всецѣло и безраздѣльно до самаго конца романа.

Этому Митѣ Карамазову посвящена большая часть романа, такъ что его можно считать главнымъ героемъ. Несмотря на дебоширство, сладострастіе, не смотря на то, что и онъ тоже не кончилъ гимназіи, Митя былъ замѣчательнымъ религіознымъ философомъ и мистикомъ, и многія его сужденія буквально были согласны съ поученіями старца Зосимы, хотя изъ романа не видно, чтобы онъ слышалъ или читалъ ихъ. Большею частью онъ изливалъ свою душу и дѣлалъ откровенія передъ Алешей, и эти изліянія были до того безпорядочны и дики, до того бурны и энтузіастичны, что авторъ заставлялъ его въ это время попивать коньячокъ,

*) М. Антоновичъ. „Мистико-аскетическій романъ". „Новое обозрѣніе" 1881 г., № 3.

чтобы изліянія казались естественнѣе. Онъ говоритъ о себѣ, что какъ бы ни палъ онъ глубоко и позорно, но въ немъ все-таки сохранится искра Божія, и самое паденіе послужитъ для возстанія.

У Мити была невѣста Катерина Ивановна, однажды вручившая ему для отсылки кому-то 3 тысячи рублей, которыя онъ утаилъ и растратилъ. Затѣмъ онъ измѣнилъ невѣстѣ для Грушеньки; но онъ не хотѣлъ остаться подлецомъ передъ невѣстой и рѣшилъ, во что бы то ни стало, достать гдѣ-нибудь 3 тысячи и возвратить ей. Но не смотря на всѣ поиски и попытки, онъ нигдѣ не досталъ денегъ; и къ этому горю его прибавилось другое: Грушенька отправилась къ своему прежнему возлюбленному, пану Муссяловичу. Митей овладѣло отчаяніе, и онъ рѣшилъ покончить съ собой; но предварительно онъ хотѣлъ послѣдній разъ свидѣться съ Грушенькой. При этомъ свиданіи оказалось, что она вовсе не любитъ Муссяловича и даже презираетъ его, а всей душой предана Митѣ, который до того этому обрадовался, что бросилъ мысль о самоубійствѣ и сталъ мечтать о счастливой и добродѣтельной жизни съ Грушенькой. Но одно неожиданное обстоятельство разрушило въ конецъ его мечты.

Какъ разъ въ самый вечеръ счастливаго свиданія Мити съ Грушенькой былъ убитъ отецъ Карамазовъ, и авторъ такъ ловко придумалъ всѣ обстоятельства убійства, что подозрѣніе въ убійствѣ пало на Митю, совершенно невиннаго. Митя былъ арестованъ и преданъ суду.—Здѣсь-то и обнаружилось все величіе души Мити, вся глубина его вѣры и преданности Промыслу. Для славы Божіей и для искупленія своихъ прежнихъ грѣховъ, онъ рѣшился пострадать безвинно. Кромѣ того однажды онъ видѣлъ во снѣ страдающее дитя или „дите“, и съ тѣхъ поръ его постоянно мучила мысль, отчего, почему и для чего страдаетъ дите, и чѣмъ можетъ быть искуплено его страданіе. Вотъ теперь онъ рѣшилъ кстати за одно пострадать и для искупленія страданій этого дите.—Представлялось здѣсь ему нѣсколько искушеній, но онъ устоялъ передъ ними. Къ нему въ тюрьму повадился ходить Ракитинъ, семинаристъ-безбожникъ, чтобы выпрашивать у него денегъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы поколебать его вѣру и совратить въ безбожіе,—и съ этою цѣлью тол-

ковалъ ему, что душа и весь духовный міръ—это одна химія и нервные хвостики, въ подтвержденіе чего ссылался почему-то па авторитетъ Клодъ Бернара, совершенно неизвѣстнаго какъ Митѣ, такъ, вѣроятно, и его автору. Но дьявольскіе навѣты семинариста только временно смутили, а вовсе не поколебали Митю.—Затѣмъ братъ его, Иванъ Карамазовъ, предлагалъ ему для уклоненія отъ суда и наказанія бѣжать въ Америку; онъ-же отвергъ и это искушеніе... Рѣшеніе Мити безвинно пострадать съ тѣмъ, чтобы нравственно возродиться и искупить этимъ чужія страданія, на первый взглядъ можетъ показаться капризомъ, прихотью или болѣзненною фантазіей, а никакъ не общимъ моральнымъ принципомъ, имѣющимъ серьезную основу. Но на дѣлѣ оказывается, что это рѣшеніе есть настоящій моральный принципъ, что его серьезно и горячо проповѣдуетъ такой глубокій моралистъ, какъ старецъ Зосима въ своихъ поученіяхъ, сочиненныхъ, конечно, авторомъ романа, такъ что, значитъ, поступокъ Мити есть только конкретная иллюстрація или практическое осуществленіе теоретическаго правила о. Зосимы... Предварительное слѣдствіе и судъ надъ Митей описаны съ такою убійственною длиннотой и съ такими скучнѣйшими подробностями и размазываніями, что стоитъ большихъ усилій принудить себя прочитать заразъ, безъ пропусковъ и перескакиваній, всю эту тянущуюся на 16-ти печатныхъ листахъ канитель допросовъ и судебныхъ рѣчей, и притомъ искусственныхъ, дѣланныхъ, натянуто вычурныхъ, да еще приправленныхъ очень прозрачной и топорной ироніей романиста. Читать эти рѣчи—истинное наказаніе для читателей, избалованныхъ дѣльными, а иногда даже блестящими прокурорскими и адвокатскими рѣчами во всѣхъ выдающихся уголовныхъ дѣлахъ, дѣйствительныхъ, реальныхъ, а не сочиненныхъ фантазіей; и это наказаніе еще усиливается вслѣдствіе антилогической и безсмысленной пунктуаціи, заимствованной авторомъ отъ изданій Каткова.—Люди, судившіе Митю, занимались своими личными дѣлами и цѣлями. Одинъ желалъ показать свою слѣдственную проницательность; другой изъ кожи лѣзъ, чтобы проявить во всемъ блескѣ свои обвинительные таланты и тѣмъ доказать, что его не цѣнятъ, что его несправедливо обходятъ; третій хо-

тѣлъ блеснуть своимъ адвокатскимъ краснорѣчіемъ, вызвать въ публикѣ смѣшки или аплодисменты и т. д. Присяжными же были ничего не понимающіе мужички. Поэтому Митя достигъ своей цѣли; онъ былъ обвиненъ и ему представился прекрасный случай безвинно пострадать за „дите", за всѣхъ и за вся. Какъ онъ исполнилъ свой гимнъ на дѣлѣ, объ этомъ въ романѣ не говорится.

* * *

Такое страшное нравственное состояніе, какое выражается дѣйствующими лицами въ романѣ „Бѣсы", по словамъ г. Звѣрева, не можетъ долго длиться: оставаясь живымъ, не можетъ человѣкъ носить въ душѣ своей смерти. *) „То, что испытываетъ Ставрогинъ съ товарищами — большее, до чего можетъ дойти отрицаніе, ибо далѣе уже идти некуда.— Это начало конца, поворотный пунктъ. Дальше должно начаться попятное движеніе. Такое попятное движеніе Достоевскій изображаетъ намъ черезъ десять лѣтъ въ своихъ „Братьяхъ Карамазовыхъ",—этой лебединой пѣснѣ покойнаго писателя.

Слѣдя за судьбою интересующаго насъ движенія, я остановлюсь только на двухъ герояхъ романа,—на Дмитріи и Иванѣ Карамазовыхъ. Слѣдовало бы по пути взглянуть и на ихъ родителя,—мастерское изображеніе художника,—но у меня нѣтъ, къ сожалѣнію, времени.

Начну съ Дмитрія. Но я уже предвижу вопросъ, обращенный ко мнѣ: какъ? Неужели и онъ изъ отрицателей? Если хотите,—да; если хотите—нѣтъ. Дѣло въ томъ, что опустивъ отрицательныя вѣянія въ его душѣ, вы не объясните себѣ этого характера. Дмитрій Карамазовъ принадлежитъ къ числу людей, которые неособенно любятъ задумываться надъ абстрактными вопросами и еще менѣе способны мучиться ими; они принимаютъ ихъ рѣшенія готовыми, въ томъ видѣ, въ какомъ предлагаютъ имъ другіе. Живи Дмитрій ранѣе, въ эпоху наибольшаго господства отрицательныхъ теорій, изъ него вышелъ бы усердный отрицатель съ чужого голоса. Но теперь время другое: отрицаніе угасаетъ. Какъ

*) Н. Звѣревъ. „Русь" 1881 г., № 1.

и почему—это мы увидимъ далѣе, на Иванѣ. И вотъ Дмитрій носитъ въ душѣ своей осадокъ угасающаго отрицанія. Оно перешло къ нему отъ другихъ и пробралось въ его сердце незамѣтно для него самого. Онъ вдохнулъ его въ себя изъ окружающей дѣйствительности и никогда не дѣлалъ его предметомъ своего анализа. Можетъ быть, онъ и не подозрѣваетъ даже, что въ немъ есть отрицаніе. Но оно есть и присутствіе свое обнаруживаетъ тѣмъ, что у Дмитрія нѣтъ никакихъ правилъ, что онъ не умѣетъ отличать добраго отъ злого и не знаетъ, что хорошо и что дурно. Эта самая выдающаяся черта его. Онъ поддается первому впечатлѣнію, первому порыву души, первой блажи, какая взбредетъ ему на умъ, и нѣтъ ничего въ немъ, что удержало бы его отъ дурного поступка и направило на добрый путь. Это былинка, которую носитъ капризный вѣтеръ. Вотъ онъ ставитъ ужасное, роковое условіе дѣвушкѣ, желающей спасти близкаго человѣка, и когда та, подавивъ въ себѣ личный вопросъ, принимаетъ это условіе,—Дмитрій круто измѣняетъ свое намѣреніе и, вмѣсто преступленія, совершаетъ великодушный безкорыстный поступокъ. Когда, позднѣе, эта дѣвушка становится его невѣстою, онъ обманываетъ ее, растрачиваетъ ея деньги и кончаетъ тѣмъ, что мѣняетъ ее на Грушеньку. Тамъ, далѣе, въ припадкѣ бѣшеной ревности, онъ колотитъ своего отца, преслѣдуетъ свою Грушеньку, пачкаетъ руки въ крови старика-камердинера и тотчасъ-же ѣдетъ на ближайшую станцію, гдѣ кутитъ съ незнакомыми ему людьми и соритъ остатками денегъ своей прежней невѣсты. Въ то же время болѣзненно, страстно овладѣваетъ имъ мысль возвратить чужія деньги, и онъ мечется по городу, чтобы достать нужныя ему три тысячи. Вы видите,—для человѣка нѣтъ ни въ чемъ и никакого удержу: съ легкостью онъ переходитъ отъ подвига къ преступленію, отъ благороднаго порыва души къ самому низкому животному инстинкту. И какъ подвига нельзя вмѣнить ему въ заслугу, такъ преступленія нельзя поставить въ вину: то и другое—дѣло совершеннаго случая,—результатъ мимолетнаго настроенія. Да и весь Дмитрій мимолетенъ и случаенъ. Все это потому, что у Дмитрія нѣтъ никакихъ идеаловъ и вѣрованій, что на днѣ его души отложенъ временемъ осадокъ отрицанія, котораго, повторяю,

онъ, быть можетъ, не замѣчаетъ самъ, ибо никогда не копается внутри себя. И если съ перваго взгляда и для читателя этотъ осадокъ незамѣтенъ, то потому лишь, что Дмитрій молодъ, горячъ и порывистъ, что въ немъ живутъ добрые инстинкты,—потому, наконецъ, что онъ благодушенъ. И глубокое сожалѣніе о себѣ, и теплое сочувствіе къ себѣ вызываетъ въ читателѣ этотъ несчастный Митенька, который всѣмъ своимъ несчастьемъ обязанъ времени и окружающей средѣ. Читая, вы чувствуете, что неповиненъ онъ въ грѣхахъ своихъ, что онъ—покорная и безграничная жертва, которая не умѣетъ оборониться отъ ударовъ, наносимыхъ ей жизнью.

* * *

*) У людей съ явленіями психическаго вырожденія легко наступаютъ патологическіе аффекты. Сравнительно ничтожныя причины, то-есть такія, которыя у здороваго не могутъ вызвать сильнаго аффекта, у нихъ уже влекутъ за собой сильнѣйшіе, даже патологическіе аффекты.

Дмитрій Карамазовъ почти весь промежутокъ времени, который мы видимъ его въ романѣ, находится въ состояніяхъ аффекта; аффекты наиболѣе сильные, у Дмитрія сильные настолько, что онъ теряетъ самообладаніе и ясность сознанія, это аффекты гнѣва. Такихъ людей прежде считали даже одержимыми особою формой помѣшательства—гнѣвнымъ помѣшательствомъ, excandescentia furibunda. Въ монастырѣ цинизмъ отца доводитъ Дмитрія до гнѣвнаго аффекта; онъ, несмотря на искреннее желаніе держать себя благопристойно, забывается, бранится и т. п. Чувство ревности доводитъ его до того, что послѣ того, какъ ему показалось, будто Груня прошла въ домъ старика Карамазова, онъ врывается въ домъ отца, бьетъ и отца и ни въ чемъ неповиннаго Григорія, котораго вообще уважаетъ и любитъ; наконецъ, подъ вліяніемъ ревности, досады, онъ окончательно осатанѣлъ и безо всякой надобности бьетъ на смерть опять-таки совершенно невиннаго предъ нимъ и безвреднаго въ сущности для него Гри-

*) Вл. Чижъ. „Достоевскій какъ психопатологъ“. „Русскій Вѣстникъ“ 1884 г., № 5 и 6, и отдѣльное изданіе. М. 1885 г.

горія. Въ спокойномъ состояніи онъ, конечно, понялъ бы, что бить до смерти для него ни въ какомъ случаѣ не было необходимости. Подъ вліяніемъ аффекта онъ даже не въ состояніи былъ оцѣнить, что онъ совершилъ тяжкое уголовное преступленіе, за которое его ожидаютъ и законное наказаніе и упреки совѣсти. Впрочемъ, Достоевскій такъ ясно и живо описалъ тотъ безпорядокъ въ теченіи идей и чувствованій за этотъ промежутокъ времени, что лучшую характеристику душевнаго состоянія при аффектѣ дать едва-ли возможно. Стоитъ припомнить, какъ Дмитрій хватаетъ пестикъ, его обращеніе съ горничной Груни, то, какъ онъ распоряжался деньгами, мытье рукъ, не связанные никакою послѣдовательностью разговоры съ Перхотинымъ, чтобы понять душевное состояніе, характеризующее аффекты.

Но рядомъ съ гнѣвными аффектами, къ которымъ возбудимость у Дмитрія всего сильнѣе, какъ это чаще всего и бываетъ у такихъ субъектовъ, онъ также живо, энергическими аффектами реагируетъ и на другія впечатлѣнія; надежда на возможность взаимности со стороны Груни сразу измѣняетъ душевное состояніе, производитъ безумный аффектъ радости: онъ забываетъ о только что совершенномъ преступленіи (впрочемъ, это выраженіе неправильно: всякое воспоминаніе о только-что сдѣланномъ преступленіи сразу вытѣсняется съ неудержимою силой ворвавшимися новыми представленіями), о съ минуты на минуту ожидающемся арестованіи; даже мысль объ этомъ роковомъ обстоятельствѣ не закрадывается въ его сознаніе, такъ оно всецѣло поглощено представленіями, вызванными радостнымъ аффектомъ; онъ дѣлается словно пьяный (опьяненіе радостью), со всѣми цѣлуется, дружится со смертельнымъ врагомъ и т. п. Тутъ въ высшей степени интересно, съ какою правдивостью Достоевскій создалъ сцену этой моментальной смѣны аффектовъ и тѣмъ еще полнѣе оттѣнилъ основной признакъ такой психической организаціи. Та же способность легко подпадать вліянію аффекта обусловливаетъ и его благородный поступокъ съ Катей; взглядъ на эту энергическую, честную, безпомощную дѣвушку сразу измѣняетъ и господствующія въ немъ чувствованія (сладострастіе и цинизмъ), и теченіе его мыслей; является новое сильное чувствованіе, возбуждающее новыя,

настолько живыя представленія, что Дмитрій отдаетъ свои послѣднія деньги. Словомъ, онъ вдругъ измѣняется.

Вообще у него аффекты были настолько сильны, что подавляли самый сильный инстинктъ самосохраненія; на судѣ, когда нѣсколько часовъ приличнаго поведенія были для него необходимы, чтобы добиться смягченія наказанія, ничтожное замѣчаніе свидѣтеля тотчасъ же вызвало такое бурное душевное движеніе, что онъ не могъ удержаться, чтобы не говорить себѣ же во вредъ.

Такимъ образомъ, за весь періодъ, описанный въ романѣ, жизнь Дмитрія состояла въ безпрерывной смѣнѣ аффектовъ; спокойное душевное состояніе, составляющее обычное явленіе у здоровыхъ людей, для него было исключеніемъ: не онъ управлялъ своими чувствами, мыслями, поступками; напротивъ, онъ былъ просто слѣпымъ орудіемъ аффектовъ. Но можно ли назвать его душевно-больнымъ? Вѣдь онъ и воспринимаетъ и перерабатываетъ воспринятое правильно, не галлюцинируетъ, идей бреда не высказываетъ, намять не потеряна. Но уже одна живость реакціи, легкое появленіе сильныхъ аффектовъ, ведетъ къ крайне капризному сочетанію идей; да и можетъ ли въ такомъ состояніи человѣкъ правильно воспринимать окружающее? Ему некогда сосредоточиться, подумать, обсудить; представленія вызываются только соотвѣтствующія данному аффекту, смѣняются новыми, не успѣваютъ еще войти въ прочную связь между собой, какъ уже вытѣсняются новыми. Развѣ такъ протекаетъ духовная жизнь другихъ людей? Въ тюрьмѣ, въ бесѣдѣ съ Алешей, ясно проявляется его полная неспособность къ послѣдовательному мышленію, невозможность для него прямо связать рядъ представленій въ одно цѣлое. Онъ переходитъ отъ одной темы къ другой, не успѣваетъ развить ни одного своего положенія, безпрестанно перерываетъ себя, часто повторяетъ фразы, ничѣмъ не связанныя съ предыдущею и послѣдовательною рѣчью (Бернары, Слава въ вышнихъ и т. п.), то рѣшается исправиться и мужественно перенести угрожающее наказаніе, то стремится къ прежней жизни. Словомъ, матеріала (представленій) душевной жизни достаточно, но связь его крайне капризна, безпорядочна. Насколько быстро измѣняется направленіе его мыслей, даже при сравнительно бла-

гопріятной для спокойнаго состоянія обстановкѣ, можно видѣть, напримѣръ, какъ живо измѣняется все его *я*, когда онъ, рисуя картину своей будущей жизни каторжника, вспоминаетъ, что его могутъ разлучить съ Груней; тотчасъ же это представленіе о возможности разлуки возбуждаетъ живыя чувства злобы и печали, и въ сознаніи являются новыя комбинаціи представленій, мысли принимаютъ совсѣмъ противоположное направленіе; возникаютъ другія желанія, другія стремленія. Объективное, независимое отъ чувствованій мышленіе для него почти невозможно, между тѣмъ такое мышленіе составляетъ не послѣднюю функцію душевной дѣятельности здоровыхъ людей.

Мнѣ кажется, что Достоевскій такъ ясно очертилъ душевный складъ Дмитрія Карамазова, что сама собой становится ясна разница между аффектомъ и страстью; страстность даже до извѣстной степени исключаетъ способность къ живымъ аффектамъ; указываютъ для подтвержденія этого закона на характеры націй (Итальянцы, Французы). Различіе между страстью и аффектомъ вполнѣ удовлетворительно выяснено еще Кантомъ, опредѣлившимъ страсть какъ непреодолимое или трудно преодолимое для разума стремленіе, а аффектъ какъ преобладаніе въ душѣ чувства удовольствія или страданія, недопускающее размышленія.

Естественно, что при такомъ патологическомъ характерѣ Дмитрій не былъ способенъ къ какой-либо полезной дѣятельности, не могъ быть терпимъ въ обществѣ; скандалы, драки, преступленія—вотъ сфера такихъ людей. И если онъ и могъ быть великодушенъ, то для этого нужно было много условій, рѣдко встрѣчающихся въ повседневной жизни. Рано или поздно такіе люди попадаютъ въ тюрьму, гдѣ они и составляютъ несчастіе для администраціи и товарищей: только заведеніе для душевно-больныхъ было бы для нихъ полезнымъ убѣжищемъ.

Говорить о томъ, что Дмитрій могъ сдерживаться, что его вызывали на преступленія исключительныя обстоятельства, значитъ, рѣшительно не понимать его характера. Понятно, что такую неправильность характера Дмитрія можно объяснять недостаточностью воспитанія въ дѣтствѣ и отсутствіемъ благотворнаго вліянія разумной среды въ жизни. Но еслибъ

это и было такъ, то это только доказало бы, что хорошая, правильно обставленная школа можетъ исправить, сгладить врожденные недостатки характера. Еслибы побольше людей, вродѣ старика-доктора, встрѣчалось въ жизни Дмитрія, еслибы воспитаніе и жизнь установили правильнѣе его характеръ, вѣроятно, что его аффекты были бы слабѣе, самообладаніе было бы болѣе развито. Кто же сомнѣвается въ томъ, что разумное обращеніе лучшее средство исправленія: вѣдь и душевно-больные легко поддаются хорошо организованной дисциплинѣ; главная задача правильно устроенныхъ заведеній для душевно-больныхъ, это перевоспитаніе паціентовъ.

Не рѣшая вопроса: находился ли Дмитрій въ состояніи вмѣняемости во время совершенія преступленія, я положительно утверждаю, что единственно возможный способъ сдѣлать изъ Дмитрія сноснаго члена общества, это лѣчить или, правильнѣе говоря, перевоспитать его въ больницѣ. По этому поводу позволю себѣ высказать мой личный взглядъ на задачу врача-эксперта предъ судомъ. По моему мнѣнію, врачъ только долженъ рѣшить вопросъ: есть ли подсудимый паціентъ или нѣтъ, то есть нуженъ ли, полезенъ ли для него домъ душевно-больныхъ. Только такая постановка вопроса можетъ удовлетворять цѣли правосудія; теперь же нерѣдко экспертъ долженъ самъ себѣ противорѣчить. Напримѣръ, на заданный судомъ вопросъ, боленъ или нѣтъ Дмитрій, могъ ли по роду и степени болѣзни онъ управлять своими поступками, вѣроятно большинство психіатровъ отвѣтило бы, что Дмитрія нельзя назвать душевно-больнымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, что онъ понималъ значеніе совершаемыхъ преступленій, но не думаю, чтобы одинъ разумный психіатръ рѣшился утверждать, что для Дмитрія будетъ полезнѣе тюрьма, чѣмъ больница для душевно больныхъ. Для обыкновенныхъ же преступниковъ больница была бы и болѣе тяжкимъ наказаніемъ, и не принесла бы никакой пользы.

Иванъ Карамазовъ.

*) Иванъ Карамазовъ—неопредѣленный, нетипичный, и неясный, какъ все переходное. Его нельзя назвать простодушно и твердо вѣрующимъ, какъ Алеша и всѣ монастырскіе старцы, но также нельзя назвать и невѣрующимъ, безбожникомъ, вродѣ козлищъ—грѣшниковъ романа, для которыхъ нѣтъ ничего выше и святѣе химіи, нервовъ съ хвостиками да Клодъ Бернара. Онъ относится къ нимъ отрицательно; „не стану, говоритъ онъ, перебирать на этотъ счетъ всѣ современныя аксіомы русскихъ мальчиковъ, всѣ сплошь выведенныя изъ европейскихъ гипотезъ; потому что что́ тамъ гипотеза, то у русскаго мальчика аксіома, и не только у мальчиковъ, но пожалуй и у ихнихъ профессоровъ, потому что и профессора русскіе весьма часто у насъ теперь тѣ же русскіе мальчики.“ Иванъ просто религіозный вольнодумецъ или религіозный скептикъ; онъ видитъ въ мірѣ явленія, которыя служатъ для него камнемъ преткновенія и соблазна и не гармонируютъ съ его религіозными представленіями. Всѣ эти свои сомнѣнія и соблазны онъ откровенно исповѣдалъ Алешѣ, и его бурная, горячечная, иногда даже смахивающая на бредъ исповѣдь, также какъ и его поэма „Великій Инквизиторъ“, представляютъ единственныя поэтическія страницы во всемъ романѣ, и очень жаль, что эти страницы во многихъ мѣстахъ попорчены сантиментальностью и плоскими замѣчаніями и возраженіемъ Алеши. Конечно, по мыслямъ, по содержанію, эта исповѣдь религіозно сомнѣвающагося скорѣе сердца, чѣмъ ума, не представляетъ ничего новаго и оригинальнаго; эти сомнѣнія формулированы и кодифицированы давнымъ давно и для разбора и умиротворенія ихъ существуетъ даже особый отдѣлъ въ теологической философіи, который называется теодицеей. Но форма этихъ сомнѣній у Ивана дѣйствительно художественна.

Какъ онъ самъ говоритъ, онъ принимаетъ Бога „прямо и просто“, безъ умствованій и логическихъ разсужденій, безъ всякихъ усилій понять его. Но какъ только онъ начи-

*) М. Антоновичъ. „Мистико-аскетическій романъ“. „Новое Обозрѣніе“ 1881 г., № 3.

паетъ разсуждать, у него являются сомнѣнія; онъ видитъ зло въ мірѣ, и ему оно кажется несогласимымъ съ идеей Промысла Божія, и потому въ душѣ его возстаетъ ропотъ на Бога, или „бунтъ“ противъ него, какъ выражается Алеша. Митю, какъ мы видѣли, сильно поразило страдающее дите, и Ивана также приводятъ въ страшное недоумѣніе тоже страданія дѣтей. Вотъ генералъ затравилъ собаками ребеночка, который камнемъ зашибъ ногу любимой его гончей; вотъ родители образованные бьютъ, сѣкутъ, истязаютъ пятилѣтнюю дѣвочку, запираютъ ее на ночь въ отхожее мѣсто, „обмазывали ей все лицо каломъ и заставляли ее ѣсть этотъ калъ.“ Нечего уже и говорить о томъ, что дѣлали турки съ славянскими дѣтьми. Иванъ никакъ не можетъ понять причины и цѣли этихъ безвинныхъ страданій и не можетъ примириться съ ними, даже съ религіозной точки зрѣнія. Съ негодованіемъ онъ отвергаетъ мысль, что страданія эти необходимы для какой-то общей гармоніи. А если есть такая гармонія, то эти страданія должны быть искуплены. Но искупить ихъ нечѣмъ. Наказать мучителей? Но эти наказанія не воротятъ страданій, не уничтожатъ мученій, погубившихъ столько дѣтей. Простить мучителей? Но такое рѣшеніе кажется Ивану неудовлетворительнымъ и непріятнымъ. Да и кто можетъ и имѣетъ право простить? Въ мірѣ нѣтъ такого существа, рѣшилъ Иванъ.—На возраженіе Алеши, что такимъ существомъ можетъ быть „Единый безгрѣшный“, Иванъ отвѣтилъ поэмой „Великій инквизиторъ“. Въ ней развивается та извѣстная ходячая мысль, что католичество и преимущественно іезуиты, снисходя къ человѣческой слабости, смягчили строгость христіанской морали, сдѣлали ее болѣе доступной и удобоисполнимой для слабыхъ силъ человѣка; что они были снисходительны къ человѣческимъ немощамъ, дѣлали поблажки человѣческимъ слабостямъ съ тѣмъ, чтобы вѣрнѣе завладѣть совѣстью и волею людей для ихъ же собственнаго блага. Инквизиторъ убѣжденъ, что счастье людей не въ свободѣ, а въ порабощеніи воли, въ подчиненіи авторитету, какъ училъ и о. Зосима, что люди скоро пресыщаются свободой, не дающей имъ счастья, и съ жаромъ бросаются въ объятія своихъ духовныхъ отцовъ, своихъ монастырскихъ старцевъ, говорящихъ, дѣйствующихъ отъ имени высшаго авторитета...

Вольнодумствуя открыто и неосторожно, Иванъ соблазнилъ одного слугу своего отца, Смердякова, жадно ловившаго каждое его антирелигіозное слово и по своему разъяснявшаго и перетолковывавшаго эти слова.

*
* *

*) Иванъ Карамазовъ, по мнѣнію г. Оболенскаго,—полу-позитивистъ, полу-пессимистъ. „Разсказывая Алешѣ проэктъ своей поэмы „Тайный инквизиторъ", онъ въ ней до извѣстной степени обрисовываетъ *свои* взгляды на человѣчество, устами старика-инквизитора. Инквизиторъ въ поэмѣ ведетъ разговоръ съ Христомъ, сошедшимъ вновь на землю и арестованнымъ этимъ инквизиторомъ.

Инквизиторъ упрекаетъ Христа, зачѣмъ онъ сошелъ опять на землю мѣшать „имъ". Онъ упрекаетъ его также и за то, что въ первое свое пришествіе, тотъ далъ людямъ свободу толковать писаніе, вѣрить и не вѣрить, а, по мнѣнію инквизитора, надо было просто обратить камни въ хлѣбы и сдѣлать человѣчество навсегда сытымъ, тогда бы оно пошло всюду за Христомъ. Для этого нужно было дѣйствовать на людей не любовью и свободой выбора, какъ Христосъ, а авторитетомъ, чудесами, таинственностію; однимъ словомъ, инквизиторъ отрицаетъ самую суть ученія Христа и даже грозитъ его сжечь на кострѣ, а въ то-же время говоритъ, что будетъ дѣйствовать его именемъ, чтобы сдѣлать человѣчество покорнымъ звѣремъ, который придетъ и ляжетъ къ ногамъ ихъ, а за то они дадутъ ему хлѣбъ. Взглядъ Ивана, кромѣ католичества, напоминаетъ и многихъ другихъ французскихъ мыслителей, довольно презрительно смотрѣвшихъ на людей и полагавшихъ необходимымъ извѣстный деспотизмъ или, по крайней мѣрѣ, внѣшній авторитетъ для счастья людей. Этого не чуждъ и великій О. Контъ въ своей религіи и идеалѣ общественнаго строя, не даромъ его называли католикомъ безъ христіанства. Но особенно проявилъ себя въ этомъ направленіи въ послѣдніе уже годы Тенъ въ своей исторіи революціи, гдѣ онъ сравниваетъ народъ съ дикимъ

*) Л. О. (Оболенскій). „Мысль" 1881 г., № 2.

звѣремъ, которому необходимъ жандармъ-укротитель, безъ котораго этотъ звѣрь станетъ непремѣнно истреблять самъ себя. У Ивана есть такое же почти сравненіе. У Ивана Карамазова инквизиторъ рисуетъ общество, устроенное по типу контовскаго, въ которомъ, какъ извѣстно, управляютъ философы, а простымъ смертнымъ запрещается даже изучать астрономію, какъ праздную роскошь, сбивающую только умъ. Тайный инквизиторъ говоритъ Христу: Будетъ тысяча милліоновъ счастливыхъ младенцевъ и сто тысячъ страдальцевъ (учителей-философовъ), взявшихъ на себя *проклятіе познанія добра и зла*. Эти будутъ знать, между прочимъ, что нѣтъ безсмертія души, но будутъ скрывать это отъ людей, чтобы дать имъ счастье и т. д.

Въ лицѣ Ивана, очевидно, противополагается это позитивно-католическое воззрѣніе тому воззрѣнію, основанному на свободѣ и любви, которое проникаетъ старца Зосиму и отчасти Алешу. Но Иванъ, кромѣ того, и пессимистъ, т. е. не вѣритъ въ возможность счастья для человѣчества даже въ грядущемъ. Отъ этого-то онъ и полагаетъ, что единственное его счастье, которое можно дать человѣчеству, это — счастье чисто отрицательное: избавить его отъ голода и физическихъ страданій, т. е., по возможности накормить и согрѣть, хотя бы деспотически. Ученіе же Зосимы, наоборотъ, видитъ счастье въ удовлетвореніи высшаго нравственнаго голода и учитъ, что это высшее счастье свободы, любви и братства возможно. Иванъ, подобно Шопенгауэру, громоздитъ съ какимъ-то мучительнымъ отчаяніемъ страшную картину человѣческихъ страданій и несправедливостей, избирая по преимуществу угнетенія и страданія дѣтей. „За что же страдали эти дѣти? спрашиваетъ онъ, рисуя страшныя картины: какъ могло бы это вынести великое начало міровой любви, если бы оно существовало и имѣло силу?“ Очевидно, онъ отъ этого начала также хочетъ суда, внѣшняго, нарушающаго естественный ходъ вещей, т. е. хочетъ, чтобы оно было болѣе чѣмъ нравственное начало. Нарисовавъ себѣ именно такой идеалъ Бога, онъ его, конечно, легко и отрицаетъ.

„Если матери этихъ дѣтей простили бы палачей, если бы за этимъ и воцарилась гармонія счастья и миръ, то я

не хочу участвовать въ такой гармоніи и счастьѣ, ибо это преступленіе. Справедливость нарушена относительно дѣтей, и возстановлена она быть не можетъ, ибо страданій этихъ дѣтей вернуть нельзя", говоритъ онъ.

Вы тутъ ясно видите, откуда психологически идетъ типъ философіи или, пожалуй, даже мистицизма Ивана Карамазова: онъ обусловленъ нѣкоторымъ его недовѣріемъ къ людямъ, соединяемымъ съ личными, тяжелыми событіями жизни: недаромъ же его болѣе всего подавляютъ именно страданія дѣтей, рисующіяся ему въ грандіозныхъ размѣрахъ. Это — результатъ воспоминанія собственнаго безрадостнаго дѣтства. Онъ не въ силахъ его простить; ибо потерянныхъ лѣтъ, свѣтлыхъ для него, лѣтъ дѣтства уже не вернуть, жизнь не ждетъ и не терпитъ. Его невѣріе въ людей, быть можетъ, также обусловлено и невѣріемъ въ себя. У него нѣтъ тѣхъ глубоко-страстныхъ, но дѣятельныхъ порывовъ любви къ человѣку, какіе находятъ у себя Алеша и Зосима, — ему неоткуда составить себѣ понятія о великой силѣ этихъ психическихъ движеній, способныхъ дать дѣйствительное счастье человѣчеству, по мнѣнію этихъ послѣднихъ. Однимъ словомъ, онъ не можетъ поставить идеаломъ личнымъ, а слѣдовательно, и общественнымъ и общечеловѣческимъ чисто нравственный идеалъ любви и нравственной свободы, онъ даже не можетъ поставить идеаломъ политическую свободу, ибо не можетъ вѣрить въ способность людей существовать безъ внѣшней цѣли (тоже, быть можетъ, судитъ по себѣ, какъ сейчасъ увидимъ), и вотъ почему онъ видитъ идеалъ только въ хлѣбѣ, т. е., въ чисто французскомъ соціализмѣ даже безъ свободы, т. е., только въ грубомъ удовлетвореніи одпихъ физическихъ потребностей.

„Человѣкъ слабъ и подлъ. Что въ томъ, что онъ теперь повсемѣстно бунтуетъ? Это—гордость ребенка и школьника", говоритъ его инквизиторъ Христу. „Ты обѣщалъ имъ хлѣбъ небесный (т. е. любовь и свободу), продолжаетъ онъ: но повторяю опять, можетъ-ли онъ сравниться въ глазахъ *слабаго, вѣчно порочнаго* и вѣчно неблагодарнаго людскаго племени съ земнымъ хлѣбомъ? И если за тобою, во имя хлѣба небеснаго, пойдутъ тысячи, десятки тысячъ, то что станется съ милліонами и съ десятками тысячъ милліоновъ существъ,

которыя не въ силахъ будутъ пренебречь хлѣбомъ земнымъ для небеснаго?

Онъ этого только земного хлѣба ждетъ и для себя въ жизни: „До тридцати лѣтъ поживу, понаслаждаюсь чисто физически, насколько возможно, думаетъ онъ, а дальше ни на что не надѣюсь“. Тамъ „кубокъ объ полъ!“ Хотя его идеалъ—инквизиторъ, но самъ онъ лично не хочетъ и того дѣлать, что дѣлаетъ инквизиторъ: „О Господи! какое мнѣ дѣло (до людей)! восклицаетъ онъ, а далѣе говоритъ еще болѣе ясно: „Я никогда не могъ понять, какъ можно любить своихъ ближнихъ. Именно *ближнихъ-то* и невозможно любить, а развѣ лишь дальнихъ“. „Чтобы полюбить человѣка, надо чтобы тотъ спрятался, а чуть лишь покажетъ *лицо* свое, пропала любовь“. Это совершенная противоположность Алешѣ. Иванъ, какъ Байронъ, какъ многіе въ наше время, можетъ любить людей, какъ идею, какъ понятіе: „Отвлеченно еще можно любить людей, и даже иногда издали, но вблизи почти никогда“. Алексѣй, наоборотъ, любитъ именно живыхъ несчастныхъ людей, онъ, какъ и Зосима, думаетъ и хлопочетъ о ихъ теперешнихъ страданіяхъ, ищетъ средства къ ихъ облегченію, просвѣтленію и счастью сейчасъ.

Но не слѣдуетъ думать, чтобы Иванъ рисовался у Достоевскаго существомъ пустымъ, ничтожнымъ, мелочнымъ. О, напротивъ! Это дѣйствительно страдающій человѣкъ, но страдающій безъисходно: хотя онъ и говоритъ—„какое мнѣ дѣло до людей“, но это—только отчаяніе говоритъ его устами, отчаяніе, происходящее отъ того, что онъ не видитъ исхода. На самомъ дѣлѣ никто болѣе его не *думаетъ* о людяхъ, никто болѣе его не мучится ихъ страданіями (не живыми и ближайшими, а тоже отдаленными. Онъ любитъ только *отвлеченныхъ* людей и отвлеченныя страданія). Его разсказъ про страдальцевъ дѣтей, про крѣпостного мальчика, затравленнаго бариномъ за то, что нечаянно попалъ камнемъ въ ногу собакѣ, вызываютъ слезы у читателя. Его разсказъ о юношѣ Римарѣ, покаявшемся убійцѣ, казненномъ послѣ братскихъ объятій всей Женевы, пораженной его раскаяніемъ, его обращеніемъ къ религіи, и въ умиленіи своемъ все же „оттяпавшей ему голову“ во имя Христа... все это поражаетъ читателя глубоко, какъ крикъ Прометея, прикован-

наго къ скалѣ, видящаго страданія и несправедливости человѣчества и не могущаго сдѣлать шагу для помощи ему. „О, по моему, по жалкому, земному эвклидовскому уму моему, я знаю лишь то, что страданіе есть, что виновныхъ нѣтъ, что все одно изъ другого выходитъ прямо и просто, что все течетъ и уравновѣшивается, — но вѣдь это лишь эвклидовская дичь; вѣдь я знаю-жъ это, вѣдь *жить по ней* я не могу же согласиться. Что мнѣ въ томъ, что виновныхъ нѣтъ и что я это знаю—мнѣ надо *возмездіе*, иначе вѣдь я истреблю себя!“

„Не для того же я страдалъ, чтобы собой, злодѣйствами и страданіями моими унавозить кому-то *будущую гармонію*. Я хочу видѣть *своими* глазами, какъ лань ляжетъ подлѣ льва и какъ зарѣзанный встанетъ и обнимется съ убившимъ его. Я хочу быть тутъ, когда всѣ вдругъ узнаютъ, для чего все такъ было“. Иными словами это то-же, что говорилъ Базаровъ: какое мнѣ дѣло, что мужикъ станетъ счастливъ, когда изъ меня лопухъ будетъ рости. Но какая глубокая разница въ полнотѣ обрисовки этого типа, въ его грандіозности и глубинѣ у Достоевскаго, и въ его мелочности и животности у Тургенева! Въ Базаровѣ, когда онъ говоритъ эти слова, вы видите только узкаго эгоиста и только. Достоевскій умѣетъ вамъ объяснить, что тутъ стоитъ не только эгоистъ, а человѣкъ глубоко потрясенный тѣмъ, что не находитъ въ мірѣ справедливости. Въ самомъ дѣлѣ: ну, будетъ гармонія, ну, дойдутъ люди до того, что лань будетъ лизать льва, а убитый цѣловать убійцу, ну, дойдетъ человѣчество до того, что наука, философія, религія разъяснятъ всѣмъ, зачѣмъ нужны были страданія на землѣ, но, вѣдь, его-то, Ивана, тогда не будетъ, онъ умеръ, зная *только страданія* и не зная того блаженнаго времени, которое наступитъ, не зная даже, какъ философія или религія объяснятъ въ грядущемъ — необходимость страданій. Но, если даже и при его жизни наступитъ это царствіе небеснаго міра и высшаго познанія, то прошедшее—то человѣчество, которое гибло и страдало, его страданія,—чѣмъ искупятся? Могутъ сказать, что каждый хотя и страдалъ, но все же жилъ. „Ну, а дѣтки? спрашиваетъ Иванъ и рисуетъ цѣлую галлерею измученныхъ дѣтей.

Если даже допустить, что есть отмщеніе, адъ земной или подземный, то и это не успокоиваетъ его: „какая же это справедливость?! восклицаетъ онъ: зачѣмъ мнѣ ихъ отмщеніе, зачѣмъ мнѣ адъ для мучителей, что тутъ адъ (наказаніе) можетъ поправить, если тѣ ужъ замучены? И какая гармонія и адъ? Я *простить хочу*, я не хочу, *чтобы страдали больше*". И сейчасъ же прибавляетъ, что простить, однако нельзя, никто не имѣетъ права. Очевидно, въ томъ-то его и бѣда, что простить онъ только хочетъ, но не можетъ, а пока не можетъ, справедливость ему кажется не существующей. „Не хочу я, чтобы мать обнималась съ мучителемъ, растерзавшимъ ея сына псами! Не смѣетъ она прощать ему!.." „За себя еще можетъ простить, но не за ребенка. А если такъ, то гдѣ-жъ гармонія"?

Онъ заключаетъ почти трагическими словами: „ужъ очень дорого (много жертвъ) стоитъ ваша будущая божественная гармонія. Не по карману намъ столько платить за входъ. А потому свой *билетъ на входъ* спѣшу возвратить обратно. И если только я *честный человѣкъ*, то обязанъ его возвратить, какъ можно заранѣе (т. е. поскорѣе покончить съ собою, чтобы не пользоваться благами этого окровавленнаго міра). Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билетъ ему почтительнѣйше возвращаю".

Конечно, читатель признаетъ, что до такой тонкости и высоты отрицанія не доходилъ даже Шопенгауэръ и Байронъ. Послѣ этого, полагаю, трудновато обвинить г. Достоевскаго въ томъ, что онъ своихъ любимыхъ героевъ прикрашиваетъ, а нелюбимыхъ мараетъ. Да въ чемъ же, наконецъ, дѣло? спроситъ читатель: отчего же Конты и Спенсеры мирились съ несправедливостью вселенной, принимая ее какъ фактъ, отчего, наоборотъ, Шопенгауеры, Байроны, Иваны Карамазовы помириться не могутъ. Отвѣтъ въ двухъ строкахъ. Въ Иванѣ Карамазовѣ работаетъ *оскорбленное чувство;* умъ то его примирился-бы, признавъ, что страданіе есть фактъ, но чувство не примиряется, чувство оскорбленное. Умъ и это чувство не имѣютъ тутъ противовѣса и въ *любви* къ людямъ. Иваны, это типы, порожденные крайней несправедливостью современныхъ человѣческихъ отношеній.

* * *

*) Иванъ Карамазовъ—это настоящій преемникъ Раскольникова и Ставрогина: человѣкъ умный, сильный, съ твердымъ характеромъ. По немъ-то мы и должны теперь опредѣлить ту новую и, быть можетъ, послѣднюю стадію, въ которую вступило отрицаніе. Связанный близкимъ и тѣснымъ духовнымъ родствомъ съ Раскольниковымъ и Ставрогинымъ, вскормленный и поставленный ими на ноги, Иванъ мало походитъ на своихъ учителей. По внѣшнему виду и образу дѣйствій нескоро разберешь даже, что онъ такое. Онъ ходитъ къ старцу и бесѣдуетъ съ нимъ; онъ чувствуетъ большую симпатію къ Алешѣ и даже какъ будто любуется имъ; онъ разсуждаетъ съ нимъ однимъ по душѣ и сообщаетъ ему самыя завѣтныя свои мысли; а между тѣмъ Алеша — человѣкъ совсѣмъ иного лагеря, изъ котораго Иванъ даже не дѣлаетъ попытки переманить его. Съ отцомъ онъ не только сдержанъ, но, пожалуй, почтителенъ по внѣшности, хотя болѣе чѣмъ не любитъ его. Догадываясь, зная почти навѣрное, какая ужасная участь готовится старому сластолюбцу, почти подстрекая Смердякова на убійство, онъ въ то же время умѣетъ сохранить видъ человѣка, совсѣмъ непричастнаго къ тому, что дѣлается. „Пусть совершится, что предназначено судьбою", какъ будто соображаетъ онъ. Точно такъ-же относится онъ и къ брату Дмитрію, видя, что тотъ стоитъ уже на краю пропасти. Въ общемъ Иванъ не только сдержанъ, но какъ будто нерѣшителенъ даже, хотя читатель тотчасъ же чувствуетъ, что нерѣшительность— не то слово, которое характеризуетъ его дѣйствія. Онъ какъ будто связанъ чѣмъ-то, хотя тотчасъ-же приходитъ невольно на мысль, что онъ не изъ тѣхъ, которыхъ связываютъ обстоятельства. Иванъ спокоенъ; но это спокойствіе только внѣшнее, кажущееся, за которымъ скрытъ тяжкій недугъ, подтачивающій его силы. Онъ какъ будто чего-то ожидаетъ, къ чему-то готовится, чего-то еще не рѣшилъ, чтобы выступить въ открытой роли. Его отношенія къ окружающимъ

*) Н. Звѣревъ. „Русь" 1884 г., № 1.

опредѣляются занятымъ положеніемъ пассивнаго наблюдателя. „Дѣлайте, что хотите",—думаетъ про себя Иванъ: „а я посмотрю со стороны, что изъ этого выйдетъ". При всемъ томъ Иванъ—безспорный отрицатель: онъ ни во что не вѣритъ, для него нѣтъ ничего святого. Но что-же тогда значитъ все это?—А ничего болѣе, какъ новое состояніе души отрицающей, *усумнившейся* въ своемъ отрицаніи. Въ Ставрогинѣ отрицаніе загубило всякую личную жизнь души; обратило ее въ безплодную пустыню, въ которой свирѣпствовала тоска; оно наложило печать смерти на своего носителя. Человѣкъ послѣдующаго поколѣнія, Иванъ, не только зналъ и видѣлъ, къ чему ведетъ холодное отрицаніе, но самъ на себѣ испыталъ его губительное вліяніе, и въ его душѣ оно уже успѣло пронестись вихремъ и произвести опустошенія. И вотъ въ немъ возникаетъ законный вопросъ: да дѣйствительно-ли отрицаніе есть несомнѣнное и достовѣрное знаніе? Не новый-ли это божокъ, съ тою своеобразною особенностью, что исключаетъ возможность вѣры? Иванъ подвергаетъ его анализу, испытываетъ его; къ своей отрицательной мысли онъ прилагаетъ тотъ-же пріемъ, которымъ она сама пользуется: свое отрицаніе онъ дѣлаетъ предметомъ новаго отрицанія. Онъ уже сомнѣвается, правъ-ли онъ, отрицая, и эта мысль не даетъ ему покоя. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что въ Иванѣ отрицаніе пошло еще глубже, потому что усумнилось даже само въ себѣ. Но это опасная глубина, въ которой легко захлебнуться и потонуть. И Иванъ уже тонетъ въ ней: длинная вереница мыслей, другъ друга отрицающихъ, рискуетъ стать безконечною. Волна за волною, чередуясь, вытѣсняя, погоняя другъ друга, стремительно проносятся въ его взволнованномъ мозгу искорки вѣры и сомнѣнія. Вотъ онъ гонится за тою или другою мыслью, и въ эту минуту, когда уже настигаетъ ее, она исчезаетъ какъ призракъ, какъ блуждающій огонекъ, а тутъ передъ глазами встаетъ новый призракъ, вспыхиваетъ новый огонекъ и начинается новая погоня. Иванъ рискуетъ ничего не догнать и ни на чемъ не остановиться: его мысль работаетъ усиленно и порывисто, голова его горитъ, онъ договаривается до мистическаго бреда, въ глазахъ начинаетъ двоиться. Вспомните его бесѣду о великомъ инквизиторѣ и разговоръ

съ чортомъ. Въ Иванѣ мысль выбита изъ послѣдняго укрѣпленія, изъ послѣдняго опорнаго пункта: въ немъ отрицаніе уже поѣдаетъ само себя, и этотъ процессъ самопожиранія готовъ обратиться въ бредъ наяву, мучительное и тягостное состояніе: Ивана душатъ отрицанія и сомнѣнія. Ему хочется вырваться изъ ихъ заколдованныхъ цѣпей; ему хочется воздуху и простору, хочется вздохнуть полной грудью и хоть немножко освѣжиться отъ того чада, который застилаетъ его умственныя очи. Онъ ищетъ выхода и пока не находитъ. Оттого-то Иванъ такъ пассивенъ, такъ сдержанъ, такъ безучастенъ къ окружающему,—такъ глубоко хоронитъ то, что думаетъ и что чувствуетъ. Въ немъ совершается внутренняя кипучая работа мысли, и онъ самъ еще не знаетъ, къ чему она приведетъ его, а потому хочетъ сохранить за собою внѣшнюю свободу, не связывая ничѣмъ своихъ будущихъ дѣйствій. Какъ кончитъ Иванъ, мы не знаемъ. Быть можетъ, такъ-же, какъ и Ставрогинъ, но уже не съ тоски, а съ отчаянія; быть можетъ, онъ найдетъ какой-нибудь примиряющій съ жизнью выходъ, что, однако, сомнительно; а можетъ быть также, что онъ потонетъ въ мистической безднѣ, къ чему онъ уже обнаруживаетъ нѣкоторую склонность. Думается мнѣ, что для него этотъ послѣдній конецъ наиболѣе вѣроятенъ.

* * *

*) Стоитъ прочесть, какъ рисуетъ авторъ галлюцинаціи Ивана Карамазова, чтобы понять, что значитъ талантъ. Цѣлая глава занята описаніемъ галлюцинацій, и ни одного слова выдуманнаго, фальшиваго, мало естественнаго; несмотря на всю живописность этой главы, она вполнѣ точный списокъ съ дѣйствительности, между тѣмъ какъ всѣ авторы, писавшіе на эту тему, даже въ нѣсколькихъ строкахъ, всегда прибавляли что-нибудь фантастичное, исключительное, не болѣе какъ вѣроятное. Психіатръ можетъ читать эту главу, какъ часть исторіи болѣзни, составленной умѣлой рукой. Предшедшая характеристика Ивана Карамазова сдѣлаетъ ему

*) В. Чижъ. „Достоевскій какъ психопатологъ". „Русскій Вѣстникъ" 1884 г., № 5 и 6, и отдѣльное изданіе М. 1885 г.

понятнымъ все до мелочей содержаніе галлюцинацій. Галлюцинація Ивана Карамазова напоминаетъ извѣстную галлюцинацію Лютера (dialogus cum diabolo), съ которою Достоевскій былъ знакомъ. Галлюцинація въ видѣ лица, высказывающаго собственныя мысли больного, нерѣдко наблюдается преимущественно у людей развитыхъ. Такіе больные, такъ же какъ и Иванъ Карамазовъ, жалуются на то, что у нихъ похищаютъ ихъ собственныя мысли.

Содержаніе галлюцинацій Ивана Карамазова можетъ служить типическимъ примѣромъ, изъ чего слагается обыкновенно это содержаніе у больныхъ. Во-первыхъ, гость ему высказываетъ идеи, ясно сознанныя Иваномъ, близко касающіяся предметовъ, наиболѣе занимавшихъ его вниманіе за послѣднее время; во-вторыхъ, не ясно сознанныя, не переработанныя еще идеи, еще не вступившія въ органическую связь съ наиболѣе существеннымъ *я* Ивана; въ-третьихъ, идеи, отъ коихъ Иванъ старался отдѣлаться, желалъ ихъ подавить, избѣгать, но которыя время отъ времени врывались въ его сознаніе и которыя онъ считалъ для себя чужими, непріятными, — идеи, кои онъ самъ скрывалъ отъ себя: самообманъ всѣми употребляемый, но никому не удающійся; наконецъ, гость высказывалъ Ивану идеи, которыя тотъ уже забылъ, но которыя, какъ видно изъ характеристики, данной Ивану Достоевскимъ, оставили глубокій слѣдъ на его психической жизни. Здѣсь повторилось обычное въ такихъ случаяхъ явленіе, что изъ глубокихъ, давно позабытыхъ подваловъ безсознательной жизни, образы и картины проектировались наружу въ видѣ галлюцинацій. Въ томъ, что говоритъ гость Ивану, нѣтъ ничего посторонняго, не соотвѣтствующаго его духовной сущности; но дѣло въ томъ, что Достоевскій оцѣнилъ все значеніе безсознательной сферы, вполнѣ вѣрно умѣлъ отдѣлить существенныя, наиболѣе глубоко подѣйствовавшія на *я* идеи и такимъ образомъ могъ создать такую широкую картину галлюцинаціи. Онъ не соблазнился, подобно другимъ авторамъ, надѣлить своего героя галлюцинаціями, содержаніе которыхъ состояло бы только изъ послѣднихъ, живо поразившихъ впечатлѣній. Достоевскій понималъ, что въ галлюцинаціяхъ всегда бываетъ что-то не поддающееся извѣстнымъ намъ законамъ; этотъ

элементъ капризности обмановъ чувствъ въ данномъ случаѣ выразился тѣмъ, что галлюцинація зрѣнія была въ образѣ среднихъ лѣтъ приличнаго господина: почему именно галлюцинація зрѣнія была въ этой формѣ (дьявола въ человѣческомъ видѣ) объяснить нельзя; но, конечно, нельзя отъ художника требовать объясненія тамъ, гдѣ не даетъ его сама природа. Необычайную живость и реальность этой главѣ придаютъ мелкія подробности; постепенность, съ которою Иванъ убѣждался въ реальности этого обмана чувствъ, тотъ ужасъ, который овладѣвалъ имъ при этомъ, то, что во время галлюцинаціи были явленія прилива крови къ головѣ, то обстоятельство, что прикладываніе холодныхъ компрессовъ, свѣжій воздухъ и приходъ брата облегчили его состояніе— всѣ эти подробности еще болѣе усиливаютъ впечатлѣніе, производимое этой главой, по крайней мѣрѣ, для знакомаго со психіатріей.

Алексѣй Карамазовъ.

*) Алексѣй, этотъ „ранній человѣколюбецъ“, по выраженію автора, не мистикъ. Авторъ говоритъ, что онъ былъ болѣе, чѣмъ реалистъ, а предался религіи только случайно, потому что наткнулся на Зосиму и былъ пораженъ его *славой* и *силой* въ народѣ. Его любовь къ людямъ могла принять и иныя формы, какъ у Красоткина (форму соціализма), какъ и у Ивана (форму позитивнаго католицизма и пессимизма) и т. д. Только подъ вліяніемъ проповѣдей отца Зосимы онъ является его отраженіемъ, но онъ не понимаетъ вполнѣ своего учителя, не понимаетъ уже потому, что ждетъ отъ него чудесъ, т. е. внѣшнихъ явленій, вещественныхъ фактовъ его мистической силы, тогда какъ, по ученію Зосимы, это только *нравственная* сила, исцѣляющая только нравственно; вотъ почему Алеша болѣе чѣмъ реалистъ, хотя и ученикъ Зосимы. Онъ усвоилъ, однако, его основной принципъ: любовь, всепрощеніе, невозможность человѣку судить человѣка, усвоилъ потому, что это ему понятно, ибо онъ любитъ и безъ того людей, чувствуетъ ихъ страданія почти

*) Л. О. (Оболенскій). „Мысль“ 1881 г., № 2.

какъ свои. Вотъ уже мы видимъ, какъ ученіе старца Зосимы—будемъ называть его „мистицизмомъ"—измѣнилось въ Алешѣ сообразно его характеру и уму, какъ онъ не въ силахъ возвыситься до его чисто-нравственнаго пониманія. Опредѣлимъ-же психологически, что это за свойство, которое даетъ и Алешѣ и старцу Зосимѣ ихъ силу любить и прощать, и даже ихъ вѣру въ существованіе въ нихъ и въ мірѣ таинственнаго, нравственнаго начала любви и всепрощенія, въ которомъ лежитъ величайшее земное счастье. Собственное юношеское нѣжное влеченіе Алеши ко всѣмъ людямъ и природѣ прежде всего *удивляетъ* его и требуетъ объясненія. Какъ фетишизмъ и анимизмъ первобытнаго человѣка слагался, между прочимъ, изъ удивленія передъ природой, такъ этотъ новый мистицизмъ „чистой любви" слагается, изъ удивленія передъ явленіями собственной психики, а именно передъ субъективными явленіями любви.

Отъ этого удивленія до признанія этой таинственной любви всеобщимъ свойствомъ людей и до обоготворенія людей—одинъ шагъ. Алеша видитъ, какъ и у другихъ людей изъ-подъ коры пороковъ и житейскихъ волненій изрѣдка прорываются высокіе порывы и поразительныя дѣйствія: хотя бы у того же Дмитрія, когда онъ отдалъ Катеринѣ Ивановнѣ послѣднія пять тысячъ; хотя бы у той-же Грушеньки, когда она вдругъ конфузится, сидя у него на колѣняхъ и узнавъ, что его учитель умеръ. Она, только что отдавшая за его визитъ Ракитину двадцать пять рублей, начинаетъ говорить языкомъ любящаго сердца, чутко понявшаго, что онъ пришелъ къ ней, ошалѣвъ отъ горя, что завтра онъ опомнится и проклянетъ ее. Какъ она поняла это? Сердцемъ, чувствомъ. Она сама любила и страдала. Но, конечно, особенно его убѣждаетъ въ существованіи этого „начала" любовь старца Зосимы и отчасти сила его прозорливости. Какъ же онъ рисуетъ себѣ то мистическое начало, которое, по его вѣрѣ, есть въ немъ и въ природѣ? Конечно, сообразно этимъ своимъ свойствамъ, т. е. такимъ-же любящимъ, всепрощающимъ, какъ онъ самъ. Мы видимъ наглядно, какъ для Алеши совершается это перенесеніе собственныхъ душевныхъ свойствъ на общемiровое начало, именно вслѣдствіе удивленія своему собственному чувству. Когда

братъ Иванъ мучится угрызеніями совѣсти, подозрѣвая себя виновнымъ въ смерти отца, Алеша чуткимъ сердцемъ догадывается объ этомъ по двумъ-тремъ намекамъ, по выраженію лица, и полной любви и жалости восклицаетъ:

— Братъ! Не ты убилъ отца! Я чувствую, что мнѣ Богъ велитъ тебѣ сказать это!

Иначе Алеша и думать не можетъ. Онъ вездѣ хочетъ видѣть чудо, „фактъ", явленіе и именно въ силу-то этого особаго рода реализма онъ и это свое душевное движеніе приписываетъ чуду. Понятно, что, разъ ставъ на эту точку зрѣнія, разъ прощая самъ, онъ не можетъ думать, что еще болѣе доброе, таинственное міровое начало можетъ не простить, если онъ простилъ. И онъ начинаетъ говорить прямо отъ имени Бога.

Совершенно та-же логика и у старца Зосимы, когда онъ хочетъ успокоить женщину, пришедшую къ нему покаяться въ убійствѣ мужа. Зосима говоритъ: „Если я умилился надъ тобой, то подумай же, насколько сильнѣе меня умилился мой Богъ, который неизмѣримо лучше меня".

* * *

*) Если не первый, то второй герой романа Алеша Карамазовъ, самый младшій изъ трехъ братьевъ, ангелъ во плоти, такъ что братья такъ-таки прямо и называли его „ангеломъ", херувимомъ. Съ самой ранней юности онъ возлюбилъ благочестіе и бѣгалъ блуда и блудныхъ помысловъ, или какъ выражается авторъ: „въ немъ была дикая, изступленная стыдливость и цѣломудренность; онъ не могъ слышать извѣстныхъ словъ и извѣстныхъ разговоровъ про женщинъ". Даже юные сверстники его, гимназисты, не смотря на всѣ старанія, не могли всѣми своими соблазнами поколебать его изступленной цѣломудренности, и когда они начинали заговаривать „про это", то онъ быстро затыкалъ уши пальцами. Съ юности же онъ возлюбилъ иноческое житіе, убѣжалъ отъ міра и его соблазновъ и поступилъ въ обитель, гдѣ подви-

*) М. Антоновичъ. „Мистико-аскетическій романъ". „Новое Обозрѣніе", 1881 года, № 3.

зался великій и благочестивый старецъ Зосима, и отдалъ себя въ послушаніе ему. Старецъ же зѣло возлюбилъ богобоязненнаго юношу, сдѣлалъ его своимъ наперстникомъ и достойнымъ сосудомъ, въ который изливалъ свои благочестивыя аскетическія поученія; и юноша усердно записывалъ эти приснопамятныя поученія, чтобы сохранить ихъ для потомства. Они напечатаны въ концѣ 1-го тома романа, гдѣ занимаютъ 30-ть листовъ, или, выражаясь по мірскому, 60 страницъ, несомнѣнно опредѣляя физіономію романа. Подобно старцу Зосимѣ, юношу послушника Алексія любили всѣ добрые и благочестивые люди; куда бы онъ ни появлялся, всюду вносилъ миръ, любовь, благодать, добрые помыслы и исправленіе; уже одинъ внѣшній ликъ его производилъ благотворное дѣйствіе даже на грѣшниковъ. Такъ, напр., былъ такой случай. Нѣкоей благообразной и благолѣпной блудницѣ, Грушенькѣ, жившей на блудномъ иждивеніи у купца Самсонова, діаволъ вложилъ въ сердце мысль искусить и обольстить своими плотскими прелестями юнаго инока, вовлечь его въ блудъ и тѣмъ учинить „позоръ праведнаго“ и „паденіе изъ святыхъ во грѣшники“. Для сего она подкупила своего родственника, семинариста Ракитина, за 25 рублей, чтобы онъ привелъ къ ней послушника Алексія. Но едва только она узрѣла образъ Алексія и услышала сладкій гласъ его рѣчи, какъ сатанинскій умыселъ отлетѣлъ отъ ея сердца; она чистосердечно исповѣдалась передъ нимъ въ своемъ грѣхѣ, созналась, что „хотѣла его поглотить“, и просила у него прощенія. Онъ простилъ, а она, тронутая его праведностью, исправилась и съ того времени стала добродѣтельной и самоотверженной женщиной.—Откуда же и какимъ образомъ развилась въ Алешѣ Карамазовѣ такая сила благочестія и чудодѣйственнаго нравственнаго вліянія?

Личность Алеши, какъ и всѣ другія личности въ романѣ, крайне блѣдна, неестественна, неопредѣленна и непонятна; это просто авторское сочиненіе, фантазія. Чтобы убѣдить насъ въ дѣйствительности или даже въ возможности существованія такого удивительнаго лица, автору слѣдовало показать намъ процессъ его развитія, закончившійся благочестіемъ и поступленіемъ въ обитель послушникомъ. Но этого не сдѣлано, и намъ благочестіе и пустынножительство Алеши

представляется врожденнымъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ. Но отъ отца, Ѳедора Павловича Карамазова, онъ не могъ получить такого наслѣдства, такъ какъ этотъ былъ во всю свою жизнь нераскаяннымъ грѣшникомъ, отчаяннымъ блудодѣемъ и неудержимымъ сладострастникомъ. Остается приписать это наслѣдство матери. Намекъ на это есть и въ романѣ: описывается, что въ душѣ Алеши глубоко запечатлѣлось воспоминаніе изъ самаго ранняго дѣтства о томъ, какъ мать его съ молитвой и слезами судорожно сжимала его въ своихъ объятіяхъ и потомъ подносила его къ образу Богоматери, какъ бы отдавая свое дѣтище подъ ея защиту и покровъ. Но это обстоятельство хотя и могло имѣть свое значеніе, однако оно не объясняетъ благочестія и заключенія въ монастырь. А затѣмъ авторъ ограничивается только фразами о томъ, что Алеша узналъ и понялъ мірскую злобу и душа его рвалась къ свѣту, который нашла въ монастырѣ, и ни слова не говоритъ о томъ, какіе именно вопросы волновали умъ этого Алеши, неокончившаго курсъ гимназиста, какія явленія особенно поразили его и раскрыли для него всю бездну мірской злобы...

Но какъ бы то ни было и отъ какихъ бы то ни было причинъ, а Алеша возлюбилъ пустынножитіе и всею душою прилѣпился къ старцу Зосимѣ и пребывалъ съ нимъ до самой его смерти. Передъ смертью старецъ въ видѣ послушанія повелѣлъ ему оставить обитель и благословилъ его снова возвратиться въ міръ съ его злобой, что онъ свято и исполнилъ, и здѣсь въ мірѣ завелъ было даже любовное дѣло и началъ переписку съ дѣвицей Lise Хохлаковой, получившей исцѣленіе отъ старца Зосимы; но дѣло это, впрочемъ, осталось безъ послѣдствій. Жизнь нашего человѣколюбца въ мірѣ для безсмертія состояла въ слѣдующихъ человѣколюбивыхъ подвигахъ: онъ былъ повѣреннымъ своихъ двухъ старшихъ братьевъ, Ивана и Дмитрія Карамазовыхъ, снисходительнымъ и терпѣливымъ слушателемъ всѣхъ ихъ дикихъ, безпорядочныхъ, но горячихъ признаній, изліяній, откровеній, мечтаній, исповѣдей и порывовъ, посредникомъ или факторомъ въ ихъ сношеніяхъ съ ихъ возлюбленными; претерпѣлъ укушеніе пальца на рукѣ отъ Илюши, сына упомянутаго штабсъ-капитана Снегирева въ отмщеніе за то, что

его братъ Дмитрій публично и всенародно въ трактирѣ и на площади прибилъ и опозорилъ этого штабсъ-капитана, вырвавши у него бороду; далъ этому штабсъ-капитану денежное (200 руб.) и моральное удовлетвореніе за обиду, нанесенную братомъ; примирилъ съ этимъ Илюшей подравшихся было съ нимъ его товарищей гимназистовъ, съ участіемъ посѣщалъ болящаго Илюшу, присутствовалъ на его погребеніи и сказалъ надъ могилой его поучительное слово. Все это, конечно, такіе подвиги, для совершенія которыхъ далеко не требовалось „жертвовать жизнью". Другихъ подвиговъ въ романѣ не видно никакихъ. А между тѣмъ, судя по той торжественности, съ какою старецъ Зосима посылалъ въ міръ Алешу на борьбу и подвиги, по его грознымъ предсказаніямъ, мы въ правѣ были ожидать отъ Алеши чего-нибудь большаго, кромѣ факторства и хожденія по любовнымъ дѣламъ братьевъ...

Вообще фигура Алеши крайне неопредѣленна въ романѣ, а при сопоставленіи ея съ миссіей старца Зосимы, святотатственно скопированной съ извѣстной евангельской бесѣды, представляется даже жалкой и комической, хотя, повторяемъ, этой фигурѣ принадлежатъ всѣ симпатіи автора.

***

*) Послѣ обрисовки главныхъ героевъ послѣднихъ романовъ Достоевскаго, г. Звѣревъ говоритъ: „Какая серія скорбныхъ, страдальческихъ образовъ русскаго „скитальца!" И сколько нужно было перенести сердечныхъ мукъ писателю, выносившему въ своей душѣ эти образы! Да, Достоевскій по истинѣ пѣвецъ скорби и страданій, и этому призванію онъ остался вѣренъ до конца... Но едва-ли мнѣ нужно прибавлять, что мрачныя картины художника, при несомнѣнной широтѣ его кисти, не отражаютъ въ себѣ всей нашей жизни. Онѣ, изображая явленія, полныя значенія, не захватываютъ, однако, всѣхъ теченій общественныхъ, которыя сливаются въ одинъ общій и могучій потокъ родной жизни. Самъ Достоевскій хорошо понималъ, что не одними

*) Н. Звѣревъ. „Русь" 1884 г. № 1.

отрицательными явленіями богата наша земля,—даже въ той средѣ, изъ которой онъ беретъ своихъ „скитальцевъ.“ Въ душѣ художника уже назрѣвалъ типъ положительный въ лицѣ Алеши, третьяго Карамазова, на сторонѣ котораго его горячія симпатіи; по мысли писателя, Алеша—новый человѣкъ, грядущій въ нашъ русскій міръ; онъ—герой будущаго романа. Что это за человѣкъ—сказать пока трудно: онъ еще въ туманѣ, подернутъ дымкой, сквозь которую, однако, уже мелькаютъ его симпатическія черты. Достоевскій успѣлъ обрисовать Алешу самыми легкими штрихами: подготовилъ его, чтобы вывести на глаза зрителей, подвелъ и уже поставилъ его на авансценѣ. Но въ ту минуту, когда русское общество стало жадно всматриваться въ эту новую и пока загадочную фигуру, занавѣсъ опустился: въ темную могилу унесъ угасшій писатель свѣтлый образъ Алеши, мелькнувшій передъ нами зарницею.“

* * *

*) У Сокольскаго, Алеши и Раскольникова настроеніе играетъ большую роль; настроеніе (даже не аффектъ) всецѣло руководитъ дѣйствіями этихъ людей. Сокольскій участвуетъ въ подлогѣ потому, что ему было весело; ему некогда было думать о томъ, что онъ дѣлаетъ; онъ проживаетъ чужое состояніе потому, что ему было скучно и т. п. Алеша бросаетъ гимназію потому, что имъ овладѣваетъ какое-то неясное чувство тоски, онъ ѣдетъ посѣтить могилу матери, но поглодѣвъ на нее одинъ разъ, остается въ томъ же настроеніи. Этотъ примѣръ хорошо объясняетъ намъ, какъ такіе люди совершаютъ удивляющіе насъ поступки. Побывать на могилѣ матери дѣло столь естественное, но Алеша оставляетъ гимназію чего вовсе не нужно для того, чтобы съѣздить на могилу, на время весь поглощается мыслію объ исполненіи этого сыновняго долга, исполняетъ его кое-какъ, и настроеніе, вызвавшее этотъ поступокъ, остается; и вотъ, вмѣсто разумнаго поступка, является что-то странное, потому что дѣйствительнымъ мотивомъ дѣйствій Алеши была не осмыс-

*) В. Чижъ. „Достоевскій какъ психопатологъ.“ „Русскій Вѣстн.“ 1884 г., № 5 и 6, и отд. изд. М. 1885 г.

ленная сознательная цѣль, а неясное, непонятное ему настроеніе. Онъ не могъ съ этимъ настроеніемъ продолжать учиться и жить по старому, и вотъ является предлогъ, и Алеша самъ себя обманываетъ, чтобъ объяснить себѣ, почему онъ бросаетъ гимназію и ѣдетъ на родину.

Только преобладаніемъ настроенія надо всею духовною жизнію и можно объяснить поступленіе его въ монастырь. Что въ наше время юноши изъ образованной среды не идутъ въ монастырь, это фактъ самъ по себѣ объясняющій, почему не можетъ быть разумной цѣли въ такомъ поступкѣ. Авторъ также не объясняетъ разумныхъ мотивовъ, обусловившихъ этотъ поступокъ Алеши, и самъ отрицаетъ въ немъ и тотъ темпераментъ и то воспитаніе, которое создаетъ истинныхъ монаховъ, если и допустить, что въ возрастѣ Алеши можно быть истиннымъ монахомъ; между тѣмъ въ романѣ вполнѣ объяснено, почему отецъ Зосима сдѣлался монахомъ.

Поступленіе Алеши въ монастырь можно объяснить только преобладаніемъ, господствующимъ значеніемъ въ его духовной жизни настроенія, чувствомъ тоски, неудовлетворенности, вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстнымъ въ психіатріи фактомъ—„періодомъ полового развитія, когда возбужденное еще неясными половыми ощущеніями чувство очень легко объективируется въ религіозной мечтательности;“ все это на физіологической почвѣ суть доказательства въ пользу внутренняго сродства, существующаго между преувеличеннымъ религіознымъ рвеніемъ и половымъ влеченіемъ.“ (*Крафтъ-Эбингъ*, т. I, стр. 79). Внѣ всякаго сомнѣнія, что усиленное половое чувство иногда проявляется необыкновеннымъ религіознымъ рвеніемъ, преобладающей склонностію къ религіознымъ упражненіямъ, а Достоевскій указалъ на общее семьѣ Карамазовыхъ сладострастіе; даже Алеша признавался, что онъ боится этого чувства; вслѣдствіе же разныхъ причинъ Алеша избѣгалъ естественнаго удовлетворенія этого чувства. Такимъ образомъ столь крупный шагъ въ жизни, какъ поступленіе въ монастырь, у Алеши былъ просто удовлетвореніемъ сильнаго вліянія малосознательныхъ настроеній, и глубоко правъ психіатръ Морель, называя лицъ съ явленіями психическаго вырожденія инстинктивными людьми.

Подтверждается такое объясненіе и тѣмъ обстоятельствомъ, что Алеша безо всякаго повода оставилъ монастырь, такъ какъ очевидно, что смерть отца Зосимы не имѣла никакого значенія: чтобы пользоваться совѣтами и обществомъ отца Зосимы, не нужно было поступать въ монастырь, какъ это говорилъ и самъ мудрый старецъ. Просто прошло настроеніе, и Алеша, подъ вліяніемъ новыхъ настроеній, увлекается новою дѣятельностью, но хотя трудно судить, что собственно побудило его избрать именно эту дѣятельность; можно почти навѣрное предсказать, что онъ скоро ее броситъ; такъ какъ тысячелѣтній опытъ доказалъ всѣмъ, кромѣ Алеши (такіе люди мало доступны логическимъ доводамъ), что прежде, чѣмъ учить другихъ, нужно учиться самому.

Въ качествѣ инстинктивнаго человѣка для него не существуетъ ни науки ни общественной жизни; по крайней мѣрѣ, несмотря на свое образованіе и на время, въ которое живетъ, онъ рѣшительно не обнаруживаетъ интереса къ чему-либо, не вытекающему изъ его настроенія и влеченія (религіозные вопросы).

Достоевскій старался выставить его крайне симпатичнымъ, чуть ли не героемъ. На этотъ разъ позволю себѣ рѣшительно не согласиться съ авторомъ: Алеша, какъ мнѣ кажется, можетъ возбуждать только участіе, какъ всякое слабое болѣзненное существо. Если онъ пока не сдѣлалъ ничего дурного, то это не больше какъ случайность; такіе люди черезчуръ мягкій воскъ въ рукахъ окружающихъ, сознательное ихъ *я* крайне бѣдно и слабо. Чего, въ самомъ дѣлѣ, можно ожидать отъ человѣка, оставшагося даже въ восемнадцать лѣтъ совершенно чуждымъ всякимъ сознательнымъ порывамъ къ научной или общественной дѣятельности!

Смердяковъ.

*) Это исчадіе, этотъ плодъ грѣха оказался вполнѣ достойнымъ своего родителя и своего грѣховнаго происхожденія. Этотъ Смердяковъ былъ такой ужасный, закоренѣлый, холод-

*) М. Антоновичъ. „Мистико-аскетическій романъ". „Новое Обозрѣніе", 1881 г., № 3.

ный и методическій злодѣй, какого трудно себѣ и представить. Это былъ не человѣкъ, а просто сатана во плоти. И у него порочность и преступность вытекали изъ невѣрія и атеистическихъ заблужденій, которыя онъ подслушалъ у своего барина-отца и барина-брата, Ивана Карамазова, и перетолковалъ по своему. И что всего замѣчательнѣе, этотъ ужасный злодѣй былъ не славянофилъ, такъ какъ изъ славянофиловъ не можетъ выйти такого злодѣя, а крайній западникъ, чѣмъ и объясняется его злодѣйство. Онъ отвергаетъ поэзію и стихи, считая ихъ „существеннымъ вздоромъ-съ"; русскаго патріотизма въ немъ ни капли. Онъ самъ дѣлалъ передъ своей возлюбленной на любовномъ свиданіи слѣдующія признанія: „Я всю Россію не навижу, Марья Кондратьевна, не только не желаю быть военнымъ гусарикомъ, но желаю, напротивъ, уничтоженія всѣхъ солдатъ-съ. Въ 12-мъ году было на Россію великое нашествіе императора Наполеона французскаго перваго, отца нынѣшнему, и хорошо кабы насъ тогда покорили эти самые французы: умная нація покорила бы весьма глупую-съ и присоединила къ себѣ. Совсѣмъ даже были-бы другіе порядки-съ". Уже подъ старость онъ усердно изучалъ французскіе вокабулы, „чтобы тѣмъ образованію моему способствовать, думая, что и самому мнѣ когда-нибудь въ тѣхъ счастливыхъ мѣстахъ Европы можетъ придется быть".

Вотъ какой любопытный субъектъ: лакей, западникъ, либералъ и злодѣй! Вообще авторъ надѣлилъ Смердякова такимъ діалектическимъ талантомъ, что это даже представляется невѣроятнымъ. Вотъ, напр., какія діалектическія тонкости онъ отмачивалъ. По поводу разговора о подвигѣ солдата, который не хотѣлъ отречься отъ вѣры даже и тогда, когда турки начали сдирать съ него кожу, Смердяковъ замѣтилъ, что не было бы большой бѣды, еслибы солдатъ и отрекся отъ вѣры для своего спасенія. На представленныя ему возраженія онъ отвѣчалъ такой аргументаціей. Какъ только, разсуждаетъ онъ, у меня явится хоть мимолетное намѣреніе отречься отъ вѣры, тотчасъ же „я самымъ высшимъ Божіимъ судомъ немедленно и специально становлюсь анаѳема проклятъ и отъ церкви святой отлученъ совершенно какъ бы иноязычникомъ, такъ что даже самой четверти секунды тутъ не пройдетъ-съ, какъ

я отлученъ.“ А разъ человѣкъ отлученъ отъ церкви, отъ христіанства, то формальное отреченіе уже не имѣетъ значенія и смысла. „Коли я ужъ не христіанинъ, значитъ я не могу отъ Христа отрекнуться, ибо не отъ чего тогда мнѣ и отрекаться будетъ. Съ татарина поганаго кто же станетъ спрашивать, хотя и въ небесахъ, за то, что онъ не христіаниномъ родился... Даже самъ Богъ Вседержитель съ татарина если и будетъ спрашивать, когда тотъ помретъ, то полагаю, какимъ-нибудь самымъ малымъ наказаніемъ, разсудивъ, что вѣдь не повиненъ же онъ въ томъ, что если отъ поганыхъ родителей поганымъ на свѣтъ произошелъ“. А затѣмъ онъ огорошилъ своихъ противниковъ такимъ возраженіемъ: въ Писаніи сказано, что кто имѣетъ хоть слабую вѣру, тотъ если прикажетъ горѣ двинуться въ море, то она и двинется, а никто изъ васъ не можетъ этого сдѣлать, значитъ вы сами люди невѣрующіе.

Этотъ Смердяковъ убилъ Ѳедора Павловича Карамазова-отца, вполнѣ ему довѣрявшаго. Это убійство задумано и совершено съ такою сатанинскою обдуманностью и предусмотрительностью, съ такимъ адскимъ хладнокровіемъ и методичностью, что у читателей волосы должны были бы встать дыбомъ отъ ужаса передъ титаничностью такого преступника, если бы ежеминутно къ нимъ не закрадывалось въ голову справедливое подозрѣніе, что авторъ пересаливаетъ, шаржируетъ и фантазируетъ. Слыша отъ Ивана Карамазова правило, что „все дозволено“, Смердяковъ намоталъ себѣ на усъ это правило. Затѣмъ по нѣкоторымъ признакамъ и намекамъ Смердяковъ догадывался, что Ивану, въ видахъ наслѣдства, была бы пріятна и желательна смерть отца, и онъ разсчитывалъ, что отца убьетъ другой сынъ, Митя, который ненавидѣлъ отца, ревновалъ его къ Грушенькѣ, до безумія очаровавшей старика, и имѣлъ съ нимъ какіе-то нескончаемые денежные счеты. Въ томъ случаѣ, если-бы Митя убилъ отца, Смердяковъ собирался похитить 3 тысячи рублей, хранившіеся въ извѣстномъ ему одному мѣстѣ. Иванъ и Алеша, получивши наслѣдство только на двоихъ, не стали бы доискиваться этихъ 3 тысячъ или же сочли бы ихъ похищенными Митей. Если же Митя не убьетъ отца, то самъ Смердяковъ сдѣлаетъ это. И при этомъ Смердяковъ соста-

вилъ планъ совершить убійство при такихъ обстоятельствахъ, чтобы подозрѣніе пало только на Митю, а онъ бы остался внѣ всякаго подозрѣнія. Въ этомъ случаѣ онъ, во-первыхъ, все-таки похитилъ бы тѣ 3 тысячи и, кромѣ того, разсчитывалъ получить отъ Ивана награду. Этотъ планъ былъ приведенъ имъ въ исполненіе такъ искусно, всѣ обстоятельства были подстроены такъ ловко и слѣдователи съ прокурорами попались въ разставленныя для нихъ Смердяковымъ тенета и силки такъ глупо, что дѣйствительно былъ заподозрѣнъ, преданъ суду и осужденъ только Митя, а Смердяковъ остался внѣ всякаго подозрѣнія и не былъ преданъ суду. Кончилъ онъ свою злодѣйскую жизнь достойнымъ образомъ. Узнавши о томъ, что Иванъ вовсе не желалъ смерти отца, и поэтому онъ не можетъ ожидать отъ него никакой награды, онъ возвратилъ ему похищенныя 3 тысячи, какъ нѣкогда предатель Іуда возвратилъ 30 сребрянниковъ, а самъ повѣсился, тоже подобно Іудѣ.

Ракитинъ.

*) Семинаристъ Ракитинъ, отчаянный, сухой и безсердечный безбожникъ, который индифферентенъ и глухъ даже къ тѣмъ вопросамъ, которые волнуютъ вольнодумный умъ Ивана Карамазова. Ракитинъ ни во что не вѣритъ, никого не любитъ, не имѣетъ никакихъ высшихъ интересовъ. Онъ презираетъ ангела Алешу, глумится—страшно сказать—надъ самимъ старцемъ Зосимою и всею монастырскою братіею. Единственная страсть у него—страсть къ деньгамъ, выше и желательнѣе которыхъ для него нѣтъ ничего. Вопреки своей гуманности авторъ изобразилъ эту личность не человѣкомъ, а какимъ-то извергомъ, настоящимъ сатаною, въ которомъ нѣтъ ни одной человѣческой черты. Онъ чувствуетъ ненависть и злобу къ этому своему созданію, какъ къ своему личному врагу и обидчику; это преступникъ, къ которому

---

*) Характеристика Смердякова съ психопатологической стороны сдѣлана г. Чижомъ при анализѣ Свидригайлова. См. „Критическій комментарій къ соч. Ѳ. М. Достоевскаго“, часть 2.

М. Антоновичъ „Мистико-аскетическій романъ“. „Новое Обозрѣніе“ 1881 г., № 3.

Примѣч. В. Зелинскаго.

нѣтъ жалости и сострадания и который не заслуживаетъ прощенія, такъ какъ онъ хуже тѣхъ, которые мучатъ дѣтей. Авторъ бываетъ чрезвычайно доволенъ собою и радъ, когда ему удается какъ-нибудь поддѣть и уязвить Ракитина, поставить его въ глупое или неловкое положеніе, унизить и опозорить его публично. Былъ, напр., такой случай. Въ торжественномъ засѣданіи суда по дѣлу Мити, при многочисленномъ стеченіи лучшей публики, Ракитинъ, давая свои показанія, хвастался и пускалъ пыль въ глаза своимъ либерализмомъ. Вслѣдъ за этимъ авторъ выводитъ на сцену Грушеньку и заставляетъ ее на вопросъ адвоката показать, что мать ея и Ракитина были родныя сестры, но что онъ постоянно просилъ ее никому объ этомъ не говорить. И такъ, либералъ Ракитинъ есть кузенъ блудницы! Какой позоръ! Ракитинъ побагровѣлъ; все гражданское благородство его либеральныхъ показаній, говоритъ авторъ, было на этотъ разъ уже „окончательно похерено и уничтожено въ общемъ мнѣніи“.—Относительно Ракитина странно только одно: авторъ говоритъ о немъ, что онъ усердно сѣялъ свои лжеученія, старался распространять свои заблужденія; онъ старался смутить Митю, какъ мы видѣли, также онъ соблазнялъ юныхъ гимназистовъ. Спрашивается, съ какою цѣлью и по какимъ мотивамъ онъ это дѣлалъ? Ужели это доставляло ему большія деньги, которыя составляли единственную цѣль его жизни?

* * *

*) Это человѣкъ умный, какъ его рекомендуетъ, по крайней мѣрѣ, Достоевскій, но до такой степени низкій и безсовѣстный, что способенъ дѣлать не только подлости, а и большія глупости. Въ судѣ надъ Дмитріемъ Карамазовымъ онъ фигурируетъ въ качествѣ свидѣтеля. Авторъ разсказываетъ: „Всю трагедію преступленія онъ изобразилъ какъ продуктъ застарѣлыхъ нравовъ крѣпостного права и погруженной въ безпорядокъ Россіи, страдающей безъ соотвѣтственныхъ учрежденій. Словомъ, ему дали кое-что высказать. Съ

*) Н. Михайловскій. „Отеч. Записки“ 1881 г., № 2, а также „Соч. Н. К. Михайловскаго“, т. 6.

этого процесса г. Ракитинъ въ первый разъ заявилъ себя и сталъ замѣтенъ; прокуроръ зналъ, что свидѣтель готовитъ въ журналъ статью о настоящемъ преступленіи, и потомъ, уже въ рѣчи своей, цитовалъ нѣсколько мыслей изъ этой статьи, значитъ уже былъ съ нею знакомъ. Картина, изображенная свидѣтелемъ, вышла мрачной и роковою и сильно подкрѣпила „обвиненіе.“ Вообще же изложеніе Ракитина плѣнило публику независимостью мысли и необыкновеннымъ благородствомъ ея полета. Послышались даже два, три внезапно сорвавшіеся рукоплесканія, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорилось о крѣпостномъ правѣ и страдающей отъ безурядицы Россіи.“

После всего вышеизложеннаго вы понимаете, конечно, что такое, хотя бы мимолетное, торжество Ракитина Достоевскій не могъ оставить безъ жестокаго возмездія—вѣдь онъ и негодяемъ-то Ракитина сдѣлалъ за эту самую „страдающую отъ безурядицы Россію.“ И дѣйствительно, возмездіе получается блистательное. Ловкій адвокатъ, чтобы ослабить впечатлѣніе, произведенное показаніями Ракитина, искусными разспросами доводитъ до свѣдѣнія публики, что онъ, этотъ самый благородный врагъ крѣпостного права и безурядицы, 1) будучи атеистомъ, печатаетъ изъ подлости религіозныя статьи; 2) игралъ за двадцать пять рублей гнусную роль сводни. Удовлетворенный авторъ злобно замѣчаетъ: „г. Ракитинъ сошелъ со сцены нѣсколько подсаленный; впечатлѣніе отъ высшаго благородства его рѣчи было таки испорчено“. Но этого мало. Извѣстно, что у Достоевскаго всѣ дѣйствующія лица чрезвычайно проницательны и всѣ пророчествуютъ именно то, что автору нужно для дальнѣйшаго развитія событій. И вотъ какое пророчество изрекаетъ Иванъ Карамазовъ Ракитину. Пророчество это, какъ опять-таки часто бываетъ у Достоевскаго, излагаетъ самъ Ракитинъ въ разговорѣ съ Алешей: „Изволилъ (твой братъ) выразить мысль, что если я-де не соглашусь на карьеру архимандрита въ весьма недалекомъ будущемъ и не рѣшусь постричься, то непремѣнно уѣду въ Петербургъ и примкну къ толстому журналу, непремѣнно къ отдѣленію критики, буду писать лѣтъ десятокъ и, въ концѣ концовъ, переведу журналъ на себя. Затѣмъ буду опять его издавать и непремѣнно въ ли-

беральномъ и атеистическомъ направленіи, съ соціалистическимъ оттѣнкомъ, съ маленькимъ даже лоскомъ соціализма, но держа ухо востро, то есть въ сущности, дружа нашимъ и вашимъ и отводя глаза дуракамъ. Конецъ карьеры моей, по толкованію твоего брата, въ томъ, что оттѣнокъ соціализма не помѣшаетъ мнѣ откладывать на текущій счетъ подписныя денежки и пускать ихъ при случаѣ въ оборотъ, подъ руководствомъ какого-нибудь жидишки, до тѣхъ поръ, пока не выстрою капитальный домъ въ Петербургѣ съ тѣмъ, чтобы перевесть въ него и редакцію, а въ остальные этажи напустить жильцовъ". Всякій узнаетъ въ этомъ пророчествѣ внѣшнюю сторону исторіи одного недавно умершаго журналиста. Но, каковы бы ни были грѣхи этого покойника, а роль сводни Достоевскій навѣрное уже присочинилъ для вящшаго и злонамѣреннаго эффекта. Такого рода выходки вы найдете въ каждомъ романѣ Достоевскаго (высшій пунктъ этого злобнаго полу-творчества составляетъ, можетъ быть, знаменитый беллетристъ Кармазиновъ въ „Бѣсахъ"). Онъ беретъ нѣсколько чертъ, по которымъ если не всѣ, то очень многіе могутъ узнать, о комъ идетъ рѣчь, но присовокупляетъ уже отъ себя какія-нибудь экстренныя гнусности или пошлости. Въ этомъ направленіи онъ любилъ также эксплуатировать громкіе уголовные и политическіе процессы. Словомъ, онъ дѣлалъ то же самое, что сдѣлалъ въ „Идіотѣ" Келлеръ, напечатавъ обличительную статью противъ князя, за что, разумѣется, Келлеръ и потерпѣлъ отъ Достоевскаго.

*
* *

*) Дмитрій, какъ человѣкъ полуграмотный, не знающій ни исторіи науки, ни исторіи происхожденія матеріализма, полагаетъ, что Ракитины—родные братья Клодамъ Бернарамъ, что Бернары-то, т. е. наука, и виноваты въ появленіи Ракитиныхъ?

Быть можетъ, есть люди, готовые вообразить, что и авторъ такъ думаетъ и будутъ его распинать за это. Они глубоко ошибутся, онъ тутъ-же даетъ цѣлую массу фактовъ

---

*) Л. О. (Оболенскій) „Мысль" 1881 г., № 2.

противъ такой мысли. Для чего выведенъ Ракитинъ и что онъ такое? По нашему глубокому убѣжденію, онъ выведенъ для того, чтобы показать, что спасеніе лежало далеко не въ томъ воспитаніи, которое могли дать наши духовныя семинаріи и монастыри, хотя по недоразумѣнію оно и называлось духовнымъ; напротивъ, религіозность, вколачиваемая палками, а не любовью, могла создать только бездушныхъ Ракитиныхъ. Пояснимъ это разборомъ типа Ракитина.

Ракитины порождаются не Бернарами, это ясно изъ того, что онъ всю жизнь провелъ въ семинаріи и монастырѣ. Мы уже показали, что мистицизмы бываютъ разные: добрые и любящіе, какъ у Алеши, злобные и мстительные, какъ у Дмитрія, или какъ у монаха Ѳерапонта. Именно такой то мистицизмъ старыхъ бурсъ и семинарій и породилъ Ракитина. Онъ воспитанникъ той самой бурсы, въ которой, во имя исправленія людей и очищенія ихъ мистическаго начала, отцы Ѳерапонты и Дмитріи Карамазовы спускали съ дѣтей и юношей шкуры, забивали въ нихъ нервную систему и ея воспріимчивость, т. е. чувствительность, порождая одно безсознательное, чисто органическое озлобленіе и ненависть ко всему, что пахнетъ словами любви и всепрощенія, ибо эти слова напоминали имъ только розгу да ихъ избитые, изсѣченные бока. Помяловскимъ даны достаточные образчики такой бурсы и порождавшихся ею типовъ звѣрской жестокости и безсердечія, т. е., говоря проще, притупленія (омозоливанія) чувствительности къ страданіямъ своимъ, а, слѣдовательно, и чужимъ. Притупленіе способности страдать притупляетъ естественно и способность сострадать, ибо, не чувствуя самъ страданій, человѣкъ и въ другихъ не можетъ ихъ понимать. Но вся суть Ракитина именно въ томъ, что онъ не понимаетъ никакихъ чувствъ, никакихъ, кромѣ жажды наживы и чисто внѣшней блестящей жизни, добытой какими бы то ни было средствами, опять-таки свойство всѣхъ забитыхъ и униженныхъ, какъ мы видѣли на Ѳедорѣ Карамазовѣ и Грушенькѣ. Не въ Бернарахъ и источникъ его подлостей, а въ томъ, что онъ не можетъ совсѣмъ чувствовать, что люди отъ его подлостей могутъ страдать, и потому не можетъ ни жалѣть ихъ, ни раскаиваться, и дѣлаетъ эти подлости съ легкимъ сердцемъ, ровно ничего не понимая. Клода

Бернара онъ беретъ только ради полемики, потому что корень его „Бернардства“ въ характерѣ, т. е. притупленной чувствительности къ страданіямъ, выработанной бурсой, ясно изъ того, что онъ въ то же время, гдѣ нужно, беретъ авторитетомъ мистицизмъ, поклоняется мистицизму, пишетъ житіе Зосимы, посвящая его архіерею. Онъ сегодня будетъ мистикъ, завтра матеріалистъ; сегодня будетъ издавать газету для крѣпостниковъ, завтра станетъ соціалистомъ,—это ему все равно, ибо его цѣль—нажива: куда выгоднѣе, туда онъ и пристанетъ. Точно для доказательства той мысли, что не идеи и не Бернары виноваты въ негодяйствѣ Ракитина, у автора выведенъ другой типъ юноши, Коли Красоткина. Этотъ весь пропитанъ идеями „Бернаровъ“ и всякими „измами“ и остается добрѣйшимъ, чуткимъ созданіемъ, роднымъ братомъ Алеши по чувствамъ, даже выше его въ этомъ отношеніи. Его сострадательность столь высока, что ему, этому ребенку, услышавшему, что Дмитрія ссылаютъ невинно, хочется самому быть сосланнымъ невинно, „пострадать за правду“, какъ онъ выражается. Коля, оставаясь благоговѣйнымъ читателемъ „Бернаровъ“, является преданнѣйшимъ послѣдователемъ Алеши, именно потому, что въ немъ та же любовь къ людямъ, та же сострадательность и чуткость къ чужимъ страданіямъ, а эта чуткость, какъ очевидно изъ самаго романа, не зависитъ отъ тѣхъ или иныхъ теоретическихъ убѣжденій, ибо, повторяемъ, Коля послѣдователь Бернара, тогда какъ безчувственный Ракитинъ росъ и воспитывался въ бурсѣ, семинаріи и монастырѣ. Можно-ли сильнѣе, чѣмъ Достоевскій, написать противъ самого себя, если только допустить, что онъ имѣлъ въ виду, будто въ Ракитиныхъ виноваты Клоды Бернары. Мы этого не думаемъ. Онъ не можетъ не видѣть на своихъ-же герояхъ, что его *мистическое начало*, т. е., говоря языкомъ психологическимъ, чуткая воспріимчивость къ психологическимъ страданіямъ другихъ, тонкое пониманіе и сочувствіе чужимъ психическимъ движеніямъ можетъ быть у людей съ самыми различными теоретическими взглядами на причины явленій. И этимъ-то прекрасенъ человѣкъ. Несомнѣнно, что люди съ черезчуръ развитой воспріимчивостью скорѣе другихъ могутъ впасть въ мистицизмъ, изумленные тѣми явленіями, которыя замѣчаютъ въ себѣ и которыхъ не

въ состояніи объяснить естественно. Но изъ этого далеко не слѣдуетъ, что тѣ, которые ихъ объясняютъ естественными законами природы теряютъ ихъ или отрицаютъ какъ великое благо, какъ источникъ человѣческаго счастья. Они ихъ могутъ называть иными именами, напр., альтрюизмомъ, какъ Контъ и Спенсеръ, но отъ этого они не менѣе другихъ благоговѣютъ передъ этими свойствами и передъ природой, создавшей эти свойства въ людяхъ.

Зосима.

*) Достоевскій, какъ изслѣдователь,—глубокій реалистъ, а не фантазеръ. Если у него встрѣчаются типы безъ яркой жизненности, безъ художественной осязательности, то это зависитъ только отъ его важныхъ недостатковъ, какъ художника, отъ излишняго перевѣса разсужденія надъ дѣйствіемъ; но основы его психическаго изслѣдованія не перестаютъ быть черезъ это вполнѣ реальными.

Его старецъ Зосима, при всей кажущейся идеализаціи своей, правдивъ, понятенъ и индивидуаленъ до-нельзя. Вообще это одна изъ самыхъ удавшихся фигуръ его романа, и чтобы оцѣнить всю ея жизненность и реальность, стоитъ, наприм., сравнить ее съ нѣсколько похожимъ на нее типомъ, созданнымъ геніальнымъ романистомъ В. Гюго въ его „Misèrables“, именно съ извѣстнымъ его епископомъ. Насколько нравственная высота и чистота этого католическаго архипастыря чужда земли и всякой личной окраски, насколько она обща и, такъ сказать, идейна, на столько старецъ Зосима, въ каждомъ жестѣ и словѣ своемъ, дышитъ письмомъ съ натуры, невыдуманною человѣческою личностью. Возьмите, напримѣръ, главу „Вѣрующія бабы“, гдѣ старецъ, почитаемый народомъ за святого, съ простодушною добротою ребенка, безъ всякаго слѣда схоластики или фанатизма, бесѣдуетъ съ толпою наивныхъ людей, пришедшихъ изъ далекихъ мѣстъ за его совѣтомъ и помощью. Онъ остается съ ними человѣкомъ божьимъ, какимъ они представляютъ его себѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ весь въ ихъ бытѣ, въ ихъ нуждахъ,

*) Е. Марковъ. „Критическія бесѣды“ („Русск. Рѣчь“ 1879 г., № 12).

въ ихъ положеніи. Его невыдуманная любовь къ человѣку прежде всего сказывается въ томъ, что онъ понимаетъ всякаго человѣка въ его горѣ и радостяхъ, что онъ не останавливается на общемъ формальномъ поученіи, на общихъ бездушныхъ соображеніяхъ, а видитъ насквозь именно особенныя нужды и особенныя свойства каждаго сердца, и даетъ каждому сердцу только ему подходящій совѣтъ, не застращивая простыхъ людей теоретическими абсолютными требованіями морали, не отпугивая ихъ своею строгостью непогрѣшимаго стража истины, а роднясь съ ними, овладѣвая ихъ дѣтскимъ довѣріемъ, именно этою житейскою снисходительностію своею къ неизбѣжному грѣху міра, этимъ какъ бы соучастіемъ своихъ въ людскихъ немощахъ... Вотъ вамъ образецъ почти идеальной высоты, почти мистическихъ свойствъ, а между тѣмъ построенный на самой несомнѣнной реальной почвѣ, возможный, понятный и прекрасный даже съ точки зрѣнія научнаго человѣка и раціоналиста. Слишкомъ ярые противники идеализма забываютъ, что и мистицизмъ есть реальный фактъ, имѣющій вполнѣ реальныя основы.

*
* *

*) Достоевскій, какъ мы уже видѣли, объясняетъ естественной причиной почти чудотворныя дѣйствія старца; повторимъ еще разъ это мѣсто. „Онъ такъ много принялъ въ душу свою откровеній, сокрушеній, сознаній, что *подъ конецъ* пріобрѣлъ прозорливость уже столь сильную, что съ перваго взгляда на лицо незнакомаго, приходившаго къ нему, могъ угадать: съ чѣмъ тотъ пришелъ, что тому нужно и даже какого рода мученіе терзаетъ его совѣсть, и *удивлялъ, смущалъ* и почти *пугалъ* иногда пришедшаго такимъ знаніемъ тайны его, прежде, чѣмъ тотъ молвилъ слово“.

Но уже изъ этихъ словъ видно, что, если Зосима, какъ человѣкъ, какъ характеръ, даже какъ философія — идеалъ Достоевскаго, то самое „старчество“, какъ учрежденіе, ему не вполнѣ по душѣ. Онъ говоритъ: „правда пожалуй и то, что это испытанное и уже тысячелѣтнее орудіе для нравствен-

*) Л. О. (Оболенскій). „Мысль“ 1881 г., № 2.

наго перерожденія человѣка отъ рабства къ свободѣ и къ нравственному совершенствованію можетъ обратиться въ обоюдоострое орудіе, такъ что иного, пожалуй, приведетъ, вмѣсто смиренія и окончательнаго самообладанія, напротивъ, къ самой сатанинской гордости, т. е. къ цѣпямъ, а не свободѣ *). Зосима велитъ, напр., Алешѣ идти въ міръ: тамъ надо работать, тамъ твое мѣсто. Онъ безпрестанно посылаетъ его по дѣламъ братьевъ и отца: иди и помогай. Отношеніе къ старцу народа весьма интересно и бросаетъ яркій свѣтъ еще и на иныя формы мистицизма, кромѣ тѣхъ, которыя мы видѣли у интеллигенціи: „для смиренной души русскаго простолюдина, измученной трудомъ и горемъ, а главное всегдашнимъ грѣхомъ, какъ своимъ, такъ и міровымъ, нѣтъ сильнѣе потребности и утѣшенія, какъ пріобрѣсти святыню или святого, пасть предъ нимъ и поклониться ему“... Это потому, что народу безъ вѣры, что есть гдѣ-то святой или святыня, способная защищать его, было бы тяжело жить. А тутъ думается: „есть на землѣ, тамъ-то, святой, гдѣ-то, высшій; у кого за то правда (если кругомъ насъ ея нѣтъ), тотъ за то знаетъ правду; *значитъ не умираетъ она на землѣ, а стало быть и къ намъ пріидетъ* и воцарится по всей землѣ, какъ обѣщано.“

Пріемы его лѣченія душевныхъ болѣзней обрисованы поразительно, съ замѣчательной психологической точностью и показываютъ въ старцѣ глубокій, тонкій, наблюдательный умъ. Не будь онъ въ монастырѣ, и онъ былъ бы или величайшимъ поэтомъ—психологомъ, какъ самъ авторъ, или великимъ психіатромъ, который поражалъ бы такъ- же, какъ, напр., проф. Балинскій, и студентовъ и приходящихъ больныхъ своей дивной проницательностью.

Вотъ, напримѣръ, къ старцу приходитъ простая женщина, у которой умеръ мальчикъ. Она почти сумасшедшая, всюду его видитъ, слышитъ его походку, голосокъ, возненавидѣла свой домъ, мужа, бродитъ по святымъ мѣстамъ, нося за пазухой дѣтскій поясокъ, при видѣ котораго ры-

*) Въ романѣ есть и другіе подобные намеки. Такъ, Зосима именно тѣмъ, что онъ былъ старецъ, что жилъ въ монастырѣ, возбудилъ надежду, что онъ не разложится, а когда эта надежда не исполнилась, то произошелъ страшный скандалъ, отрицаніе самой его „истины“ и проч. Очевидно, живи онъ съ людьми просто, и учи ихъ какъ человѣкъ, а не какъ старецъ, этого бы не было.

даетъ въ три ручья. Старецъ, узнавъ, что ужъ у этой женщины мужъ сталъ попивать, начинаетъ съ того, что поселяетъ въ ней своимъ авторитетомъ вѣру въ слетаніе души ребенка къ ней въ домъ. И вотъ онъ прилетаетъ и видитъ, что ея нѣтъ дома, отецъ одинъ, и пьянствуетъ. То есть, для воздѣйствія на нее онъ беретъ самый яркій стимулъ ея душевной болѣзни, т. е. ту же ея любовь къ умершему и этимъ путемъ убѣждаетъ ее вернуться домой, увѣряя, что ребенокъ скучаетъ, а тогда будетъ веселиться, хотя и не будетъ видимъ, но будетъ постоянно прилетать и радоваться. Мы уже говорили о его пріемѣ относительно мужеубійцы. Онъ говоритъ, что Богъ ее проститъ, что Его любовь такъ велика, что она и представить себѣ этого не можетъ. „Ужъ коли я, такой же какъ и ты человѣкъ грѣшный, надъ тобой умилился и пожалѣлъ тебя, кольми паче Богъ.“ Этотъ старецъ не можетъ представить себѣ вещественнаго огня въ аду, хотя не утверждаетъ и противнаго. Онъ думаетъ, во всякомъ случаѣ, что страданія душевныя могутъ быть такъ тяжелы, что если бы вещественнаго огня и не было, измученныя души, быть можетъ, сами бы стали о немъ молить, чтобы физическое страданіе заглушило нравственное.

Нужно ли говорить, послѣ того, что сказано объ Алешѣ, что старецъ этотъ—поэтъ, восторженно любящій природу и людей, готовый плакать надъ каждой вѣткой, надъ каждой птичкой. И это у него, очевидно, наслѣдственное, ибо таковъ же былъ и его братъ, умершій рано. Цѣлью жизни и самымъ богоугоднымъ дѣломъ онъ считаетъ, какъ сказано, счастье. Мы не будемъ разсказывать его исторію, а скажемъ вкратцѣ, что онъ бывшій офицеръ, что толчкомъ къ перевороту въ его душѣ послужила неудачная любовь и за тѣмъ дуэль съ человѣкомъ, женившемся на любимой имъ дѣвушкѣ. А еще больше, кажется, то, что передъ дуэлью онъ избилъ своего денщика и потомъ, вѣроятно, прощаясь съ жизнью, все вспоминалъ этого несчастнаго, какъ онъ стоялъ неподвижно, руки по швамъ, а онъ его бьетъ. Ожиданіе дуэли и смерти, воспоминаніе о братѣ и его проповѣдяхъ, этотъ избитый денщикъ, произвели въ немъ такое нравственное потрясеніе, что онъ, переломивъ всѣ свои офицерскіе предразсудки, пошелъ и поклонился денщику въ ноги. На дуэли

онъ выстрѣлилъ на воздухъ. Въ монастырь пошелъ потому, что не имѣлъ достаточно силы бороться съ общественными предразсудками. Его поученія проникнуты духомъ любви и христіанской свободы, онъ хотѣлъ-бы, чтобы люди и управлялись только любовью, т. е. и во внѣшнемъ отношеніи были свободны, хотя идеалъ свободы видитъ въ свободѣ внутренней, т. е. въ способности стать выше тѣхъ многихъ матеріальныхъ привычекъ, потребностей, мелочныхъ желаній, которыя дѣлаютъ рабомъ даже человѣка свободнаго.

* * *

*) Самый великій праведникъ въ романѣ — это старецъ Зосима, всѣ его поклонники уже при жизни считали его святымъ. Вся его богоугодная дѣятельность состояла въ аскетическихъ поученіяхъ и моральныхъ благотвореніяхъ. Онъ былъ прибѣжищемъ, духовною опорою и утѣшеніемъ всѣхъ страждущихъ, обремененныхъ, скорбящихъ и озлобленныхъ и помощи требующихъ. Всѣ вѣрующіе, всѣхъ возрастовъ, званій и состояній и обоихъ половъ довѣрчиво, искренно и чистосердечно раскрывали передъ нимъ свой умъ и сердце, свои сомнѣнія и недоумѣнія, свои духовныя нужды и печали, свои прегрѣшенія и грѣховные помыслы. И всѣхъ святой старецъ удовлетворялъ и успокоивалъ, и никто не уходилъ отъ него безъ облегченія и душевнаго умиротворенія. „Алеша почти всегда замѣчалъ, что многіе, почти всѣ, входившіе въ первый разъ къ старцу на уединенную бесѣду, входили въ страхѣ и безпокойствѣ, а выходили отъ него почти всегда свѣтлыми и радостными, и самое мрачное лицо обращалось въ счастливое". Богомольцы стекались къ нему со всѣхъ сторонъ. Они повергались предъ нимъ, плакали, цѣловали ноги его, цѣловали землю, на которой онъ стоитъ, вопили, бабы протягивали къ нему дѣтей своихъ, подводили больныхъ кликушъ. Старецъ говорилъ съ ними, читалъ надъ ними краткую молитву, благословлялъ и отпускалъ ихъ. — Вотъ приходитъ баба и плачетъ объ умершемъ сынишкѣ; старецъ и говоритъ ей, что „младенцы предъ престоломъ Божіимъ дерзновенны, и нѣтъ никого дерзновеннѣе

*) М. Антоповичъ. „Мистико-аскетическій романъ". „Новое Обозрѣніе". 1881 г., № 3.

ихъ въ царствіи небесномъ", что поэтому ея младенецъ находится „въ ангельскомъ чинѣ", есть „единый отъ ангеловъ Божіихъ", а, слѣдовательно, она должна не плакать, а радоваться, идти домой къ мужу и беречь его. Баба совершенно успокоилась и весело отправилась домой, сказавши: „сердце ты мое разобралъ".—Другая баба сообщила ему на-ухо какой-то грѣхъ; онъ, узнавъ, что она исповѣдалась и пріобщилась, сказалъ ей: „ничего не бойся, и никогда не бойся и не тоскуй; только бы покаяніе не оскудѣвало въ тебѣ—и все Богъ проститъ" и т. д.—Является, наконецъ, великосвѣтская „маловѣрная дама", Хохлакова, мать упомянутой исцѣленной старцемъ Lise, исповѣдуется, что она страдаетъ невѣріемъ не относительно Бога, а относительно будущей жизни, и что это ее мучитъ. Старецъ разсѣялъ ея сомнѣнія, успокоилъ ее, сказавъ, что уже много значитъ одно сознаніе ею своего грѣха и скорбь объ немъ и т. д.

Вообще благотворенія великаго старца, равно какъ и его поученія, имѣли чисто духовный, теоретическій, такъ сказать, платоническій характеръ; старецъ былъ, что называется, созерцательный мистическій аскетъ. О дѣятельномъ же, практическомъ аскетизмѣ ни о. Зосима, ни его авторъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Больше всего доставалось старческихъ поученій на долю окружавшихъ его лицъ, именно, кромѣ Алеши, еще о. Паисія и о. Іосифа, ученаго монастырскаго библіотекаря, и многихъ другихъ лицъ изъ монастырской братіи. Соберутся они, бывало, въ келіи старца и начнутъ вести мудрую бесѣду о божественныхъ предметахъ или хоть о земныхъ предметахъ, но съ божественной точки зрѣнія; рѣшающій голосъ всегда, конечно, принадлежитъ старцу, онъ всѣхъ поучаетъ. Эти его поученія также изложены подробно въ разныхъ мѣстахъ романа. Иногда на этихъ бесѣдахъ обсуждались брошюры и статьи по разнымъ современнымъ вопросамъ, напр., объ отношеніи между церковью и государствомъ, о судѣ гражданскомъ и церковномъ. Зосима, купно съ другими иноками, рѣшилъ, что на Западѣ, у лютеранъ и католиковъ церковь исчезла, а сохраняется только у насъ, что идеалъ общества и государства есть превращеніе ихъ въ церковь (въ этомъ пунктѣ иноки сходятся съ нашимъ мистикомъ-философомъ г. Соловьевымъ), что гражданскій судъ совер-

шенно неудовлетворителенъ и останется такимъ, пока не будетъ замѣненъ судомъ церкви...

Старецъ Зосима былъ даже провидцемъ и многое пророчествовалъ. Одна вдовица, долго не получавшая извѣстій отъ сына, хотѣла его поминать заупокой, и пришла посовѣтоваться со старцемъ, который увѣрилъ ее, что сынъ скоро пріѣдетъ или письмо пришлетъ. И дѣйствительно, сынъ скоро пріѣхалъ. Однажды старецъ ни съ того ни съ сего поклонился въ ноги Димитрію Карамазову, во время ссоры его съ отцомъ въ присутствіи старца. Всѣ недоумѣвали, что это значитъ; но старецъ сказалъ по секрету Алешѣ: „я поклонился его великому будущему страданію.“ Это оракульское изреченіе скоро разъяснилось и оправдалось: Митя Карамазовъ безвинно пострадалъ. Вслѣдствіе этого поклонники о. Зосимы считали его еще при жизни формально святымъ и съ увѣренностью ожидали, что тотчасъ же послѣ смерти, онъ начнетъ творить чудеса, что отъ тѣла его немедленно станетъ исходить благоуханіе. Но эти надежды не оправдались, и тѣло Зосимы вскорѣ послѣ смерти начало издавать не благоуханіе, а зловоніе или, какъ выражается авторъ для эвфемизма, „тлетворный духъ,“ — что глубоко и непріятно поразило Алешу. Авторъ очень подробно останавливается на этомъ чувствѣ юнаго послушника, которое, по его словамъ, составило въ душѣ его „переломъ и переворотъ, потрясшій, но укрѣпившій его разумъ уже окончательно на всю жизнь и къ извѣстной цѣли.“ Авторъ посвятилъ много страницъ въ романѣ на то, чтобы разъяснить истинный смыслъ этой скорби Алеши и доказать, что въ ней не было ничего предосудительнаго. Авторъ горячо завѣряетъ, что скорбь Алеши о „тлетворномъ духѣ“ отъ тѣла о. Зосимы не была легкомысленнымъ и нетерпѣливымъ ожиданіемъ чудесъ, которыя были бы нужны для укрѣпленія его въ вѣрѣ, а проистекала только изъ горячей любви къ почившему старцу, не была ропотомъ на Бога, а проистекала изъ желанія высшей справедливости, которая требовала, чтобы тѣло старца было прославлено благоуханіемъ, а не низвержено и опозорено тлетворнымъ духомъ и т. д., и т. д. Словомъ, авторъ пустился здѣсь въ такую казуистику и схоластику, что обыкновенному, непросвѣщенному мистикой, человѣку и не понять его аргументаціи.

Старецъ Ѳерапонтъ.

*) Еще болѣе (чѣмъ у Хохлаковой) реаленъ мистицизмъ старца Ѳерапонта. Этотъ человѣкъ не можетъ не быть реалистомъ въ мистицизмѣ ужъ потому одному, что онъ галлюцинатъ. Онъ всюду видитъ чертей, придавливаетъ имъ хвосты дверями, бесѣдуетъ съ Христомъ. Онъ, повидимому, изъ крестьянъ, попалъ въ монастырь и совершенно помѣшанъ. Почти не ѣстъ, цѣлые дни и ночи простаиваетъ иногда на колѣняхъ, бесѣдуя съ своими галлюцинаціями. Зосиму онъ ненавидитъ, какъ представителя совсѣмъ иного мистическаго начала, начала внутренняго, нравственнаго, субъективнаго, до котораго Ѳерапонту дѣла нѣтъ, онъ о немъ и понятія не имѣетъ; его мистическое начало есть его зрительныя и слуховыя галлюцинаціи, безобразные чертики съ хвостами, тогда какъ для Алеши и Зосимы это—ихъ чувства и идеи, вызываемыя этими чувствами, — какъ для Ивана — его неудовлетворенное, оскорбленное чувство справедливости, преслѣдующее его всю жизнь, — какъ для Дмитрія его собственный подвигъ съ Катериной Ивановной и то мгновенное счастье, которое онъ тогда испыталъ.

Коля Красоткинъ.

**) Коля — одинъ сынъ у матери вдовы; она на него не надышется. Онъ знаетъ это и, какъ всѣ умныя дѣти, пользуется этимъ. Коля — своего рода глава въ домѣ. Свое рано развившееся самолюбіе и властолюбіе проявляетъ онъ и въ гимназіи — съ товарищами. „Я вѣдь ихъ бью, а они меня обожаютъ,“ говоритъ онъ. Но Коля, хоть и баловень, а добрый мальчикъ. „Ильюшу перестали бить, съ удовольствіемъ замѣчаетъ онъ; — я взялъ его подъ мою протекцію.“ Если Ильюша на время теряетъ эту спасительную протекцію, то по своей винѣ. Послушался „дурачокъ“ обозленнаго на все и на всѣхъ Смердякова, и подбросилъ Жучкѣ мякишу

*) Л. О. (Оболенскій). „Мысль“ 1881 г., № 2.

**) О. Миллеръ. „Дѣти въ сочиненіяхъ Ѳ. М. Достоевскаго. „Женск. Образованіе“ 1882 года, № 2 и 3.

съ воткнутою въ него булавкою. Коля возгорѣлъ благороднымъ негодованіемъ и велѣлъ ему объявить, что прерываетъ съ нимъ всякія сношенія. Но вѣдь и Ильюша характерный мальчикъ. Вмѣсто того, чтобъ сконфузиться и просить прощенья, онъ велѣлъ сказать Колѣ, что теперь всѣмъ собакамъ будетъ куски съ булавками кидать, всѣмъ, всѣмъ! „А, думаетъ Коля, вольный душокъ завелся, его надо выкурить.“ Сталъ онъ отворачиваться отъ Ильюши, а другіе мальчики стали опять приставать къ Ильюшѣ и смѣяться надъ его отцомъ. Коля видитъ—и не выручаетъ, а бѣдный Ильюша до того обозлился, что ткнулъ Колю своимъ перочиннымъ ножичкомъ. Но Коля благородный мальчикъ; онъ, разумѣется, не пошелъ фискалить, стерпѣлъ про себя и все зажило безъ огласки. А Ильюшечка, между тѣмъ, слегъ въ постельку. „Это меня Богъ наказалъ за то, что я Жучку убилъ“, говорилъ онъ отцу. Колѣ онъ самъ въ этомъ сознается, тутъ же надо было пойти къ Ильюшѣ и помириться. Но у Коли сложился особый планъ. Онъ зналъ, что Жучка жива, но вмѣсто того, чтобы сейчасъ же вести ее къ Ильюшѣ, онъ предварительно обучаетъ ее всѣмъ собачьимъ хитростямъ, чтобы разомъ доставить Ильюшѣ большое счастье. Между тѣмъ на это уходитъ время, а бѣдный больной мучится угрызеніями своей дѣтской совѣсти. Но у Коли, какъ рѣшено, такъ уже непремѣнно и будетъ. Онъ самъ потомъ сознается, что перемудрилъ непростительно: приведи онъ Жучку поранѣе, и Ильюшечка, разсуждаетъ онъ, можетъ быть бы еще и поправился. Во всемъ этомъ такъ и видно, что Коля еще настоящій ребенокъ; но уже его начали *развивать* въ его 13—14 лѣтъ—въ томъ смыслѣ, какъ еще не развивали мальчугановъ въ ту пору, когда Достоевскій въ крѣпости писалъ своего „Маленькаго Героя“. Съ тѣхъ поръ мы ушли впередъ въ *развитіи*, а самолюбіе и властолюбіе Коли представляло благодарную почву для воспріятія всякихъ „идей“. Напрасно извѣстная воспитательная система, по выраженію Достоевскаго (въ его записной книжкѣ), рѣшила: „чтобъ не было идей“: мальчуганы, соскучившись за вѣчной грамматикой, стали сами ихъ набираться внѣ школы — и вышло хуже. Коля, напримѣръ, заявляетъ съ важностью Алешѣ Карамазову, что „глупостей у насъ гораздо больше, чѣмъ у жи-

вотныхъ; это мысль Ракитина (семинариста)—мысль замѣчательная". „Я соціалистъ", не совсѣмъ даже кстати добавляетъ Коля. Въ немъ самымъ диковиннымъ образомъ ребячество совмѣщается съ напускнымъ „развитіемъ". Идетъ шалунъ по улицѣ и задираетъ встрѣчнаго мужика, а тотъ отплачиваетъ ему вопросомъ: „а что, васъ въ школѣ, чай порютъ". Коля пресерьезно поддакиваетъ. „По идеѣ мужика, школьника порютъ, разсуждаетъ отъ, и вдругъ я скажу ему, что у насъ не порютъ; вѣдь онъ этимъ огорчится... Съ народомъ надо умѣючи говорить". Выставляя себя своего рода знатокомъ народа, Коля „всегда готовъ признать въ немъ умъ". Онъ даже рѣшается утверждать: „мы отстали отъ народа, это аксіома... Я вѣрю въ народъ"—съ оговоркой однако: „отнюдь не балуя его, это *sine qua*" (не даромъ же Коля классикъ, хотя и презираетъ классицизмъ и всю „эту подлость"). Вѣря въ народъ, Коля, набравшись всего такого, конечно, думаетъ, что народу нужно бы просвѣтительное начало повыше церковнаго. „Согласитесь, убѣждаетъ онъ Алешу, что христіанская вѣра послужила лишь богатымъ и знатнымъ, чтобъ держать въ рабствѣ низшій классъ"... Замѣчая однако, что это огорчаетъ Алешу, онъ снисходительно оговаривается: „если хотите, я не противъ Христа. Это была вполнѣ гуманная личность, и живи онъ въ наше время, онъ бы прямо примкнулъ къ революціонерамъ, и, можетъ быть, игралъ бы важную роль"... Но тутъ уже Алеша не выдерживаетъ: „Ну гдѣ, ну гдѣ вы этого нахватались? спрашиваетъ онъ; съ какимъ дуракомъ вы связались?.." „Я, конечно, часто говорю съ г. Ракитинымъ, поясняетъ Коля, но... Это еще старикъ Бѣлинскій тоже, говорятъ, говорилъ.—„Бѣлинскій? не помню. Онъ этого нигдѣ не писалъ... А Бѣлинскаго вы читали"? думаетъ его срѣзать Алеша.—„Видите-ли, нѣтъ, не задумывается Коля, я не совсѣмъ читалъ, но... то мѣсто о Татьянѣ, зачѣмъ она не пошла съ Онѣгинымъ, я читалъ..." Но Коля не даромъ самолюбивъ, потому-то и мнителенъ, подозрителенъ: какъ бы кто не посмѣялся въ немъ надъ ребенкомъ, корчащимъ изъ себя большого. „Скажите, Карамазовъ, вы ужасно меня презираете?" спрашиваетъ онъ.—„Презираю васъ?.. мнѣ только грустно, говоритъ Алеша, что прелестная натура,

какъ ваша, уже извращена всѣмъ этимъ грубымъ вздоромъ"... „О моей натурѣ не заботьтесь, важничаетъ Коля, хотя и не тѣмъ тономъ, какъ при другомъ случаѣ: „я никому не позволяю анализировать свои поступки"... „Вы сейчасъ усмѣхнулись", замѣчаетъ онъ.—Я недавно прочелъ отзывъ заграничнаго нѣмца, жившаго въ Россіи, говоритъ Алеша, объ нашей учащейся молодежи: „никакихъ знаній и беззавѣтное самомнѣніе". Коля отражаетъ ударъ тѣмъ, что начинаетъ хвалить: „вѣрниссимо! браво, нѣмецъ", но тутъ же еще и ввертываетъ, не безъ своего рода патріотизма — патріотизма въ видѣ нѣмцеѣдства, какъ-то допускаемаго подчасъ радикальнѣйшими изъ нашихъ космополитовъ: „однакожъ чухна не разсмотрѣлъ и хорошей стороны... Самомнѣніе — это пусть... за то смѣлость мысли и убѣжденія... а не духъ ихняго колбаснического раболѣпства предъ авторитетами... Но все-таки нѣмецъ хорошо сказалъ, продолжаетъ онъ безпристрастничать, однакоже съ оговоркою, что „все-таки нѣмцевъ надо душить".

Коля боится насмѣшекъ со стороны Алеши, хотя самъ между тѣмъ не безъ снисхожденья относится къ этому „монашку". Мы видѣли, что по добротѣ души онъ готовъ, такъ и быть, ему уступить Христа: „все же былъ замѣчательная личность". Точно также, чтобы не огорчить Карамазова, Коля его успокоиваетъ: „я ничего не имѣю противъ Бога... еслибъ его не было, то надо бы его выдумать", — а самъ между тѣмъ краснѣетъ и ужасно досадуетъ на себя, что покраснѣлъ.—„Я теперь не могу вступать во всѣ эти препиранія, хотѣлъ-бы какъ будто покончить Коля; можно вѣдь и не вѣруя въ Бога любить человѣчество? Какъ вы думаете? Вольтеръ же не вѣровалъ въ Бога, а любилъ человѣчество, вспоминаетъ онъ автора приводимой у него въ русскомъ переводѣ фразы: Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer!— „Вольтеръ въ Бога вѣрилъ, но, кажется, мало и, кажется, мало любилъ и человѣчество", тихо, сдержанно и совершенно натурально произноситъ Алеша, не вполнѣ увѣренный въ памяти, въ которой смутно, должно быть, отпечатлѣлся отзывъ о Вольтерѣ Луи Блана... Но Колю сильно поражаетъ „эта неувѣренность Алеши въ свое мнѣніе о Вольтерѣ"... Въ этой неувѣренности звучитъ для него правдивость и

откровенность, уличающія его самого въ его дѣтски самолюбивомъ замазываніи своего незнанія. Карамазовъ привязываетъ къ себѣ Колю именно такимъ чистосердечіемъ, а также и тѣмъ, что держитъ себя съ нимъ совершенно на равной ногѣ. Самолюбивый Коля, безъ всякаго умысла со стороны Алеши, этимъ польщенъ и задобренъ. А все дѣло въ томъ, что Алеша почти такой-же большой ребенокъ, какъ и „идіотъ“.—Я знаю, что вы мистикъ, съ важностью говоритъ ему Коля, но.. это меня не остановило. Прикосновеніе съ дѣйствительностію васъ излѣчитъ“...

Хохлакова (мать).

*) Г-жѣ Хохлаковой (матери), какъ она сама объясняетъ, хочется вѣрить, хочется подвиговъ, да она и вѣритъ, иначе не повела бы свою больную дочь для исцѣленія къ старцу. Но ея вѣра, есть вѣра чисто свѣтскихъ людей, поверхностная, безъ глубокаго раздумья, безъ всякихъ философій, почти какъ мода: всѣ вѣрятъ и она вѣритъ, она къ этому привыкла. Начнутъ всѣ смѣяться надъ вѣрой, и она, пожалуй, будетъ смѣяться, но въ то же время потихоньку креститься, потому что страхъ какъ боится Бога, именно только боится, ибо никогда не думала ни о сущности религіи, ни о сущности Бога, а такъ мелькомъ что-то слышала и по привычкѣ усвоила. И вотъ надо видѣть, какъ именно такая барыня всю сущность религіи видитъ именно въ *чудѣ*.

Едва ея дочка стала поправляться подъ вліяніемъ сильнаго нравственнаго воздѣйствія старца (у дѣвочки болѣзнь болѣе психическая, нервная), и г-жа Хохлакова расцвѣтаетъ, летаетъ всюду, разсказываетъ о чудѣ... Едва она узнала, что какой-то бабѣ старецъ довольно вѣрно предрекъ возвращеніе ея сына изъ Себири, и она весь день на погахъ, мечется, пропагандируетъ старца, пишетъ письма. Когда старецъ умираетъ, она ставитъ около него почти стражу изъ своихъ друзей, чтобы ей тотчасъ сообщили о чудѣ, которое должно совершиться... Но, о ужасъ! старецъ умираетъ и начинаетъ разлагаться. Первая Хохлакова его топчетъ въ

*) Л. О. (Оболенскій). „Мысль“ 1881 г., № 2.

грязь и пишетъ Алешѣ, что „старецъ всѣхъ обманулъ". Эта черта до такой степени вѣрно подмѣченная, что объ ней много можно бы было говорить. Такіе люди, какъ Хохлакова, будь они идеалистами, реалистами, соціалистами или, наоборотъ, жрецами существующаго порядка, всегда и вездѣ видятъ только внѣшнюю сторону явленія, поклоняются только формѣ, борятся только за форму, за обрядъ, за господствующую внѣшнюю оболочку теоріи и никогда не ищутъ и не понимаютъ сущности ни въ чемъ.

Лиза Хохлакова.

*) Лиза Хохлакова страдаетъ истеріей въ ясно выраженной формѣ болѣзни. А что между современными молодыми дѣвушками изъ образованнаго класса необычайно много истерическихъ, это общеизвѣстный фактъ; вѣроятно, этимъ явленіемъ объясняется много изъ нашей общественной жизни. Въ томъ же, что болѣе или менѣе частое заболѣваніе истеріей сильно обусловливается складомъ общественной жизни въ широкомъ смыслѣ этого слова, едва ли можно сомнѣваться, такъ же какъ и въ томъ, что участіе женщинъ съ истерическимъ характеромъ въ жизни общества оставляетъ по себѣ слѣдъ, ибо только наиболѣе тяжко больные попадаютъ подъ опеку окружающихъ и врачей, большинство же считаются здоровыми и пользуются полною свободой...

Мать Лизы, г-жа Хохлакова, женщина вздорная, легкомысленная, эксцентричная, безъ характера, безъ убѣжденій, и притомъ лишенная какого-либо руководства въ жизни, вдова, безъ какихъ-либо занятій и даже безъ опредѣленнаго общественнаго положенія. Естественно, что дочь съ ранняго дѣтства подражала матери въ ея эксцентрическихъ выходкахъ и понемногу усвоивала ея извращенныя воззрѣнія; послѣ нелѣпой сцены кокетства съ двумя молодыми людьми, устроенной матерью, дочь пишетъ любовную записку Ивану Карамазову. Воспитаніе,—если можно назвать этимъ именемъ отношенія безалаберной Хохлаковой къ своей дочери, а настоящаго воспитанія и не могло быть—имѣло два круп-

*) В. Чижъ. „Достоевскій какъ психопатологъ". „Русск. Вѣст." 1884 г., № 5 и 6, и отд. изд. М. 1885 г.

ные недостатка: излишняя снисходительность, Лизѣ ни въ чемъ не отказывали и все извиняли, давая тѣмъ полный просторъ развитію себялюбія, страстности и аффектовъ, недостаточному самообладанію и неспособности на какія-либо жертвы. Второй недостатокъ, это преждевременное введеніе въ сферу интересовъ взрослыхъ лицъ, результатомъ чего бываетъ пресыщеніе жизни и раннее знакомство съ чувственными наслажденіями и излишествами; стоитъ припомнить, какъ Лиза рано была влюблена въ Алексѣя Карамазова. Конечно, бываютъ и другія причины развитія истеріи, но и этихъ достаточно. Если я упомянулъ объ этихъ двухъ недостаткахъ воспитанія Лизы, то вовсе не потому, что хотѣлъ такимъ образомъ исчерпать все дурное въ ея воспитаніи: все воспитаніе ея было дурно; упомянулъ же я о нихъ потому, что современная система воспитанія главнымъ образомъ страдаетъ этими двумя недостатками. И если излишняя снисходительность имѣетъ еще хоть какой-нибудь, правда, весьма натянутый raison d'être, какъ реакція противъ суровости недавняго прошлаго, то введеніе дѣтей въ сферу интересовъ взрослыхъ, возможное и полезное только въ исключительныхъ случаяхъ, есть зло, противъ котораго должны бороться психіатры, такъ какъ имъ нерѣдко приходится видѣть крайне печальныя послѣдствія этой ошибки воспитанія.

Съ физической стороны у Лизы болѣзнь проявилась судорожными припадками и параличемъ ногъ. Достоевскій, желая выставить степень вліянія, которое имѣлъ отецъ Зосима на вѣрующихъ, не могъ лучше и разительнѣе этого сдѣлать, какъ примѣромъ излѣченія Лизы. Только истерическіе параличи проходятъ подъ вліяніемъ психическаго лѣченія, которое, какъ въ данномъ случаѣ, состоитъ въ развитіи увѣренности въ больныхъ, что они могутъ ходить, а такъ какъ отецъ Зосима былъ окруженъ извѣстнымъ ореоломъ, былъ святой въ глазахъ Хохлаковыхъ матери и дочери, то вполнѣ естественно, что Лиза выздоровѣла. Не укажи Достоевскій, что Лиза страдала истеріей, фактъ выздоровленія былъ бы невѣроятенъ. Вотъ тутъ-то наиболѣе ясно, что Достоевскій зналъ сущность психическаго лѣченія; мало того, онъ зналъ, въ какихъ случаяхъ это лѣченіе дѣйствительно...

Со стороны психической у Лизы наблюдается ясно вы-

раженный истерическій характеръ, основные признаки котораго: неустойчивое равновѣсіе психическихъ отправленій, чрезмѣрно легкая возбудимость, необыкновенно сильная реакція психическаго механизма и быстрая смѣна его возбужденій. Въ характерѣ Лизы бросается въ глаза пестрая смѣсь настроеній и аффектовъ, симпатій и антипатій, представленій то веселыхъ, то грустныхъ, то серіозныхъ, то низменныхъ, то съ философскимъ пошибомъ, стремленій полныхъ энергіи, но скоро и пропадающихъ. Она пишетъ цинично-любовную записку Ивану Карамазову, чѣмъ вызываетъ въ немъ презрѣніе къ себѣ, потомъ приглашаетъ Алексѣя, съ нимъ то плачетъ, то смѣется, безо всякаго повода, строитъ планы разумной жизни въ будущемъ, потомъ старается выставить въ смѣшномъ видѣ Алексѣя, оскорбить его, между тѣмъ какъ минуту тому назадъ относилась къ нему съ уваженіемъ и преданностью, послѣ этого бранитъ себя, говоритъ о своей испорченности и необычайной жестокости, плачетъ слезами раскаянія, и чтобы наказать себя, сдавливаетъ себѣ палецъ между дверями. Послѣдняя выходка весьма характерна для такого рода больныхъ. Подъ вліяніемъ страсти они неудержимо стремятся къ своей цѣли и безразсудно наносятъ вредъ себѣ или другимъ. Также при другихъ обстоятельствахъ они могутъ удивлять окружающихъ своимъ самоотверженіемъ, мужествомъ; и едва ли кто больше истерической женщины проявляетъ интенсивности желанія; для нихъ не существуетъ препятствія, даже инстинктъ самосохраненія, чувство боли, какъ это, напримѣръ, было съ Лизой, не могутъ остановить ихъ въ достиженіи мелочныхъ желаній, въ капризахъ. Можно себѣ представить, на что способна истерическая женщина, если она чего-нибудь пожелаетъ серіозно, какъ при этомъ можетъ проявиться порывистая энергія и даже при нѣкоторыхъ условіяхъ настойчивость.

Достоевскій достаточно отмѣтилъ у Лизы и другую черту истерическаго характера, себялюбіе; она самая наивная эгоистка, говоритъ только о себѣ, и постоянно съ живымъ интересомъ; такъ какъ себялюбіе истерическихъ выражается стремленіемъ говорить о себѣ, возбуждать къ себѣ у всѣхъ участіе и вниманіе, заинтересовывать всѣхъ своею

личностью, своею болѣзнію, даже своими пороками, то Лиза только и заботится о достиженіи этого относительно Алексѣя и Ивана Карамазовыхъ.

Наиболѣе тяжелыя болѣзненныя явленія у Лизы, — это извращенныя прихоти. Образцовымъ примѣромъ можетъ быть разсказъ Лизы, какъ ей хотѣлось бы ѣсть розовое варенье въ то время, какъ у нея будутъ предъ глазами рѣзать на куски живого ребенка. Уже не говоря о томъ, насколько странны такая живая фантазія и оригинальное направленіе мыслей для четырнадцатилѣтней дѣвочки, тутъ невольно удивляешься, какимъ образомъ можетъ эта воображаемая картина (положимъ только на словахъ) вмѣсто естественнаго чувства жалости и неудовольствія вызвать циничное, пріятное чувство, насмѣшку. Только у истерическихъ возможны такіе, если можно такъ выразиться, психологическіе парадоксы, такъ какъ у нихъ тамъ, гдѣ у здороваго извѣстное представленіе соединяется съ непріятнымъ чувствованіемъ, оно оттѣняется чувствованіемъ пріятнаго. Естественно, что эта психическая аномалія будетъ имѣть глубокое вліяніе на всю душевную жизнь больныхъ; напримѣръ, всѣмъ извѣстная склонность многихъ истерическихъ ѣсть невкусныя и даже противныя вещи—явленія того же характера.

Второй опасный симптомъ у Лизы, — это навязчивыя идеи; Лиза жаловалась Алексѣю, что ей, дѣвушкѣ религіозной, приходятъ въ голову богохульныя мысли, непонятное, ужасающее ее самое, желаніе бранить Бога. Навязчивыя идеи извѣстны сколько-нибудь только психіатрамъ; нѣкоторые душевно-больные, пожалуй, чаще всего истерическія женщины, жалуются намъ, что у нихъ появляются тягостныя и мучительныя мысли, отъ которыхъ онѣ не могутъ освободиться, и въ то же время вполнѣ понимаютъ нелѣпость, непристойность этихъ мыслей. Эти навязчивыя идеи, помимо желанія больныхъ и несмотря на все сопротивленіе ихъ воли, овладѣваютъ сознаніемъ, вмѣшиваются въ сознательное логическое теченіе представленій, вызываютъ внутреннее безпокойство и нерѣдко соединяются со стремленіями къ соотвѣтствующимъ поступкамъ. Характерная особенность навязчивыхъ идей—это что содержаніе ихъ странно, чуждо для сознанія. Обыкновенно у такихъ больныхъ появляется

стремленіе хулить Бога въ церкви, замѣнить въ молитвѣ слово „Богъ“ словомъ чортъ и т. п., при видѣ родныхъ желаніе умертвить ихъ, при видѣ встрѣчнаго человѣка около воды столкнуть его. Къ счастію, однако, такія стремленія, строго говоря, ограничиваются созиданіемъ картинъ, сочетаніемъ представленій въ данномъ направленіи и рѣдко переходятъ въ дѣйствіе; не всегда даже произносятся желаемыя слова и притомъ почти никогда вслухъ. При здоровомъ состояніи мозга явленіе аналогическое навязчивымъ представленіямъ составляютъ тѣ нейдущія къ дѣлу картины, представленія, музыкальные мотивы и т. п., которые иногда страннымъ образомъ впутываются въ наше нормальное мышленіе, надоѣдаютъ, мѣшаютъ намъ, развлекаютъ насъ; нужно извѣстное усиліе воли и напряженіе всего сочетательнаго механизма, чтобъ отъ нихъ отдѣлаться.

Я не припомню во всей міровой литературѣ мѣстъ, по которымъ можно было бы заключать, что кто-либо былъ знакомъ съ этимъ патологическимъ феноменомъ. Въ психіатріи навязчивыя идеи извѣстны весьма недавно; Достоевскій единственный изъ художниковъ ихъ описалъ, притомъ-же вполнѣ ясно, вѣрно и достаточно полно.

Лен. Гос. Ун-т
Научная библиотека
им. Горького

[8p]

Критиче

къ

Ө. Д